

Патриция Сент-Джон

СЛЕДЫ НА СНЕГУ

СВЕТ НА
ВОСТОКЕ

УДК 82 (494)-312.2-93
ББК 84 (4Шва) 6-44
Сен 31

Перевод с английского

Patricia St. John
“Treasures of the Snow”

Сент-Джон Патриция
Сен 31 Следы на снегу / Пер. с англ. — СПб.: Свет на Востоке, 2003. — 256 с.
ISBN 5-93829-011-2

В повести швейцарской писательницы Патриции Сент-Джон «Следы на снегу» рассказана очень реальная и в то же время совершенно чудесная история. Зависть и недоброжелательство в отношениях между детьми приводят к трагедии: пятилетний мальчик становится калекой. Эти события вполне могли бы породить многолетнюю вражду, месть и стать причиной новых трагедий. Если бы не вмешательство Того, Кто способен принести не только физическое здоровье, но даровать исцеление человеческому сердцу...

Издание обращено прежде всего к детям среднего школьного возраста, однако с огромным интересом будет прочитано и взрослыми.

УДК 82 (494)-312.2-93
ББК 84 (4Шва) 6-44

Текст Нового Завета цитируется по переводу «Радостная Весть» (© Российское Библийское общество, 2001)

Изд. № 01.294
ISBN 5-93829-011-2

© Patricia M. St. John, 1950
© Перевод на русский язык.
“Licht im Osten”, 1992
© Новая редакция, иллюстрации, оформление.
МРО «ХМ “Свет на Востоке”», 2003

ЗАПИСКИ БАБУШКИ

(ИСТОРИЯ ДЛЯ ЛЮБОГО ВОЗРАСТА)

Книжечка «Следы на снегу» полюбилась мне не только потому, что в ней талантливо, искренне и трогательно рассказана история из нашей с вами реальной жизни (хотя само действие происходит в далекой и благополучной Швейцарии). С этой повестью у меня связаны удивительные воспоминания. Не побоюсь громких слов, но это было, возможно, самое счастливое время в моей жизни.

Книжечка встретила меня в 1992 году, когда все еще продолжалась перестройка (многими вспоминаемая сегодня недобрым словом) и всюду дули столь долго ожидаемые нами, верующими, ветры свободы. Удивительное это было время! В церковь обращались директора общеобразовательных школ и просили (!) прислать к ним, как они выражались, «живого носителя веры». Священников не хватало, да и педагогам хотелось, чтобы детям рассказали о вере простые, обыкновенные люди. Журналисты, знаете ли, народ рискованный, и я тогда храбро ездила по самым разным школам и проводила так называемые альтернативные уроки — про Пушкина, про тайну смерти Гоголя, про смерть Андрея Болконского, про «Мастера и Маргариту» и так далее. Помню, одна директриса закрыла на ключ свой

одиннадцатый класс и строго сказала мне: «Пока не разберете с выпускниками Нагорную проповедь, никого не выпускаю: им в жизнь идти!»

Впрочем, вернемся к книжечке, которую вы держите сейчас в руках. Мой интерес к ней был связан не только с общественной деятельностью, но и с сугубо личной историей. Когда моему внуку исполнилось пять лет, я начала с ним читать Евангелие и молиться. И совершенно неожиданно встретила яростное сопротивление своего старшего зятя. Неожиданное — потому что он был хорошим, образованным человеком, да и время уже наступило другое: перемены ощущались во всем. Но я была «отлучена» от внука, мне запретили даже видеть его. Могла ли я с этим смириться? Ведь в Евангелии сказано, что мы должны слушаться прежде всего Бога, а уж потом человека. Очень горевала, что не могу поделиться с внуком тем, что мне всего дороже. Мальчик пошел в школу в 1990 году, и на первой же торжественной линейке я решительно подошла к директору школы и предложила вести, естественно на общественных началах, библейские уроки в первых классах. Та с радостью согласилась.

Так для меня началась совершенно новая страница в жизни. Одно дело — давать эпизодические уроки по литературе, другое — вести каждую неделю, по расписанию, изучение Библии с детьми. Приносила много картинок, фильмов, ребята охотно исполняли незатейливые христианские песенки. Проводила открытые уроки для родителей, чтобы все было спокойно — ни о каких конфессиях споров нет, только Библия. Так вместе с детками и старшим внуком переходила из класса в класс. Назывались наши уроки по-разному. Когда ребята стали постарше и мы «прошли» всю Библию, учителя охотно отдавали мне

уроки литературы, истории, пения, если речь заходила о крестовых походах или о духовной трагедии Толстого. Часто бывали на экскурсиях — благо в Петербурге немало мест, где можно говорить на библейские темы (и не только в залах Русского музея или Эрмитажа).

Вот тогда-то и произошла моя встреча с замечательной книгой «Следы на снегу». Вначале прочитала залпом сама, потом — внуку, а потом — всему его классу. Кажется, это были третьеклассники? Когда читала отрывки с продолжением, дети топали ногами и кричали: «Еще, еще!» Непоседы отказывались от перемены!.. Покупала, дарила — детям и родителям — не помню, сколько. Потом смотрели в классе фильм: он неплохой, но чтение вслух почему-то трогало больше.

Редкий для детской христианской литературы пример: житейская история рассказана без прикрас, без сюсюканья, без нравоучительных назиданий, без «лобового» нравоучения, чего я терпеть не могу, а дети — тем более.

Так и видишь эту милую, симпатичную бабушку, усталую и больную, с Библией в руках, заменившую осиротевшим детям мать. И удивляешься, как бабушке удастся не сердиться, не раздражаться при постоянных перегрузках, вникать в суть затянувшейся ссоры старшей внучки Аниты с обозленным на весь мир мальчиком Лукой. Шаг за шагом она терпеливо приходит на помощь — то Аните, то Луке. И, конечно, молится о них.

Автору удалось достоверно изобразить детские характеры. Конечно, Лука просто неприятен: он никому не нужен и его никто не жалеет. Да и Анита при всех ее добродетелях — совсем не подарок. Ее захлестывает чувство мести и справедливого гнева — ведь из-за этого мерзкого Луки ее любимый братик Даник стал калекой! Но потом

и она начинает тяготиться этим, столь знакомым каждому из нас, гнетущим чувством: годами, а то и десятилетиями носимой на кого-то обидой... Мы долго спорили, обсуждали — и в классе, и с внуком, — как это не просто и практически невозможно: простить обидчика, тем более, если он действительно виноват! Да и как прощать тех, кто не просит у тебя прощения, не считает себя виноватым? Но — по нашим или по чужим молитвам (молитвам бабушки Аниты?) — Бог создает экстремальные обстоятельства, при которых примирение Аниты и Луки происходит естественно. К тому же оба мучаются. Оба переживают за Даника. Тягостятся состоянием «войны», из которой невозможно выйти. Ведь пока длится война, Христос не может войти в сердце человека. «...И прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим...» Да и наоборот: пока в сердце не войдет Христос, «войне» не будет конца — разве не так?

В книжке много трогательных эпизодов, которые у девочек вызывают слезы. Может, у мальчиков тоже, но те просто хмуро молчат, не показывая своих чувств. Самые первые страницы — теплая атмосфера Рождества; елка в церкви; мысли Аниты в таком родном, теплом хлеву, среди отцовских коров, о бездомном младенце Христе, о Вифлеемской звезде, что так ярко горит над швейцарскими горами... Праздник — и неожиданная смерть любимой мамы при родах. Последние слова мамы, которая дарит на Рождество особый подарок — крошечного братика. Почитайте эти берущие за сердце страницы на домашнем праздновании появления на свет Христа любой аудитории. Писательница пронизательно показывает: Рождество — вовсе не «сладкий» праздник: елка, подарки, Дед Мороз... Спаситель мира, Царь царей, родился в хлеву, придя на землю с одной целью: умереть за тебя и меня, спасти це-

ной Своей смерти каждого из нас, взять на Себя наши преступления и прегрешения...

Удивительной искренностью и теплотой проникнуты эпизоды, связанные с Даником, необычным мальчиком, который так жизнерадостен, несмотря на увечье. Он не жалуется, всех любит, во всем видит добрую сторону и от всего своего маленького сердца молится Христу. Помните, как перед Рождеством он доверчиво попросил Господа послать ему подарок? И простодушно выставил на улицу свой башмачок, в который чудным образом попал крохотный котенок — его любимая Белоснежка? И как отец, горестно сокрушавшийся, что забыл положить подарок в башмачок, изумленно взирал на маленького сынишку и его непосредственную веру — истинно, будьте, «как дети».

Почему я подчеркиваю важность чтения вслух — именно вслух — таких хороших и добрых книг, как «Следы на снегу»? Может быть, это только мой личный опыт бабушки? Подобные книжки — а их, к сожалению, мало — помогают мне вести с внуками (четверыми мальчишками) душевные разговоры на различные «трудные», но столь необходимые всем нам темы! И я надеюсь, верю, что наши домашние посиделки с чтением книг (при выключенном телевизоре, компьютере и мобильнике) дадут в свой срок добрую жатву, каким бы «асфальтом» ни покрывались их юные души в наше тяжкое время. Живой голос, комментарии — то и дело откладываешь в сторону книжку и делишься воспоминаниями о прожитых годах... Дорогие бабушки! Пользуйтесь преимуществом своего положения! Находите хорошие книжки, читайте вслух, рассказывайте! Не ленитесь!

Хотелось бы, чтобы эта добрая, светлая книжка была не только в каждом доме, но и в каждой школе, в каждой

библиотеке. При всем изобилии у нас детской христианской литературы в повести «Следы на снегу» рассказана особая, актуальная для любого возраста история. Многим из нас, думаю, приходилось переживать в настоящем или в прошлом какую-то глубокую обиду, которая тяготит душу и никак не проходит, несмотря на все наше желание, слезы и усилия. Ведь способность прощать — до доньшка, до самых капелек — даст лишь Христос! В какой-то степени и я пережила это со своим старшим зятем, который «отлучил» меня от внуков. К счастью, перед его неожиданной для всех нас кончиной мы полностью примирились, обнялись и попросили друг у друга прощения. Как я уже писала, экстремальные обстоятельства сдвигают иногда неподъемную глыбу...

Перечитайте еще раз, что и как произошло у Аниты с Лукой. В добрый час!

*Ольга Колесова,
член Санкт-Петербургского Союза журналистов*

Глава 1

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ ВЕЧЕР

В сочельник по крутой горной тропе поднимались три небольшие фигурки. При лунном свете их силуэты казались тенями на фоне белого снега. Посредине — женщина в длинной широкой юбке, с накинутым на плечи большим черным шарфом. Рядом с ней, крепко держась за ее руку, шагал черноволосый шестилетний мальчуган, который без умолку о чем-то говорил с набитым ртом. Чуть поодаль, задумчиво глядя на звезды, шла семилетняя девочка. Подняв руки к груди, она крепко прижимала к сердцу пряник — большого медвежонка медового цвета. У мальчика тоже был такой, только он его уже почти съел. Мальчик задирис-то посмотрел на девочку и похвастался:

— Мой был больше твоего!

— Все равно ни за что не променяла бы, — спокойно ответила девочка, не поворачивая головы.

Она нежно посмотрела на свой пряник. Какой у него сладкий запах, и как он сверкает в лунном свете!

Она ни за что не станет его есть. Восемьдесят деревенских детей получили сегодня такие пряники, но у нее был самый лучший, и она решила оставить этого медвежонка себе на память. Каждый раз, глядя на него, она будет вспоминать рождественский вечер, холодное темно-синее небо, празднично освещенную церковь и елку, украшенную серебряными звездочками. А еще — песни, ясли с Младенцем и интересный, но печальный рождественский рассказ.

Ей хотелось плакать, когда она думала о гостинице, где не нашлось места для Младенца Иисуса. Она бы широко распахнула свои двери и с радостью приняла усталых путников*.

Луку (так звали мальчика) злила ее молчаливость.

— Я уже со своим почти справился, — хвастался он. — Дай мне откусить от твоего, Анита, ты же даже не хочешь попробовать его.

Но Анита покачала головой и крепко прижала к себе своего медвежонка.

— Я никогда не съем его, я сберегу его навсегда, навечно.

Так они дошли до развилки, где санные следы расходились в разные стороны. Справа, в нескольких метрах от дороги, виднелись ярко освещенные деревянные дома, а за ними — темные коровники и сараи. Анита была уже почти дома. Госпожа Марель нерешительно спросила:

* Подробно об этих событиях можно прочитать в Библии, в Евангелии от Луки (2:7). *Здесь и далее в примечаниях редактора даны ссылки на библейские книги, цифры означают номера глав и стихов.*

— Анита, дальше пойдешь одна или проводить тебя до дверей?

— Спасибо, я дойду одна, — заторопилась Анита. — Большое спасибо, что взяли меня с собой. Спокойной ночи, госпожа Марель, спокойной ночи, Лука.

Она быстро ушла, боясь, что госпожа Марель передумает и решит все-таки пойти с ней, а ей так хотелось побыть одной! Она ждала этого момента, чтобы избавиться от болтовни Луки и окунуться в тишину ночи. Разве можно было думать или смотреть на звезды, если госпожа Марель и Лука постоянно задают вопросы? Никогда еще ей не приходилось ночью находиться одной на улице. Да и сегодня это получилось в общем-то случайно.

Она должна была вместе с матерью и отцом поехать в церковь на санях — о предстоящей поездке они говорили неделями и радовались заранее. Но в это утро мама внезапно заболела и отец срочно отправился в город за врачом. Доктор появился только в четыре часа. И из-за того, что он добрался до них так поздно, они не смогли отправиться на праздник вместе. Очень разочарованной Аните пришлось идти в церковь вместе с госпожой Марель, дом которой стоял немного выше на горе. Но когда Анита вошла в церковь, она забыла обо всем — так здесь было красиво. Наряженная елка и таинственность Рождества пленили ее.

Волшебный вечер все еще продолжался. Теперь, когда Анита стояла одна под звездным небом, ей не хотелось идти в дом. Она остановилась у лестницы, ведущей к веранде и гостиной, и оглянулась. Напротив был коровник. Девочка слышала каждое

движение животных, слышала, как они жуют сено. Неожиданно у нее возникла одна мысль. Перескочив через санные следы, она подняла засов и вошла в коровник. Родной запах животных, молока и сена обласкал ее. Она протиснулась между коровами и залезла в ясли.

Корова усердно жевала. Анита обняла ее за шею, но та продолжала спокойно есть сено. Наверное, точно так было и тогда, когда Мария с новорожденным Младенцем оказалась в хлеву, с животными. Девочка посмотрела на ясли, и в ее воображении возник лежащий на сене Небесный Младенец, возле Которого тихо и чинно стояли коровы. Через чердачную щель она увидела мерцающую звездочку и подумала, что такая же звезда стояла над Вифлеемом и вела мудрецов к месту рождения Иисуса. Она ясно представляла, как эти мудрецы ехали, покачиваясь, верхом на верблюдах. Ей казалось, вот-вот откроется дверь, и на пороге покажутся пастухи, держащие в руках маленьких ягнят*.

Чувство глубокого сострадания охватило Аниту, когда она подумала о бездомном Младенце, перед которым оказались закрыты все двери.

— В нашем доме нашлось бы место, — бормотала она, — но все равно здесь, в хлеву, наверное, лучше всего. Сено чистое, дыхание коров такое теплое и ласковое... Бог все-таки избрал самую лучшую колыбель для Своего Младенца.

* О пастухах написано в Евангелии от Луки (2:8—20); о мудрецах — в Евангелии от Матфея (2:1—12).

Кто знает, сколько времени просидела бы здесь Анита, если бы через приоткрытую дверь коровника не блеснул внезапно луч фонаря. Девочка услышала приближающиеся твердые шаги по скрипучему снегу и обеспокоенный голос отца. Она соскользнула с яслей, ловко увернулась от коровьего хвоста и, раскинув руки, побежала навстречу отцу.

— Я хотела навестить коров в канун Рождества, — засмеялась она. — Ты искал меня?

— Да, — ответил отец.

Он не улыбнулся ей в ответ. Его лицо было бледным и серьезным. Он взял Аниту за руку и повел в дом.

— Ты должна была сразу прийти домой; ты же знала, что мама очень больна. Уже целых полчаса она спрашивает о тебе.

Сердце Аниты сильно забилося: как же она могла забыть о своей любимой маме? Девочка высвободила руку и, чувствуя себя виноватой, взбежала по ступенькам наверх, в спальню матери.

Ни врач, ни медсестра не заметили ее появления — Анита была девочкой маленького роста, с легкой, неслышной походкой. Но мама тотчас увидела ее и с трудом протянула к ней руки. Анита приблизилась к ней и, положив голову на ее плечо, заплакала. Лицо матери, белое, как подушка, испугало ее. Как она жалела о том, что не сразу пошла в дом!

— Анита, не плачь, — прошептала мать, — у меня для тебя есть подарок.

Анита сразу же замолчала. Подарок? Конечно, ведь сегодня канун Рождества. Мама всегда делала ей в этот день подарок. Она с нетерпением посмотрела по сторонам. Мама обратилась к медсестре.

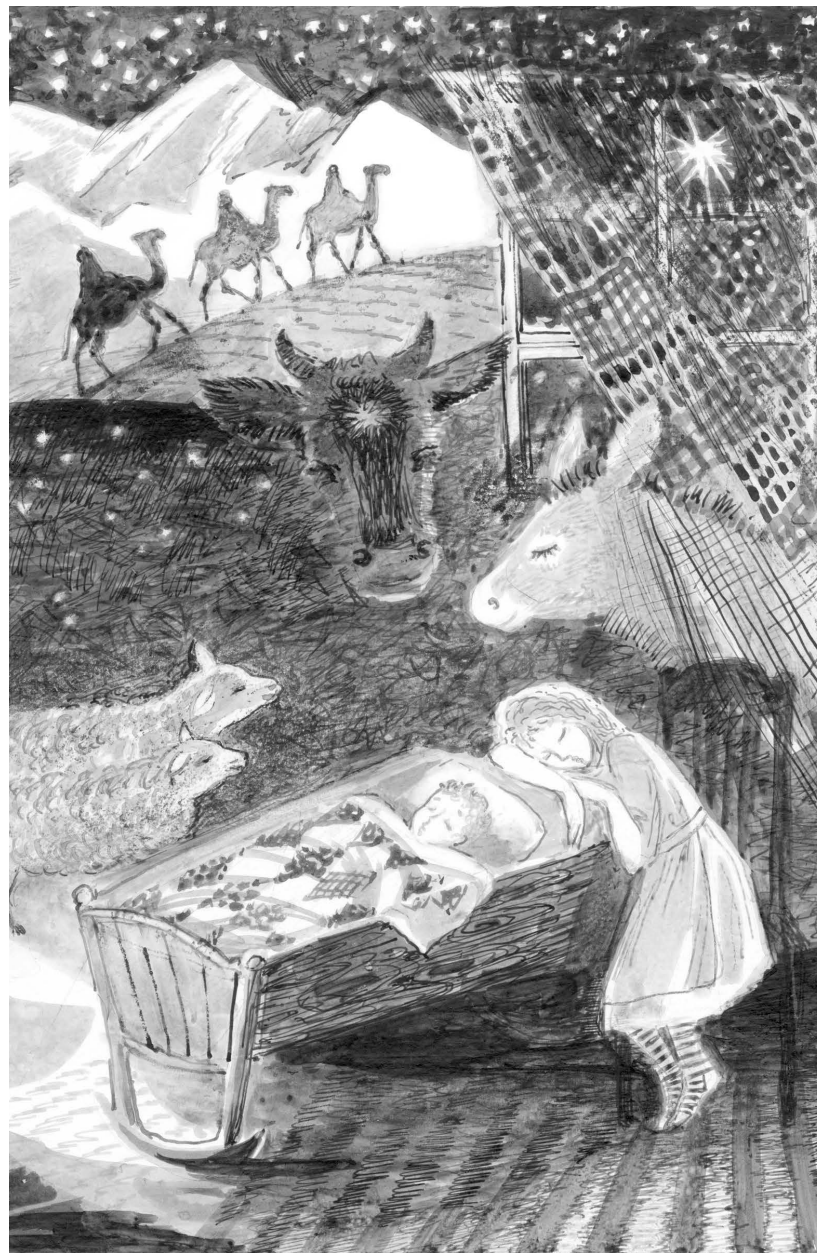
— Покажите ей, — чуть слышно проговорила она. Медсестра откинула одеяло и приподняла что-то, завернутое в белое. Она подошла к Аните и протянула ей сверток.

— Твой братишка, — сказала она, — пойдем положим его в люльку около печки, и ты покачаешь его. Твоя мама должна сейчас поспать. Пожелай ей спокойной ночи.

— Твой братик, — повторила мать глухим голосом. — Люби его и позаботься о нем вместо меня. Я оставляю его тебе.

Ее голос ослаб, и она закрыла глаза. В оцепенении Анита не могла произнести ни слова. Она даже не подумала сопротивляться, когда медсестра вывела ее из спальни и усадила на стул возле стены. Перед ней стояла кроватка, в которой лежал ее рождественский подарок. Девочка долго сидела не двигаясь, глядя на маленький комочек, который был ее братиком. Мерцание снега каким-то необычайным светом отражалось на стенах, а отблески догорающего пламени розовыми бликами плясали на потолке.

В доме было очень тихо. В не закрытое ставнями окно светила рождественская звезда. Точно так же она светила в вифлеемский хлев на Того Младенца. Анита сидела у печки и стерегла сон братишки. И так же сидела Мария у яслей маленького Божьего Сына. Девочка благоговейно погладила бархатную головку. Затем она устало вздохнула, опустила лоб на край люльки и погрузилась в свои мысли. Звезды, стада, новорожденные младенцы, закрытые двери, мудрецы и пряники — все смешалось у нее в памяти, и она

мягко сползла со стула на пол. Час спустя отец так и нашел ее: она мирно спала, прислонившись к люльке белокурой головкой.

— Бедные мои сиротки, остались вы без мамы, — прошептал он, наклоняясь над дочкой. — Как же я воспитаю вас без нее?

В эту ночь Бог призвал мать Аниты к Себе и Рождество она праздновала вместе с ангелами.

Глава 2

БАБУШКА

Так маленький Даник Бурни через три часа после рождения лишился матери и был поручен заботам своей семилетней сестренки. Хорошая медсестра из деревни осталась на некоторое время в их доме и ухаживала за малышом. Когда же она ушла, отец нанял в деревне няню, которая приходила присматривать за Даником.

Но малыш все же принадлежал Аните. После того как девочка пережила первую большую боль, вызванную смертью матери, она извлекла из глубины своего скорбящего сердца всю любовь, которая у нее была, и отдала ее братишке.

Она кормила его из бутылочки и часами могла молча сидеть возле люльки. Ночью, когда он плакал, Анита подходила к нему; днем выносила на веранду — на солнышко и свежий воздух. Окруженный такой любовью, малыш расцветал. Во всей округе не было мальчика красивее и здоровее его. Он спокойно спал; когда просыпался — смеялся, ел, барахтался и снова засыпал, никому не доставляя никаких хлопот.

— Он родился под счастливой звездой, — заметила как-то няня.

— Он родился под рождественской звездой, — возразила Анита. — Я думаю, что он будет добрым и счастливым.

А как быстро он рос! Когда солнце стало пригревать снег и на желтоватых лугах начали появляться шафраны, ему пришлось сшить новую рубашонку. После того как выпустили коров на альпийские пастбища, у него прорезался первый зубик. Поскольку Анита не имела ни малейшего представления, как это происходит, и даже не догадывалась, что тут могут возникнуть какие-то трудности, то и малыш не нашел в этом ничего сложного. И вместо того, чтобы плакать и кричать, он гудел и смеялся, посасывая свой кулачок.

Осенью, когда буковые деревья засверкали золотыми факелами между темными елями и подули первые сентябрьские ветры, люлька стала мала для Даника. Мальчик начал ползать по полу. Он хотел исследовать все вокруг — от печки до лестницы на веранду, и Аните стало трудно смотреть за ним и оберегать его от опасностей. Но вскоре девочка нашла выход. Она привязала его за ножку к большому кухонному столу, так, чтобы он мог ползать вокруг него. Теперь она уже не волновалась, что он причинит себе вред. Одной проблемой в доме стало меньше.

Однажды вечером, уложив Даника в постель, Анита вошла в гостиную. Отец сидел у печки, подперев голову руками. Сегодня он выглядел особенно постаревшим и усталым. Анита, старавшаяся во всем заменить в доме хозяйку, забралась к отцу на колени

и прижалась своей мягкой щечкой к его шершавой щеке.

— Папа, что с тобой? — спросила она. — Ты очень устал сегодня? Сварить тебе кофе?

Отец посмотрел на дочку нежным взглядом. Она была такая маленькая и хрупкая, словно фея с золотистыми волосами. И вместе с тем — такая умная и рассудительная. Господин Бурни и сам не заметил, как это произошло, но теперь он часто рассказывал ей о своих трудностях и даже прислушивался к ее серьезным советам. Вот и сейчас он печально объяснил:

— Дочка, мы должны продать одну корову: нам нужны деньги. Иначе я не смогу купить тебе зимние ботинки.

Приподняв голову, Анита удивленно посмотрела на отца. У них всего десять коров, и каждая — как друг. Нет, ни в коем случае! Нужно найти иной способ достать деньги.

— Смотри, — продолжал отец, — у других есть мама, которая заботится о детях. Я же должен платить няне. Это обходится очень дорого. Но кто-то ведь должен ухаживать за нашим мальчиком.

Анита выпрямилась и энергично отбросила назад косы.

— Папа, — начала она медленно, но твердо, — нам больше не нужна няня. Мне уже почти восемь, и я сама способна ухаживать за Даником. Тебе не нужно будет платить мне, и тогда мы сможем оставить у себя всех коров. Ведь коровы будут очень страдать, если хотя бы одной придется уйти от нас.

— Ты же должна ходить в школу, — возразил отец, — я не имею права отрывать тебя от учебы. Это

против закона. Учитель обязательно спросит, почему ты не посещаешь школу. Он должен будет заявить властям, а что тогда?

— Даник важнее, — возразила Анита, нахмурившись. — Если ты все объяснишь учителю, он поймет. Ведь он очень добрый, да к тому же твой школьный друг. Давай попробуем. Знаешь, папа, утром я буду делать уроки на кухне, а Даник — играть там на полу. Сейчас ему только девять месяцев. Когда же Данику исполнится пять лет и он пойдет в детский сад, я смогу отводить его туда по пути в школу.

Господин Бурни пребывал в нерешительности. Несмотря на свой возраст, Анита была рассудительна, как взрослая. Да, она могла ухаживать за малышом и убирать комнаты. Но девочка не умела варить, штопать, вязать и выполнять другие домашние работы. Кроме того, она же должна учиться! Минут пять отец сидел молча. Вдруг ему в голову пришла замечательная мысль.

— Интересно, не согласится ли твоя бабушка переехать к нам? — с воодушевлением заговорил он. — Конечно, она уже старенькая, страдает от ревматизма и плохо видит, но бабушка могла бы готовить и помогать тебе с уроками по вечерам. А потом, тебе не пришлось бы оставаться дома одной, когда я погоню коров в горы. Ты, Анита, слишком мала, чтобы целыми днями быть одна. Возможно, учитель не станет возражать, если я напишу ему, что с тобой будет заниматься бабушка. Через год или два ты снова пойдешь в школу. Да и Даник тогда подрастет.

Анита слезла с колен отца и принесла бумагу и чернила.

— Пожалуйста, напиши обоим прямо сейчас, — попросила она. — Завтра утром я пойду за хлебом и отправлю твои письма. Вдруг мы сразу получим ответ?

Анита оказалась права. Через несколько дней пришли ответы на оба письма. Первой отозвалась бабушка. Она сообщила, что приедет поездом.

В назначенный день Анита встречала ее на вокзале. Поезд сильно опоздал, время стоянки сократили, и сторбленная, страдающая от ревматизма старушка едва успела сойти. Ее аккуратный деревянный сундучок небрежно поставили на платформе, и поезд тотчас отошел. Но бабушка совсем не расстроилась. Она смиренно ждала, тяжело опираясь на свою палочку. Ничего не понимающая в ревматизме Анита предложила идти в гору пешком.

— Пешком я никогда не дойду, — возразила бабушка.

На их счастье, крестьянин из соседнего с ними хутора привез на вокзал сыр и теперь возвращался

домой. Он согласился взять их с собой. Дорога была с ухабами, колеса деревянные, мул шагал неровно. Однако бабушка терпеливо сносила мучительную езду. И только когда старушка уже сидела в комнате, на диване, она позволила себе расслабиться. Что-то лепеча, из-под стола выглядывал Даник — он, как всегда, ползал по полу. Мальчик засунул свои пальчики в рот и улыбаясь смотрел на бабушку, которая надела очки, чтобы лучше разглядеть его. Несколько мгновений оба изучали друг друга: мутные старческие глаза и ясные детские встретились. Наконец Даник запрокинул голову назад и засмеялся.

— Ребенок протрет свои штанишки, если будет так ползать, — заметила бабушка, улыбаясь ему в ответ.

Она с трудом поднялась, опираясь на палку.

— Ну, — проговорила она, — вот я и приехала к вам. Что смогу сделать, сделаю. Что не смогу, сделаешь ты, Анита. А теперь покажи мне кухню.

С этого момента бабушка делала все, что могла, остальное выполняла Анита, и был полный порядок. Данику не мешало присутствие бабушки — он продолжал ползать вокруг стола, несмотря на ее уговоры.

Спустя несколько дней бабушка послала Аниту в магазин за куском крепкой ткани. Затем она нашла заплатки на штанишки Даника. Конечно, малыш выглядел теперь немного странно, но цель была достигнута: они могли не опасаться, что им придется слишком скоро покупать ему новую одежду.

Получив письмо от господина Бурни, деревенский учитель решил сам навестить эту семью и поговорить с отцом девочки. Того не было дома, когда он пришел,

и Анита, пригласив гостя в дом, подала ему самый лучший стул.

— Я хочу поговорить с господином Бурни, — сказал учитель, — по поводу твоей учебы. Это недопустимо в таком возрасте: не посещать школу, и к тому же противоречит закону нашей страны.

— Страна про Аниту ничего не узнает, если вы промолчите, — заметила бабушка. — Я сама буду заниматься с ней. Маленький Даник не может оставаться без присмотра сестренки.

— Хорошо, — улыбнулся учитель, — я никому ничего не скажу, но при одном условии: каждую субботу утром, спускаясь в деревню за хлебом, Анита должна заходить ко мне, и я буду проверять ее домашнее задание. Если дела у нее пойдут хорошо — я буду молчать. Если же она не сможет учиться дома, я стану настаивать, чтобы она посещала школу.

С этого дня Анита каждую субботу стучалась в дверь маленького белого дома, где жил учитель. За спиной у нее была большая корзина, а в руке — старый учебник. Учитель приветливо встречал ее. Зимой они грелись у печки, ели пироги с яблоками и пили какао; летом отдыхали на веранде, лакомились прохладными вишнями и лимонадом. Затем он проверял ее домашнее задание. А под конец они всегда обсуждали библейские истории. С тех пор как бабушка переехала к ним, Анита хорошо познакомилась с Писанием: каждый вечер она с увлечением читала Библию вслух и очень любила ее.

Глава 3

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ ПОДАРОК

Прошло пять лет. Опять наступило двадцать четвертое декабря. Это был очень важный день для Даника. Ему исполнилось пять лет, и он первый раз в своей жизни мог поехать с Анитой в церковь на рождественскую службу.

Даник сидел в своей кроватке и ел картофельный суп. Его белокурую головку было почти не видно из-за пышной перины. Анита расположилась рядом, держа в руке большой пряник в форме медвежонка, — Даник получил его в церкви.

— Даник, — внушительно объясняла Анита, — если ты возьмешь пряник с собой в постель, то от него к утру останутся одни крошки. Смотри, я положу его вот сюда, на комод. Луна освещает этот угол, и тебе будет хорошо видно пряник.

Даник хотел было возразить, но передумал и отправил в рот ложку супа. Он не понимал, почему Анита не позволяет ему спать в обнимку с медвежон-

ком. Но, с другой стороны, это не повод расстраиваться. Он вообще отличался жизнерадостностью. Сегодня же мальчик был особенно счастлив: он услышал церковный звон, увидел сверкающую елку, прокатился на санках по скрипучему снегу, разглядывая на небе многочисленные звездочки. Даник протянул сестренке пустую тарелку, лег и укрылся пуховым одеялом.

— Анита, ты веришь — доверительно прошептал он, — что Санта-Клаус придет, если я поставлю на подоконник свой башмачок?

Анита удивленно посмотрела на него. Откуда у него такие мысли? Она никогда не рассказывала ему про Санта-Клауса, которого сама видела только в книгах. В Швейцарии он не пользуется такой любовью, как в других странах.

Даник продолжал:

— Говорят, что он приезжает на санях в оленьей упряжке и что хорошим мальчикам он кладет в башмачок подарок. Скажи, я хороший мальчик?

— Да, — ответила Анита и поцеловала его, — ты очень хороший мальчик, но ты не получишь от Санта-Клауса подарок. Он приходит только к богатым детям, а мы бедные.

— Разве я не богатый мальчик? — спросил Даник. Ему и в голову не приходило желать от жизни чего-то большего.

— Нет, — твердо ответила Анита, — мы бедные. Папе приходится тяжело работать, а бабушке и мне — чинить твою одежду, так как мы не можем купить новую.

Даник рассмеялся.

— Мне все равно, что мы бедные, мне и так нравится. А теперь расскажи мне про Рождество, про Младенца, про коров и про большую сверкающую звезду.

Анита стала рассказывать, а Даник, который должен был уже давно спать, слушал ее, приоткрыв рот.

— Мне бы больше понравилось спать на сеновале, чем в гостинице, — сказал он, когда она закончила. — Я бы охотно поспал рядом с Буренкой, это было бы так здорово!

Анита покачала головой.

— Тебе совсем не понравилось бы, особенно зимой и без перины. Ты бы замерз и думал только о своей теплой постели. Люди поступили жестоко с новорожденным Младенцем, не дав Ему места в гостинице. Уж где-нибудь они могли бы найти Ему местечко.

Часы пробили девять. Анита вскочила.

— Даник, теперь ты должен спать. А я пойду приготовлю для папы какао.

Она обняла и поцеловала брата, хорошенько укрыла его, выключила свет и оставила мальчика одного. Но Даник не мог уснуть. Он уставился в темноту и стал размышлять. Даник не был жадным мальчиком, но он так хотел получить подарок от Санта-Клауса! Оказывается, он — бедный и, по всей вероятности, Санта-Клаус не придет. Но кто знает, так ли это? Вдруг он все-таки появится? Во всяком случае, не помешает выставить на улицу башмачок. Но вот вопрос: куда? На подоконник нельзя, потому что сам он не откроет тяжелые ставни. На веранду — тоже, потому что вся семья сейчас находится в гостиной. Остается одно — поставить башмачок у задней двери кухни.

Тут опять возник вопрос: заметит ли Санта-Клаус башмачок там, за домом? Но попробовать стоит.

Даник слез с кровати и на цыпочках спустился по ступенькам вниз. Он пошел босиком, чтобы никто не услышал его. В руке он держал маленькую красную туфельку, сшитую из заячьего меха. Даник решил, что Санта-Клаус все-таки заметит его башмачок, уж очень он красивый. С большим усилием Даник отодвинул тяжелую задвижку — для этого ему пришлось встать на холодный табурет. Он чуть не упал, когда дверь внезапно открылась, и выронил туфельку в снег. Мальчик быстро спрыгнул, поставил ее на крыльцо и захлопнул дверь. Никто ничего не заметил.

Со спокойным сердцем он возвратился в комнату, лег в кровать и свернулся клубочком. Он уже помолился с Анитой перед тем, как она его уложила, но теперь решил добавить еще кое-что.

«Дорогой Господь, — зашептал он, — пожалуйста, пришли ко мне Санта-Клауса в оленьей упряжке и сделай так, чтобы он увидел мой башмачок и положил в него подарок, хоть я и бедный мальчик». После молитвы он повернулся на бочок и уснул крепким сном. Ему, как и тысячам других детей, приснилось, как добрый Санта-Клаус в красном тулупе мчится на санях под звуки оленьих бубенцов.

Даник проснулся очень рано — дети в день Рождества рано просыпаются — и, конечно, сразу подумал о своем башмачке. Его сердечко сильно стучало. Он сел на кровати и посмотрел на сестру. Анита спала. Неужели еще ночь? Но тут он услышал, как внизу на кухне отец загремел ведрами — он собирался идти доить коров. Значит, ночь все-таки прошла и настало

утро. Теперь надо быстро встать и найти свой подарок прежде, чем папа обнаружит его. За ночь у Даника исчезли все сомнения.

Осторожно, чтобы не разбудить Аниту, Даник вышел из спальни и направился на кухню. Отец был так занят, что не заметил его. Он мыл ведра для молока. Даник подошел к нему сзади и крепко обнял его ноги. Отец оглянулся. Краснощекий сынишка со сверкающими глазами стоял рядом и с надеждой смотрел на него.

— Санта-Клаус приходил? — спросил Даник.

Как-никак отец, который поздно ложился и рано вставал, должен был бы услышать звон бубенчиков и скрип снега под копытами оленьей упряжки.

— Санта-Клаус? — удивленно переспросил отец. — Нет, он не приходил сюда. Мы живем слишком высоко для него.

Даник покачал головой.

— Мы совсем не живем высоко, — уверенно сказал он. — Его олени могут до любого места добраться. Ты, наверное, крепко спал и ничего не слышал. Папочка, дорогой, открой дверь, может быть, он все-таки принес мне подарок.

«Если бы я раньше догадался, — подумал про себя отец, — я бы хоть плитку шоколада положил на ступеньки». Он очень жалел, что ему придется разочаровать своего мальчика. Но было поздно. Даник с нетерпением смотрел на дверь. Помочь могло только чудо. Отец накинул на сына пальто, подошел к двери и открыл ее. Даник выглянул на улицу и склонился над башмачком. Неожиданно раздался громкий крик мальчика, он вскочил и, держа в руке свою туфельку,

вбежал на кухню. Чудо и в самом деле произошло: Санта-Клаус принес подарок. За всю свою пятилетнюю жизнь Даник не получал такого замечательного подарка: в башмаке, свернувшись клубочком, лежал белый котенок с синими глазами и черным пятнышком на носу. Он был очень худым и совсем замерз. Только теплая заячья шкурка, из которой был сшит башмачок, не дала ему погибнуть.

Отец тут же забыл о своих ведрах и занялся котенком. Он завернул его в мягкую тряпочку и положил около теплой печки. Затем подогрел молока и осторожно, ложечкой, начал вливать котенку в рот. Вначале только брызги летели, но мало-помалу котенок стал облизываться своим красненьким язычком, и его красивые синие глазки засверкали. Немного погодя он дернул хвостиком и потянулся. А когда совсем наелся, опять свернулся в клубочек и тихо замурлыкал. Отец с сыном были так заняты котенком, что за все время и словом не обмолвились. Теперь, довольные, они посмотрели друг на друга. Щеки Даника горели, как красные маки, а глаза сияли, как звездочки.

— Я же знал, что он придет, — прошептал он, — но я не думал, что он принесет мне такой необыкновенный подарок. У меня еще никогда не было такого хорошего подарка. Папа, как мне назвать его?

— Назови котенка Белоснежкой, потому что он совсем беленький, — сказал отец.

Он испытующе, но с каким-то уважением посмотрел на Даника. Все сложилось на самом деле чудесно.

Оставив спящего котенка и сына, отец пошел доить коров. Сидя на скамеечке возле коровы, он попытался найти объяснение случившемуся. Конечно же,

котенок заблудился. Чудом было то, что он нашел башмачок Даника.

Естественно, Небесный Отец, думая о Своем Единственном Сыне, не захотел разочаровывать маленького мальчика, у которого не было мамы. Конечно же, это Он направил белого котенка к башмачку — и все это во имя Младенца, рожденного в Вифлееме. Отец на мгновение перестал доить и поблагодарил Бога от имени своего маленького сына за оказанную милость.

Немного позже на кухню спустилась Анита, чтобы приготовить завтрак. От удивления она словно приросла к полу, когда увидела Даника в ночной рубашке и накинутом поверх нее пальто, склоненного над белым котенком. Она уже хотела начать задавать вопросы, но Даник заметил ее и приложил пальчик к губам:

— Тихо, тихо, а то разбудишь!

На цыпочках он подбежал к сестре и потянул ее к столу. Взобравшись к ней на колени, он шепотом, на ухо, рассказал ей, как все произошло. Аните не трудно было объяснить себе эту историю. Ей уже исполнилось двенадцать, и она не верила в Санта-Клауса, зато верила в рождественских ангелов. Конечно же, этот белоснежный котенок — подарок небес.

Анита устроилась поудобнее на полу и взяла на колени братишку, прижимавшего к себе котенка. Через полчаса их так и застала бабушка, которая зашла на кухню, надеясь найти на столе чашку дымящегося кофе.

Глава 4

ССОРА

Лука лежал под пуховым одеялом. Ему очень не хотелось вставать. В постели было тепло и уютно, а на улице — страшно холодно. Вздохнув, он с головой залез под одеяло.

— Лука! — прозвучал резкий голос матери.

Он быстро вскочил. Мама уже три раза звала его, но он делал вид, будто не слышит. В школу он еще успеет. Только вот подоить коров у него уже не хватит времени. Но ведь это вполне может сделать и мама. В последнее время ей все чаще приходилось выполнять эту работу за него.

— Другим мальчикам не нужно доить коров перед школой, — ворчал он, застегивая пиджак. — И вообще, я не понимаю, почему я должен работать больше, чем другие? Только потому, что у меня нет отца?

Мальчик отправился на кухню и сел за стол — взгляд у него был сумрачным и упрямым. Он еще не доел бутерброд, когда вошла мать.

— Лука, — строго спросила она, — почему ты не встаешь, когда я тебя зову? Каждый день одно и то же.

Утром ты вообще не помогаешь мне. Твоя сестра тоже рано встает, но она уезжает на работу без всякой суматохи. Я знаю, у других мальчиков есть отцы. Но ты ведь уже большой и должен понимать, что без трех наших коров мы не сможем прожить. Тебе не стыдно оставлять на меня всю утреннюю работу?

Лука нахмурил брови.

— Я же помогаю тебе вечером. У меня нет времени даже поиграть. Я езжу за дровами, и мне выше всех приходится подниматься на гору. Еще я привожу корм и по субботам чищу коровник.

Мама сердито нахмурилась.

— Пока ты придешь из школы, я уже сама все сделаю. Я знаю, зимой у тебя не так много свободного времени, как у других детей. Но я ведь и так стараюсь делать все, что могу. Однако эта ранняя дойка выматывает меня. Ты уже достаточно взрослый, чтобы выполнять такую работу. Я хочу, чтобы ты вставал вовремя. А теперь поторопись, а то опоздаешь в школу.

Лука надел куртку, мрачно попрощался с матерью и, схватив санки, умчался в полутьму морозного утра.

Скрип салазок нарушил предрассветную тишину. В другие дни зрелище столь великолепного утра не осталось бы незамеченным Лукой. Но сегодня он был до того расстроен, что не обращал никакого внимания на прелесть природы.

— Это несправедливо, — бормотал он. — Все против меня. Разве я виноват, что мое домашнее задание не всегда выполнено? Я же должен помогать матери. Сегодня мы получим отметки по чтению. Я, наверное, окажусь хуже всех. А эта воображуха Анита Бурни —

самой лучшей. Я уверен, что ей не надо доить коров перед школой...

О-о-о!.. В отчаянии он затормозил, но было поздно.

Лука был настолько зол, что не заметил, куда едет. Поэтому на развилке он с разгону врезался в Анитины санки и опрокинул ее в сугроб. Это было уже слишком. Лука густо покраснел, ему и вправду стало не по себе. Он соскочил с санок, чтобы помочь девочке, но она опередила его. Анита никогда не уважала Луку и теперь сильно рассердилась на него. Стоя по пояс в снегу, она с гневом набросилась на него.

— Осел! — кричала она, чуть не плача. — Ты что, не видишь, куда едешь? Посмотри на мою тетрадь, она вся намочена и помялась. Вот подожди, я все расскажу учителю!

Лука, которому всегда большого труда стоило сохранять спокойствие, мгновенно пришел в ярость.

— Да ладно, — крикнул он в ответ, — не устраивай тут истерику. Я же не нарочно задел твои санки. Можно подумать, что я убил тебя, а не помял твою тетрадь. Ничего не случится, если ты хоть раз останешься без хорошей отметки. Я поехал дальше.

Он вскочил на санки и помчался вниз.

* * *

В школу Лука успел как раз вовремя. Но совесть его была неспокойна. Он частенько позволял себе неблагоприятные выходки, и сейчас постарался просто забыть о том, что натворил.

— Ей надо только выбраться из сугроба, — бормотал он про себя, — она все равно не позволила бы по-

мочь себе. Слава Богу, я хоть вовремя успел в школу. На этой неделе я и так уже два раза опоздал.

Выбраться из сугроба оказалось не так легко, как попасть в него. Аните пришлось побарахтаться, прежде чем она выкарабкалась и собрала свои тетради и книги. Девочка не смогла сдержать слез. Плакала она от холода, от страха, от боли, но главное — от обиды. Анита явилась в класс через пятнадцать минут после начала урока. Глаза ее были красными, нос синим, расцарапанные руки кровоточили, а книжки и тетрадки промокли. Вид она имела и вправду довольно жалкий.

— Анита, — испуганно проговорил учитель, — что случилось?

Несколько секунд Анита боролась с искушением: выдать товарища или нет. Но при одном только виде Луки, сидящего за партой в теплом сухом классе, вся ее нерешительность исчезла.

— Это Лука во всем виноват, — со злостью выпалила она. — Он толкнул меня в глубокий сугроб, а сам уехал. Я едва выбралась, — она закрыла ладонями глаза и снова заплакала.

Обида вспыхнула в Аните с новой силой. Ох, как она была зла!

Возмущенные дети затаили дыхание. А несчастный Лука, опустив голову, мрачно глядел в одну точку.

За нехороший поступок учитель наказал Луку, что, по правде сказать, обрадовало Аниту. Она снова оживилась. Затем учитель объявил оценки. Анита получила самую лучшую, отчего еще больше повеселела. Лука же — самую низкую, и ему пришлось остаться после уроков.

Он сидел в школе один — все его одноклассники уже были дома. Злость и негодование закипали в сердце мальчика. Ему казалось, что он вот-вот лопнет от возмущения. Наконец Луке разрешили пойти домой.

Поднимаясь на гору, он тянул за собой санки. Что это за кошмарный день сегодня?! Утром на него сердилась мать, потом пожаловалась Анита, и в довершение его наказал учитель. По учебе он самый последний в классе... Да есть ли на свете хоть один мальчик, которому жилось бы хуже, чем ему?..

* * *

Тени под косогором в этот вечер были особенно синими — почти сверхъестественная синева. Сизый пар над далекими долинами напоминал цвет грудки лесного голубя. Солнце еще освещало вершины гор, чуть ниже клубились маленькие облака. Казалось, сама природа — величественная и прекрасная — распротерла свои руки, чтобы обнять мальчика. Природа и дети — вообще близкие друзья. Ее молчание способно утешить печальное детское сердце лучше любых человеческих слов.

Постепенно злость в усталом сердце Луки сменилась страданием, и он, думая, что рядом никого нет, тихо заплакал. Однако оказалось, что он не один. У перекрестка, в снегу, стоял маленький мальчик и с удивлением смотрел на Луку. Он выглядел здоровым и счастливым: румяные щечки, ясные глазки, из-под шерстяной шапочки весело выглядывает белокурый чубчик. Это был Даник — он лепил снежную бабу. Сегодня у него получилось особенно хорошо, и он хотел позвать Аниту, чтобы та посмотрела.

— Почему ты реवेशь? — спросил он.

— Я не реву, — сердито ответил Лука.

— Нет, ты реवेशь. Я знаю, почему: учитель наказал тебя в школе. Анита нам рассказала.

Даник не был жестоким мальчиком, напротив — приветливым и добрым. Но Лука нехорошо поступил с Анитой, а этого Даник простить не мог.

Лука мгновенно вскипел от злости. Он подошел к снежной бабе и пнул ее ногой — та развалилась на мелкие кусочки. От испуга и растерянности Даник громко вскрикнул, и на его вопль из коровника выбежала Анита. Девочка тотчас поняла, что случилось. Словно львица, она бросилась к Луке и ударила его по лицу. Лука хотел ответить ей тем же, но тут увидел господина Бурни, выходящего из дома с молочными ведрами. Ситуация явно была против него.

— Ябеда трусливая, — закричал он. — Приходишь в школу, как малявка, с ревом.

— Безжалостный грубиян! — не осталась в долгу Анита. — Утром не помог мне выбраться из сугроба, а теперь еще сломал снежную бабу Даника. Он же не сделал тебе ничего плохого, зачем ты обижаешь его?

Правильно, что учитель наказал тебя. Даник, пойдём домой!

Негодую, она быстро пошла по тропинке назад, к дому. За ней семенил Даник. Но у крыльца девочка остановилась и оглянулась. Из-за далекой горной вершины выглядывал краешек алого неба. И тут она вспомнила стих из Библии, которому бабушка научила ее: *«Даже рассердившись, не допускайте себя до греха»*. Пусть гнев ваш остынет прежде, чем сядет солнце*. Почему-то именно теперь он пришел ей на память. Ну что же, еще не поздно — Лука пока где-то поблизости. Она ведь тоже поступила некрасиво: наобидничала на товарища. Но тут ее охватили сомнения. Нет, ведь Лука намного хуже ее, это он должен был извиниться. Если Анита попросит у него прощения, Лука подумает, будто виновата она. Но ведь это не так. Нет-нет, она не будет просить у него прощения.

Анита вошла в дом и захлопнула за собой дверь.

Лука медленно брел по тропинке. Его лицо горело от удара, злость кипела в сердце. Вдруг он посмотрел вверх, и его взору предстало нечто совершенно удивительное. Облака сгучились и образовали сплошную стену, закрывающую горы. Только в одном месте была щель, и через нее Лука увидел горящую золотом снежную вершину. Казалось, там, окруженный Божьей славой, стоит небесный замок, всего на одно короткое мгновение показавшийся из-за стены. Хотя Лука привык к красоте заходящего солнца, сейчас он остановился и сделал глубокий вдох. По сравнению с этим величественным блеском собственный гнев по-

казался мальчику таким пустым и ничтожным... На такие пустяки просто не стоило обращать внимания. Ах, как хорошо было бы все начать сначала!

Если он побежит, то догонит Аниту. Но нет, Анита воображала и зубрила. Она бы даже не взглянула на него. И вообще, почему он должен просить прощения у девчонки?

Между тем облако закрыло щель. Небесный замок исчез.

Так как оба не хотели сделать первого шага к примирению, началась ссора, которая длилась очень долго и причинила и тому и другому много горя.

* Послание Ефесеянам 4:26.

Глава 5

НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ

В апреле у Аниты был день рождения. К этому дню Даник уже заранее готовил подарки — ему очень нравилось дарить их. Человек посторонний сказал бы, что это вещицы совершенно непривлекательные, но для Даника они были очень дороги. Он хранил их в ящике, где обычно лежали дрова. Анита знала, что ей нельзя заглядывать в этот ящик, и делала вид, будто верит, что там лежат только дрова.

В ящике уже поселилась целая семья сосновых шишек. Даник покрасил их в разные цвета и расставил в ряд. Папа-шишка был красным, мама-шишка — зеленой, а рядом стояли пятеро детишек ярко-желтого цвета. Еще здесь находилась картина, изображавшая Буренушку. Даник сам нарисовал ее: корова паслась на лугу с голубыми цветами — они были такими же большими, как и корова. Сюда же, в ящик, он положил чистый белый камушек и браслет, сплетенный из волос коровьего хвоста.

Иногда рядом с этими безделушками Даник клал маленькие шоколадки. Но он очень любил шоколад и через некоторое время сам съедал их.

Долгожданный праздник приближался. Завтра день рождения Аниты! Даник уже сейчас предвкушал радость этого дня. И как только Анита ушла в школу, он поделился с бабушкой своими планами. Та сидела на веранде и, греясь на весеннем солнышке, чистила листья одуванчиков для супа на ужин. Даник подошел к ней.

— Бабушка, я пойду на откос. Там кое-где уже растаял снег. Я хочу нарвать первоцветов и шафранов. Получится красивый букет, который я положу рядом с другими подарками для Аниты.

Бабушка неохотно отпустила Даника куда-нибудь одного. Она неуверенно посмотрела на него.

— Ты еще маленький, тебе нельзя идти туда одному. Там может быть скользко, и ты упадешь с обрыва.

— Белоснежка пойдет со мной, — уверенно ответил Даник.

Бабушка тихо засмеялась.

— Она не сможет помочь тебе, — сказала она и вздрогнула: кошка неожиданно прыгнула к ней на колени и, мурлыча, начала тереться своей белой головкой о ее грудь.

— Белоснежка догадалась, что это мы о ней, — уверял Даник. — Она все понимает и теперь говорит тебе, что будет сверху, с горы, следить за мной.

Мальчик взял кошку на руки, поцеловал бабушку и направился по ступенькам вниз, напевая песенку.

«Топ-топ», — стучали его деревянные башмачки. Он продолжал петь высоким звонким голосом. Бабушка долго смотрела ему вслед, а потом снова принялась чистить листья одуванчиков. Да, мальчик

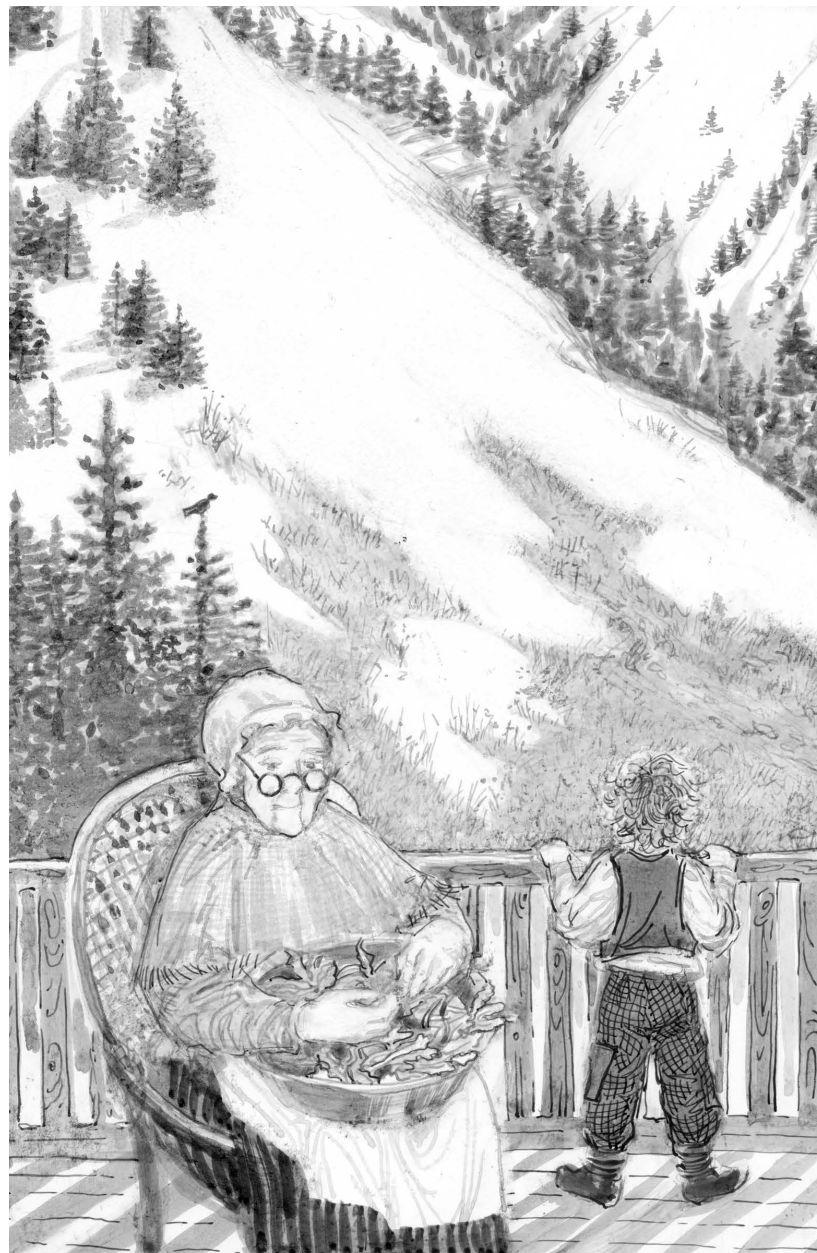
вырос, стал самостоятельным, скоро он пойдет в детский сад. Он на самом деле уже большой.

Даник весело карабкался на холм. Белоснежка осторожно пробиралась за ним. Несмотря на то что она была рождественской кошкой, она все-таки не любила снег.

День был погожим. Весна начала свое дело: топила снег и одевала горы в новый наряд. В долине вдоль реки зеленели луга, и там уже паслись коровы. Здесь, на откосе, снег тоже начал таять, и кое-где обнажилась бледно-желтая прошлогодняя трава, а ручьи переполнялись прозрачной ледяной водой. Прошло немного времени, и Даник добрался до низкой каменной стены, ограничивающей луг. По другую ее сторону отвесно шел скалистый обрыв, а внизу шумел бурный горный поток.

Летом скалы, сплошь покрытые колокольчиками, камнеломкой и густым ковром розовато-красной смолевки, походили на сад чудесной мечты. Но в эту весеннюю пору они были еще голыми и бурыми. Белоснежка уселась на ограду и стала тщательно умываться, хотя и была такая же белая, как снег.

Даник переходил от одного пестрого пятна к другому. Фиолетовые шафраны чередовались с первоцветами. Последние нравились Данику больше всего. Эти нежные цветочки не могли дождаться, пока растает снег. Они пробились наружу сквозь замерзшие края снежного поля, и их стебли еще были скованы льдом. Даник любил все красивое, и здесь, среди цветов, он был счастлив. Солнце сияло, и цветы улыбались ему. Он думал о сказочных гномах, живущих здесь,

под снегом, в пещерах. Ему казалось, будто он видит даже их белые бороды и красные шапочки. Даник был уверен, что гномы — веселые шалуны. Иногда, если вокруг никого нет, они выходят из своих пещер и качаются на лепестках первоцветов. Об этом ему рассказывала Анита.

Осторожно, на цыпочках, мальчик подходил к растениям и, наклонив голову, внимательно разглядывал их. Даник был так поглощен своим занятием, что не услышал приближающихся шагов. Внезапно оглянувшись, он вздрогнул: позади него стоял Лука с неприятным выжидающим взглядом и торжествующим блеском в глазах. Он не забыл, как Анита ударила его, когда Даник позвал на помощь. С того дня Лука искал случая, чтобы отомстить. Поэтому, увидев Даника высоко на горном лугу, Лука быстро направился к нему. Конечно, он не собирался причинять ему вред: хотел лишь немного подшутить и поиздеваться над ним и таким образом отомстить за обиду.

— Для кого ты собираешь цветы?

— Для Аниты, — храбро ответил Даник.

Он прекрасно знал, что Луке такой ответ не понравится, но Анита всегда твердила ему: говори правду даже в минуту страха.

Лука ехидно засмеялся.

— Я ненавижу Аниту, — объявил он. — Она высокомерная воображала. В школе она глупее всех. Малыши в детском саду решают задачи лучше, чем она. Анита ничем не отличается от ваших коров. Отдай мне цветы, она их не заслужила.

Услышав такое, Даник настолько возмутился, что даже покраснел. Он спрятал цветы за спину. Да разве можно ненавидеть Аниту? Она такая красивая и хорошая, она все умеет делать. Даник, ничего не знавший о зависти, не понимал, что происходит.

— Нет, ты не получишь эти цветы! — возразил он, крепко сжав букет за спиной. — Цветы мои.

— А я отберу их, — дразнил Лука. — Ты же маленький, как ты со мной справишься? Я могу сделать с тобой все, что захочу. Ты маленький глупый хвастун. Я отомщу тебе за то, что ты рассказал Аните, кто сломал снежную бабу.

Лука грубо вырвал цветы из рук Даника, бросил их на снег и стал топтать ногами. Глядя на растоптанные первоцветы и шафраны, Даник не выдержал и громко заплакал. С какой любовью он собирал эти цветы, а теперь все пропало! Даник бросился на Луку и стал бить его своими маленькими кулачками.

— Я все расскажу моему папе! — вскричал он. — Я сейчас пойду домой и все расскажу. Он придет к тебе домой и побьет тебя. Ты злой мальчишка.

Этого Лука не ожидал. Как и все грубияны, он был трусом и боялся отца Даника, рослого и очень сильного. Само собой разумеется, за Даника пощады не жди. Лука крепко держал малыша за руки, оглядываясь кругом и пытаясь придумать, чем бы пострадать мальчика, чтобы заставить его промолчать. Тут он увидел Белоснежку, которая по-прежнему сидела на каменной стене, греясь на солнышке. У него тотчас созрел план. Оттолкнув Даника, он поспешил к каменной ограде.

Даник решил, что мучитель оставил его, вытер слезы и стал снова собирать цветы. «Подумаешь, Лука, — думал он. — Какое мне дело до него? Главное, ко дню рождения Аниты будет красивый букет».

Внезапно на весь луг раздался голос Луки. Даник посмотрел в его сторону, и ему стало страшно: Лука стоял на каменной стене. Схватив Белоснежку за шкуру, он держал ее над темным ущельем, по которому несся бурный поток.

— Если ты мне сейчас же не пообещаешь, что ничего не расскажешь отцу, я брошу твою кошку в воду!

Даник побежал к нему. Мальчик бежал ничего не видя и спотыкаясь, ноги его тряслись — он едва продвигался вперед. От мысли, что Белоснежка погибнет в холодной воде, во рту у него пересохло, он не мог даже кричать. Даник знал одно: надо добраться до Луки, отобрать у этого мерзавца кошку и никогда не оставлять ее одну.

Вообще-то Лука не собирался бросать кошку в ущелье. Несмотря на то что он был сорванцом и проказником, жестоким он не был. Но кошка не привыкла, чтобы с ней так обращались, и начала вырываться. Обнаружив, что ее не отпускают, она стала извиваться еще сильнее. Страх заставил Белоснежку сделать то, чего обычно она не делала: извернувшись и выпустив когти, она вцепилась в руку своего мучителя. Лука, который наблюдал за бегущим Даником, от неожиданности выпустил животное. Как раз в тот момент, когда смертельно бледный Даник подбежал к каменной стене, Белоснежка камнем полетела вниз.

Даник вскрикнул и, ни минуты не колеблясь, полез через стену. Растерявшийся от своего поступка Лука даже не успел схватить его и оттащить назад. Все остальное произошло в считанные мгновенья.

Белоснежка не упала в воду, а зацепилась за выступ скалы и теперь, прижимаясь к нему, жалобно мяукала. Подросток мог бы легко добраться до кошки и подняться с ней назад. Но Данику было всего лишь пять лет. Скала была мокрая, и он поскользнулся как раз в тот момент, когда хотел схватить Белоснежку. Раздался страшный крик — крик, который потом несколько лет преследовал Луку, — и Даник исчез.

Если бы у Луки в панике не помутился разум, то он перегнулся бы через стену и заглянул в ущелье. Но ему даже в голову не пришло, что Даник мог остаться в живых. Видеть же, как вода уносит безжизненное тело к водопаду, было выше его сил. Обезумев от ужаса, он свалился на траву и закрыл лицо руками. И если бы в этот миг его увидела Анита, то даже она признала бы, что он действительно уже наказан.

— Даник утонул, — простонал он, снова и снова повторяя про себя эти слова. — И виноват в этом я. Что же мне теперь делать? О, что я должен делать?!

Немного погодя в его голове родилась трусливая мысль. Он вскочил и оглянулся. Время шло. Вскоре сюда придут и станут искать Даника. И если его, Луку, увидят здесь, все догадаются, что это он во всем виноват. Пока еще никто не подозревает о его причастности к несчастному случаю. Поэтому если он сейчас пойдет домой и сделает вид, будто ничего не случилось, никто ничего не узнает.

Он бежал, словно преследуемый заяц. Наконец окольными путями Лука добрался до дома и остановился у задней двери. Он не решался войти, так как боялся встретиться с матерью. Надо спрятаться, но куда? У коровника он заметил лестницу, ведущую на сеновал. Лука забрался по лестнице наверх и, зарывшись лицом в сено, зарыдал: его сердце разрывалось на части.

Глава 6

Поиски

Бабушка окончила работу на веранде. Тяжело опираясь на палку, она вернулась в дом и села в свое кресло. Как же она устала! Вскоре старушка задремала, и голова ее склонилась на грудь.

Здоровье ее совсем разладилось: глаза видели все хуже и хуже, привычная домашняя работа порой казалась непосильной. Но она беспредельно любила своих внучат и думала, что будет трудиться для них, пока не упадет. Поэтому она продолжала готовить своими исколеченными руками, продолжала штопать и латать, напрягая свои больные глаза. Анита ничего об этом не знала — ей было лишь двенадцать, да и бабушка никогда не жаловалась. Ведь когда мы трудимся с любовью, даже самая тяжелая работа становится легкой.

В этот день бабушка спала дольше обычного. Анита еще с обеда отправилась в деревню, в магазин, а отец работал в лесу. Бабушке также нужно было заштопать пятки на белых шерстяных носках Даника и залатать локти на рукавах его курточки. Но она слишком утомилась. Сложив руки на коленях,

старушка мирно спала. И даже кукушка на стенных часах, прокуковавшая три раза, не разбудила ее.

Было почти четыре часа, когда бабушка наконец проснулась. Посмотрев на часы, она охнула. Даник ушел в половине третьего и все еще не вернулся. Где же он может быть?

— Даник! — позвала она, думая, что он где-нибудь прячется.

Она не удивилась бы, если бы тот вылез с озорным видом из-за какого-нибудь кухонного шкафа.

Но ответа не последовало. Бабушка вышла на веранду: может, ей удастся увидеть его. Из-за сарая показалась фигура, но это была Анита с плетеной корзинкой на спине. Из корзинки торчала большая золотистая буханка хлеба. Сегодня после обеда не было уроков, и она решила походить по магазинам. Анита махнула бабушке рукой и вбежала на веранду.

— Анита, — сказала бабушка, — поставь быстро корзинку и пойдика поищи своего брата. Он пошел собирать цветы полтора часа назад и еще не вернулся.

Анита опустила корзинку на пол. Про себя она подумала, что бабушка уж слишком переживает за Даника. Что с ним может случиться, когда все в округе знают и любят его?

— Он, наверное, в лесу с папой, — ответила она. — Я пойду посмотрю. Но дай мне сначала съесть кусочек хлеба с повидлом, я так проголодалась!

Она отрезала себе большой ломоть от буханки и намазала его маслом и повидлом. Бабушка опять вышла на веранду и озабоченно посмотрела на дорогу. Анита еще жевала свой бутерброд, когда услышала шаги отца и встревоженный голос бабушки:

— Где Даник, Петр? Разве он не был с тобой в горах?

— Даник? — удивленно переспросил отец. — Нет, у меня он не появлялся. Когда он ушел из дому?

Бабушка больше не могла скрывать своего беспокойства.

— Он ушел примерно полтора часа тому назад, он и котенок. Отправился собирать цветы в поле. С ним что-то случилось.

Анита и отец тревожно переглянулись. Тропинка, которая вела из лесу, шла через поле, где Даник должен был собирать цветы. То, что папа его не видел, и в самом деле было странно. Анита схватила отца за руку.

— Может быть, Даник пошел к тебе в лес, — попыталась успокоить его девочка. — Пойдем поищем его. Мы наверняка наткнемся на Белоснежку — она не любит далеких прогулок. Белоснежка-то и покажет нам, куда идти.

Вместе они отправились в сторону леса. Шли молча, так как отец боялся высказать вслух свои мысли. Весна в горах Швейцарии каждый год приносила с собой многочисленные опасности: бурные горные потоки, внезапные обвалы тающего снега... А Даник еще такой маленький...

* * *

Оставшись одна, бабушка пошла в дом и стала молиться. Она молилась, а в это время перед ней возникали картины. Чем меньше бабушка видела глазами, тем больше она видела в духе, внутренним взором. Перед ней предстал темный лес, изрезанный горными ручьями. Тропинки перегораживали валуны и

снежные завалы. По такой вот тропинке и бежал Даник с цветами в руках. А рядом с ним — ангел с белыми крыльями, и в тени этих крыл было уютно, тепло и безопасно.

«Верно вам говорю, их ангелы всегда стоят рядом с Моим Небесным Отцом»*, — прошептала бабушка, поднимаясь с колен. Теперь она чувствовала себя совершенно успокоенной и принялась готовить ужин.

Между тем отец и Анита все еще не могли найти никаких следов Даника и котенка. Они метались по лугу взад и вперед, выкрикивая имя мальчика, но ответом им было только горное эхо и шум бурных ручьев. Солнце садилось за горы, тени в поле становились длиннее.

— Папа, — вдруг Аниту осенило, — может, он пошел домой? Я видела, как Лука разговаривал с ним. Я побегу к нему и спрошу.

Анита помчалась что есть силы и уже через пять минут оказалась у дома госпожи Марель. Задняя дверь была приоткрыта. Просунув в нее голову, Анита крикнула:

— Госпожа Марель, Лука! Вы здесь? Вы не видели нашего Даника?

В доме было тихо. Но, вероятно, они где-то рядом, раз оставили дверь открытой. Анита уже хотела бежать к коровнику, как вдруг увидела госпожу Марель. Она шла по дорожке, соединяющей их дома. Анита поспешила ей навстречу.

— Госпожа! — крикнула она, тяжело дыша и хватая женщину за рукав. — Вы не видели нашего Дани-

ка? Он пошел гулять, и вот уже два часа, как его нет. Может быть, он с Лукой? Вы знаете, где Лука?

— Очень даже может быть, — мрачно отозвалась госпожа Марель. — Я только что ходила к вам, чтобы узнать это. Лентяй уже давно должен быть дома. Коровы мычат, их надо доить. Снова мне придется все делать самой. Но, возможно, он вернулся, пока меня не было. Тогда он в хлеву. Пойдем-ка посмотрим.

Вместе они направились к коровнику и открыли тяжелую деревянную дверь. Коровы топтались и хлестали себя хвостами, но Луки здесь не было. Госпожа Марель повернулась со вздохом раздражения и уже собиралась закрыть дверь, как Анита схватила ее за рукав и указала пальцем наверх.

— Послушайте, — прошептала она, — что это за шорох там, вверху?

Обе остановились и с минуту прислушивались. С открытого чердака коровника, где было сложено сено, доносились всхлипывания. Анита в один миг, словно дикая кошка, взлетела на чердак. Госпожа Марель взобралась за ней. Обе поняли, что случилось что-то ужасное, но Анита думала только о Данике, а госпожа Марель — о Луке.

— Лука! — крикнула госпожа Марель. — Мой бедный мальчик, что случилось? Ты ушибся?

— Где Даник, — шипела Анита, схватив Луку за плечи и тряся его, — что ты с ним сделал? Верни его сейчас же!

Лука лишь глубже зарылся в сено и напряженно мотал головой. Он был почти в истерике.

— Я не знаю, где он! — закричал он. — И вообще я не виноват!..

* Евангелие от Матфея 18:10.

— В чем ты не виноват?! — вскричала Анита, тряся его за плечо сильнее прежнего. — Ты знаешь, где он, скажи правду! Госпожа, — обратилась она к женщине, — заставьте его сказать правду.

Госпожа Марель оттащила Аниту и склонилась над Лукой. Лицо ее было бледным. Она уже не сомневалась, что с Даником что-то случилось и Лука знает, в чем дело. Она взяла его лицо в свои руки и повернула к себе.

— Лука, — она старалась говорить как можно спокойнее, — скажи: где Даник?

Лука только дико посмотрел на нее и понял, что избежать расплаты не удастся.

— Он мертв, — глухо выдавил он и снова зарыдал, зарывшись лицом в сено. — Он сорвался с обрыва и разбился.

Анита застыла. На несколько мгновений она потеряла способность двигаться. Ее лицо стало настолько бледным, что госпожа Марель подумала, что она упадет в обморок, и хотела поддержать ее. Но Анита отскочила, как ошпаренная. Затем она заговорила каким-то чужим хриплым голосом:

— Он должен пойти и показать нам место, чтобы мой папа мог хотя бы принести его домой. — Потом добавила шепотом: — Я убью Луку.

Госпожа Марель не услышала ее последних слов, но первые показались ей разумными. Она схватила своего сына за руку, поставила на ноги и практически стащила вниз по лестнице.

— Пойдем, Лука, — подгоняла она его. — Покажи нам, где Даник. Быстро, иначе господин Бурни придет сюда с полицией, и они заставят тебя идти.

Угроза подействовала, и Лука повел их к месту несчастья. При этом он не переставал плакать и повторять, что не виноват.

Госпожа Марель и Анита следовали за ним. Госпожа Марель тоже плакала, Анита же не проронила ни слезинки. Ей казалось, что все ее слезы высохли от горя и гнева. Дойдя до стены, Лука указал пальцем вниз, в ущелье.

— Он там, утонул в потоке, — прошептал он, бросился на землю и зарылся лицом в траву.

В этот момент на опушке леса показался господин Бурни. Он поспешно присоединился к маленькой группе. На Луку он не обратил никакого внимания, только бросил один взгляд на свою дочь, а другой — в теснину. Там он увидел то, чего никто до сих пор не заметил: по скалистому выступу карабкался вверх дрожащий белый котенок. Больше никаких объяснений ему не требовалось, он просто сказал:

— Нужно принести веревку! — и побежал назад к дому, словно его преследовали.

Бабушка, стоявшая в дверях, все поняла по его лицу. Молча наблюдала она за тем, как Петр снял со стены толстую веревку и тотчас выбежал из дома.

— В ущелье! — только крикнул он ей, оглянувшись назад, и исчез в темноте.

Оставшись одна, бабушка поставила на плиту чайник, достала старый холст и наполнила горячей водой большую грелку. Затем она села, закрыла глаза и сложила руки. Снова перед ней возникла картина: Даника уносит темный поток, но внезапно белые крылья ангела останавливают бурное течение, и

ребенок снова в безопасности. «...Ангелам Своим заповедает о тебе — охранять тебя на всех путях твоих: на руках понесут тебя, да не преткнешься о камень ногою твоею...»* — молилась бабушка.

* * *

Отец вернулся очень скоро, но ожидавшим у стены показалось, что прошли часы. Никто не вымолвил ни слова. Он обвязал один конец веревки вокруг ствола дерева, а другой бросил в ущелье. Затем, держась за веревку, перелез через стену и скрылся из виду. Едва перебравшись через стену, он решился посмотреть вниз, в воды бурного потока, которые, по всей вероятности, унесли его мальчика. Однако то, что он увидел, вселило в него надежду.

— Вот он! — закричал отец.

Бабушка оказалась права: ангелы на самом деле охраняли Даника и он вообще не достиг воды. Даник упал на каменный выступ. Там он и лежал на спине, с подвернутой под себя ногой, в ожидании какого-нибудь спасителя. Он плакал, потому что не мог двигаться. Время текло очень медленно. Видимо, на какое-то время ребенок потерял сознание, так как двух часов, проведенных в ущелье, он не помнил. В его памяти запечатлелся только момент падения.

Отец повис над ним, словно большая птица. Затем он спустился ниже, поставил ноги на выступ и склонился над сыном.

— Папа, — прошептал Даник еле слышно, — где Белоснежка?

* Псалтирь 90:11,12.

— Вон там! Прямо над тобой, — успокоил его отец, глядя маленькое бледное личико. — Мы захватим ее при подъеме наверх.

— Папа, — продолжал Даник, — моя нога очень болит, и я не могу двигаться. Ты понесешь меня домой?

— Конечно, — ответил тот, — для этого я и пришел сюда. Я прямо сейчас отнесу тебя домой.

С этими словами он взял своего маленького сынишку на руки.

— Но, папа, — продолжал озабоченный и слабый голосок, — как же ты сможешь нести меня и Белоснежку вместе? Ты ведь не оставишь Белоснежку, нет?

— Она поедет наверх в моем кармане, — пообещал отец, нежно поднимая ребенка.

Даник застонал — каждое прикосновение причиняло ему нестерпимую боль. Он старался не отрывать глаз от лица отца и действительно проявил больше мужества, чем можно было ожидать от пятилетнего ребенка.

Подъем был долгим и трудным. Отец с Даником не смог взобраться вверх по веревке. Ему пришлось спуститься вниз, до самого потока, и по скалистому берегу дойти до места, где обрыв был не таким крутым. Только там ему удалось подняться наверх. Даник на какое-то время опять потерял сознание, но очнулся, когда отец положил его на траву возле Аниты.

— Белоснежка у тебя в кармане? — спросил Даник, внезапно открыв глаза.

— Сейчас я достану ее, — ответил отец.

Держась за веревку, он спустился туда, где сидела Белоснежка, и вместе с ней поднялся на стену. Даник протянул руки, и котенок, умиротворенно мурлыча,

улегся прямо у его сердца. Анита в первый раз за этот кошмарный вечер залилась слезами.

Даника положили на пальто. Госпожа Марель и господин Бурни медленно понесли его домой. Анита шла сзади с Белоснежкой на руках. Хотя маленькая процессия выглядела печально, сердца их были полны радости: ведь Даник оказался жив и даже разговаривал. Этого было достаточно, чтобы забыть о Луке, который все еще лежал на траве у стены. Даже его мать не вспомнила о нем.

Когда Лука поднял голову и обнаружил, что остался один на один с ночью, ему показалось, будто весь мир отвернулся от него и забыл о нем. Он встал и поплелся домой. Дрожа, он залез в постель, чувствуя себя самым одиноким и несчастным на свете.

Глава 7

НЕ МОГУ ПРОСТИТЬ

Даник лежал в постели под теплыми одеялами и чувствовал себя очень важной персоной, которая вправе требовать все, что ей заблагорассудится. Поскольку до сих пор ему такой возможности не представлялось, он решил воспользоваться ею сполна.

Отец рассказывал ему разные смешные истории. Анита сидела справа от него с шоколадкой в руке, а бабушка — с другой стороны кровати, держа наготове банку с вишневым вареньем. Стоило только Данику открыть рот, как она тотчас протягивала ему полную ложку. Вот если бы еще нога не так сильно болела, он вообще думал бы, что находится в раю.

— Папа, — спрашивал Даник, наверное, уже в десятый раз, — ты уверен, что у Белоснежки нет никаких ушибов?

— Да, я вполне уверен, — отвечал отец. — Она вылакала уже целую чашку молока, а потом взбежала по ступенькам на второй этаж, виляя хвостиком. Так ведут себя только здоровые кошки.

— Папа, — снова сказал Даник, открывая рот, как птенец, чтобы получить очередную порцию варенья, — это Лука бросил нашего котенка через ограду. Он нехорошо поступил, правда?

— Да, очень нехорошо, — подтвердил отец. — Но он еще будет наказан.

В действительности же отец был так счастлив видеть сына живым, что почти забыл о Луке.

Больше всех думала о нем Анита, молча сидевшая с кусочком шоколада в руке. «Я еще решу, что с ним сделать, — размышляла она, — но я никогда не прощу его, никогда. Пока жива, не прощу. Когда-нибудь я ему непременно отплачу».

— Анита, — сказал Даник, — дай мне еще немного шоколада. Потом я буду спать. Но ты оставайся здесь, потому что моя нога сильно болит.

— Да, мой милый, — ответила сестренка, протягивая ему шоколад, — я останусь с тобой, пока ты не уснешь.

Отец и бабушка поцеловали Даника и оставили детей одних. Анита обняла брата.

— Спой мне песенку, — попросил он, — ту, которую всегда поет бабушка.

Это была молитвенная песенка к Отцу на небесах. Песенка о том, как Отец Небесный хранит маленьких детей всю ночь под Своими крылами; заканчивалась она просьбой простить все их грехи. Анита часто пела ее Данику. Но сегодня она не хотела этого делать. Разве могла она петь о прощении грехов, когда ее сердце переполняла ненависть к Луке? Анита была способна думать только о расплате.

— Не эту, Даник. Я спою тебе другую, про весну и цветы. Хорошо? — попросила Анита.

Но Даник насупился. Сегодня Анита должна делать то, что хочет он!

— Я не хочу другую, я хочу эту.

— Ну хорошо, я спою ее, — вздохнула Анита и начала петь.

Я устал, ищу покоя.
Боже, очи мне закрой
И с любовью будь со мною,
Будь Хранитель верный мой.
И сегодня, без сомненья,
Я виновен пред Тобой.
Дай мне всех грехов прощенье,
Телу — сон, душе — покой.

Пела она медленно и грустно. Даник заснул, не дождавшись конца. Анита спрятала голову в одеяло и заплакала. Она очень устала после всех перенесенных страхов и только теперь почувствовала некоторое облегчение. Однако это не были слезы радости. Анита еще не знала, что нельзя быть по-настоящему счастливой, если кого-то ненавидишь. Вздохнув, она наконец встала и пошла вниз. Отец доил коров — так поздно он еще никогда этого не делал. Коровы били копытами землю и вообще вели себя беспокойно.

Бабушка готовила ужин — ведь с обеда еще никто ничего не ел, все суетились вокруг Даника.

— Он спит, — сказала Анита.

Она села, пристально глядя на пламя.

— Скоро появится врач, — вздохнула бабушка, — и тогда нам придется разбудить его. Пускай пока поспит.

Анита помолчала еще немного, но потом не выдержала:

— Бабушка, Лука должен быть наказан. Как мы можем отомстить ему? Я даже не знаю, чем отплатить ему за такой ужасный поступок!

Бабушка ответила не сразу:

— Анита, ты не думала о том, что сделавший зло сам себя наказывает?

Нет, такая мысль никогда не приходила Аните в голову.

— Представь ужас Луки, — продолжала бабушка, — когда он увидел Даника падающим вниз. Подумай о том, как ему теперь не по себе. Как ему должно быть стыдно и страшно от того, что вскоре все узнают о его поступке. Не достаточно ли он уже наказан? Может быть, мы должны простить его и помочь ему?

Анита обратила особое внимание только на одну фразу из бабушкиного наставления: «Подумай о том, как ему страшно от того, что вскоре все узнают о его поступке». Прекрасная идея! Уж она-то позаботится о том, чтобы люди узнали, что натворил Лука. Куда бы она ни пошла — в школу или в село — везде она будет об этом рассказывать. Все начнут ненавидеть его.

Ее мысли были прерваны громким стуком в дверь, и вскоре на пороге показалась сестра Луки. Возвращаясь домой с работы, она встретила печальную процессию, спускавшуюся с горы, и сразу же побежала в село на почту, чтобы позвонить врачу, который жил в восьми километрах от них.

— Врач Пиляр не сможет прийти сегодня, так как уехал к больному в другое село. Он вернется домой только после полуночи. Мне сказали, что Даника

нужно завтра утром отвезти в больницу, где его обследует врач.

— Спасибо, Мария. Ты очень хорошо сделала, что позвонила вместо нас, — поблагодарила бабушка и направилась на кухню.

Мария, оставшаяся стоять в дверях, спросила с любопытством:

— Скажи, Анита, как это произошло? Почему моя мама такая молчаливая и подавленная?

— Это случилось в горах, — коротко ответила Анита. — Лука сбросил котенка со скалы, а Даник хотел его спасти. Лука даже не попытался остановить его. Я бы не удивилась, если бы Лука и Даника столкнул с горы. Мне кажется, Даник сломал ногу. Он пролежал там несколько часов, потому что Лука никому ничего не сказал.

При этих словах Мария побледнела. Она никогда не испытывала особых чувств к своему брату. Если бы она проявляла к нему больше любви, Лука был бы лучше и добрее. Ведь дети, которых не любят, редко вырастают любящими.

— Его надо строго наказать, я сама прослежу за этим! — гневно воскликнула она и выбежала из дома.

Анита улыбнулась. Настроить родных Луки против него — это как раз то, чего ей хотелось. Анита почувствовала, что мщение началось. Больше ожидать было нечего, и после молчаливого ужина Анита угрюмо побрела в свою комнату. При свете свечи она долго со слезами на глазах смотрела на своего братишку. Даник лежал, раскинув руки. Время от времени он бормотал странные слова. Анита легла в свою постель. Несмотря на усталость, она не могла заснуть и чувствовала себя очень одинокой.

Вдруг она услышала тяжелые шаги — это бабушка решила навестить своих внуков. Ей трудно было подниматься по лестнице, и поэтому она редко приходила к ним в комнату.

— Бабушка! — воскликнула Анита, протянув к ней руки, и горько заплакала.

Бабушка долго молчала. Сидя возле Аниты на кровати, она гладила ее по голове, давая ей возможность выплакаться.

— Послушай, Анита, — сказала наконец бабушка, — когда Даник был совсем маленьким, мы принесли его в церковь и молились о нем Богу. С тех пор мы каждый день просили Господа, чтобы Он оберегал его. И даже когда Даник упал, Спаситель не оставил его. Он был с ним все это время. Даже если бы он погиб, он сразу попал бы на небо. Поэтому давай вытрем слезы и будем продолжать верить, что Даник в Божьих руках и что Он будет делать для него самое лучшее.

— Но почему Господь допустил это несчастье? Бабушка, я ненавижу Луку, мне кажется, я готова убить его!

— Тогда ты не сможешь молиться о Данике, — просто ответила бабушка. — Бог есть любовь, и в молитве мы приближаемся к этой Любви. Все зло и ненависть в нашем сердце должны растаять, как снег под весенним солнцем. Анита, предай Луку Богу, Он воздаст и за добро, и за зло. Но запомни, что Бог любит Луку точно так же, как Он любит Даника.

Бабушка поцеловала внучку и ушла. Анита еще долго лежала в постели, размышляя над тем, что та сказала. Последним словам она не поверила. Аните казалось невозможным, чтобы Бог любил этого грубого,

некрасивого, глупого Луку так же, как милого и веселого Даника. Но то, о чем бабушка говорила вначале, было правдой, она сама об этом знала. И это ее беспокоило. Она действительно не могла молиться о Данике и одновременно обдумывать план мести Луке. Одно было несовместимо с другим. Она хотела бы молиться о брате, но боялась, что тогда ее ненависть к Луке исчезнет, а она так жаждала мести! Пусть пока бабушка молится о Данике, а она будет думать о мести.

В тот момент, когда она приняла это решение, Даник сел на постели и в полусне начал испуганно плакать:

— Белоснежка, где Белоснежка? Она упала в поток?

Анита подбежала к брату.

— Нет, нет, Белоснежка здесь.

Подняв пушистый белый комочек с края кровати, она положила его мальчику в руки. Тот лег и сразу же крепко уснул. Анита еще некоторое время постояла у кровати, дожидаясь, пока дыхание его станет спокойным и ровным. Потом она сама легла и тоже уснула.

Глава 8

ВСЕМИ ПОКИНУТЫЙ

Лука лежал в постели без сна. Голова у него болела, но он боялся закрыть глаза: как только Лука смыкал веки, он видел перед собой Даника, летящего вниз с обрыва. Это была не та скала у каменной стены, а темная вертикальная стена, переходящая в бездонную пропасть, и Даник продолжал падать и падать туда. Время от времени Лука впадал в забытие, но тут же просыпался от ужасного крика, с колотящимся сердцем — его ночные видения были страшнее дневных мыслей. Если бы хоть кто-нибудь пришел к нему! Ему было так жутко лежать одному в темноте... Лука тосковал по своей матери. Он знал, что она дома, потому что слышал ее шаги на кухне, но не осмеливался позвать. Вдруг она не захочет прийти? Да и потом, его могла услышать сестра, а ее Лука совсем не хотел видеть. Ему даже представить было страшно, что сказала бы Мария.

Лука стал размышлять о завтрашнем дне. Ему придется пойти в школу, а там Анита все расскажет. Его и без того не любили, а теперь станут просто ненавидеть!

Никто не захочет сидеть с ним рядом, играть, вместе ходить в школу.

Вдруг он услышал шаги по лестнице, и в комнату вошла мать. Лука приподнялся в постели, заплакал и протянул к ней руки. Но она села на край кровати и угрюмо посмотрела на него. Сердце ее разрывалось от жалости, она страстно хотела утешить его. Но в то же время ей было страшно. Что сделают Бурни, если Даник серьезно пострадал? Подадут ли они в суд? А счет от врача? Чем она расплатится? Бедная госпожа Марель боялась показаться слишком жалостливой. Вдруг они скажут, что она на стороне сына. Кроме того, она считала своей обязанностью наказать его.

Если бы госпожа Марель была более мудрой матерью, она бы поняла, что не в наказании нуждался ее ребенок, а в помощи и утешении. Она бы смогла предвидеть бесконечные недели страха, одиночества и самообвинений, которые предстояло пережить ее сыну. Но ей не хватило чуткости.

— Такого я от тебя не ожидала, — сказала она устало. — Я не знаю, что теперь будет. Если Даник сильно покалечился, мы станем нищими, ведь нам придется оплатить все лечение. Я буду очень удивлена, если не вмешается полиция. То, что ты натворил, просто ужасно, и я надеюсь, тебе очень стыдно.

Луке было так стыдно, что он ничего не мог ответить. Его поведение озадачило госпожу Марель — обычно Лука не лез за словом в карман, он мог за себя постоять. Безмолвный Лука — это что-то необычное.

— Будем надеяться на лучшее, — сказала она наконец более ласковым голосом. — Завтра ты должен

будешь пойти к Бурни и извиниться перед ними. Может быть, они простят тебя.

Она ждала ответа, но не получила его. Тогда она замолчала и, обеспокоенная, вышла из комнаты. Вскоре госпожа Марель вернулась с чашкой горячего супа. Успокаивать сына она не находила нужным, но вот покормить его считала своей обязанностью. Лука взял чашку и начал есть. Но уже на третьей ложке поперхнулся и отдал суп обратно. Затем он уткнулся в подушку и опять горько заплакал. Мать молчала, не зная, что сказать. Она нежно погладила его по голове и, когда рыдания постепенно смолкли, тихо вышла и оставила его одного.

Проснувшись утром, он не сразу вспомнил, что с ним случилось и почему у него так сильно болит голова и жжет глаза. Но затем воспоминания, словно тучи, надвинулись на Луку. Сегодня он пойдет в школу и встретится с другими детьми. Даник, может быть, уже умер ночью, и все узнают, чья это вина. Нет, он не пойдет в школу — будет весь день где-нибудь прятаться. Это нетрудно. Он убежит в сосновый лес, а после обеда вернется домой. Никто ничего не заметит. Мать подумает, будто он был на занятиях, а из школы никто не придет спрашивать о нем: они жили слишком высоко, да и вообще — кому до него есть дело? Конечно, обман рано или поздно обнаружится, но сейчас он не мог думать о будущем. Возможно, завтра у него будет другое настроение или Данику станет лучше. В конце концов, ему все равно, что будет потом. Сегодня он хотел скрыться от всех.

Он встал с постели и спустился вниз. Мария была на кухне. Она уже почти позавтракала и готовилась

идти на вокзал. Когда Лука вошел, она только покачала головой и отвернулась. Но он даже не взглянул в ее сторону: молча пересек кухню и отправился в сарай, чтобы помочь матери доить коров. Та озабоченно посмотрела на него, но он ничего не сказал ей. Завтракал Лука тоже молча. Затем встал, без слов поцеловал мать и вышел.

Госпожа Марель последовала за сыном, чтобы проводить его взглядом до ворот. Она помахала ему вслед, Лука тоже махнул в ответ. Затем подождал немного за углом, пока не убедился, что она скрылась в доме. Тогда он повернулся и что было сил побежал в горы.

Запахавшись, мальчик остановился — вокруг высились безмолвные сосны, веяло прохладой. Здесь он вне опасности. Как же прекрасен лес в пору раннего утра! Послушные зову весны, на деревьях набухали почки. На стволах сосен выступал смолистый сок, и воздух был напоен его нежным ароматом. Пряный запах поднимался и от земли, по которой пробивавшиеся сквозь ветви лучи там и сям разбросали солнечные пятна. Здесь царил покой и ощущалась свежесть пробуждения. Лука почувствовал себя увереннее, как будто луч света проник сквозь ветви деревьев и в его сердце.

Он не представлял себе, что будет делать весь этот день. Еды у него с собой не было, так как обычно он обедал в школьной столовой. Удивительное чувство умиротворения охватило его. А поскольку мальчик провел тяжелую ночь, он вытянулся на земле и скоро уснул. Заросли ежевики надежно защищали его от посторонних взоров.

Теплый весенний ветер гладил его волосы, изредка сквозь ветви деревьев к нему проникал луч

солнца. Трудолюбивые белки резвились и скакали в ветвях, где-то поблизости весело журчал ручеек, пробегавший по камням, но Лука ничего не слышал. Он спал до тех пор, пока солнце не встало прямо над его головой. Школьники в это время как раз сидели за длинные обеденные столы, и острое чувство голода разбудило Луку. Но здесь, в лесу, не было столовой.

Лука встал и побрел дальше в гору. Он спрашивал себя: не угостит ли его какой-нибудь добрый крестьянин молоком? Шагая, он засунул руку в карман и вдруг обнаружил там ножик. К этому времени Лука как раз достиг верхней опушки леса. Перед ним раскинулись крутые склоны, поросшие елями и буком. Почки набухли и вот-вот должны были раскрыться. Кое-где бархатные листочки уже пробились сквозь тугие коконы. Скоро все деревья зазеленеют.

Лука сел на бревно, поднял с земли палку и начал строгать ее. Он и раньше уже пытался кое-что вырезать из дерева, но ничего хорошего у него до сих пор не получалось. Поскольку сегодня у Луки было много свободного времени, он решил вырезать косулю — их тут много водилось в горах.

Нехотя Лука начал строгать кусок дерева, но мало-помалу тот начал приобретать в его руках форму, и это вызвало в нем непривычное волнение. Он совершенно забыл о своей горе и полностью погрузился в работу. Мысленно мальчик уже видел перед собой вырезанную фигурку, его пальцы едва поспевали за мыслями. Вот показалась голова со стройными рогами и вздернутым носом; затем — наостренное ухо, уловившее близость охотника; четыре тонких ноги и наконец тело, готовое к бегу.

Лука держал перед собой косулю на вытянутой руке, чтобы получше разглядеть. Фигурка не была совершенной, но очень походила на косулю. Лука и сам не знал, хороша ли она. Однако в первый раз за эти два горьких дня он почувствовал себя почти счастливым. Он нашел, чем занять себя. Каким бы он ни был бездельником, он мог вырезать по дереву! Теперь одиночество ему нипочем. Если другие дети не захотят с ним играть, он придет сюда, в это тихое место, и станет вырезать из дерева разные красивые вещи. Вырезая, Лука забыл обо всем, а именно к этому он стремился теперь больше всего на свете! Что бы ни случилось, он придет сюда и забудет про свои горести.

Он взобрался еще выше и посмотрел вниз, в долину. Солнце приближалось уже к верхушкам гор. Далеко внизу он разглядел маленькие черные точки, двигавшиеся в разные стороны, — дети выходили из школы. Через четверть часа он может вернуться домой. Медленно он побрел через сосновый лес обратно: слишком рано приходить тоже нельзя.

Солнце теперь освещало другую сторону долины. Лес стал прохладным и сумрачным, его наполняли

разнообразные шорохи. Руку Лука держал в кармане и крепко сжимал ею округлое тело косули. Она вселяла в него спокойствие и уверенность. Однако из глубины его души уже пробивались тревожные мысли: что он услышит дома? Вдруг Даник умер? Но Лука тут же прогнал эту мысль. Лучше не думать о подобном исходе. Даник, наверное, сильно покалечился. Лука снова увидел перед собой бледное и испуганное лицо мальчика, лежащего на траве. Ах, если б он мог хоть что-нибудь сделать, чтобы исправить случившееся! Но ему ничего не удавалось придумать.

Немного робко Лука вошел в дом, и стоящая у раковины мать озабоченно посмотрела на него. Она подождала немного — не заговорит ли он. Наконец, не в силах больше скрывать свое любопытство, она спросила:

— Как дела в школе?

— Хорошо, спасибо, — ответил Лука.

— Я ходила к Бурни, чтобы узнать о Данике, — продолжила она. — Господин Бурни и Анита поехали с ним к врачу, они вернутся только поздно вечером. Но бабушка была очень приветлива со мной, Лука. Они хорошие люди, я думаю, они простят тебя и не потребуют возмещения ущерба.

Лука ничего не ответил. Бабушка, может, и простит его, но Анита — никогда! Это он знал твердо.

— А учитель осведомлен о случившемся? — спросила мать после короткой паузы.

— Да, — ответил Лука.

— Он что-нибудь сказал по этому поводу? — продолжала госпожа Марель.

— Нет, — коротко бросил в ответ Лука.

Мать была поражена. Весь день она переживала, что же будет с Лукой в школе. Оказалось, ничего особенного не произошло. Напротив, Лука выглядел даже чуть увереннее и веселее, чем утром.

— Я иду доить коров, — сообщил он и, облегченно вздохнув, вышел из кухни и направился в коровник.

Коровник был убежищем, где он мог скрыться от вопросов матери. Хоть коровы о нем хорошего мнения! Лука сразу же взялся за работу. Когда ведро немного наполнилось, он наклонил его и выпил целых пол-литра теплого пенистого молока. Мальчик сразу почувствовал себя лучше — ведь он ничего не ел с самого утра! Сегодня он спрячет часть своего ужина, а завтра снова отправится в лес, чтобы провести там весь день в покое и безопасности. Он будет делать так, пока все не обнаружится. Но это может случиться не скоро: ведь он живет далеко от села.

Лука постарался доить как можно дольше. Затем с полными ведрами направился к дому. У крыльца он встретил сестру, которая только что вернулась с работы и еще не успела отдышаться после подъема в гору.

— Ты жалкий трус, Лука, — крикнула она ему вместо приветствия. — Прогулять школу! Где он только шатался целый день, мама? Ты должна была заставить его пойти!

Мать возмущенно обернулась.

— Что за чепуху ты говоришь, Мария?! Само собой разумеется, он был в школе. Он только что пришел домой. Оставь бедного ребенка в покое и займись своими делами.

— Вот еще! — возмутилась Мария. — Если он только что пришел домой, я очень хотела бы знать,

где он болтался! По дороге с вокзала я встретила учителя — он работал на своем огороде. Учитель спросил меня: «Что с Лукой, почему он не был в школе? Заболел?» Я ответила ему, что Лука довольно бодр. Завтра он придет, а если нет, я его за уши притащу в школу. Итак, ты слышал, Лука? Интересно, где ты сегодня шлялся? Во всяком случае, завтра я сама поведу тебя в школу.

— Лука, как ты мог? Так обмануть меня! — громко, с гневом в голосе, воскликнула мать. — Ты действительно скверный мальчишка! Что же мне с тобой делать?

Переживания и обман сына лишили ее последней выдержки. Она закрыла лицо фартуком и расплакалась.

В горьком тяжелом молчании Лука присел возле печки. Все теперь против него. Его единственная надежда на уединение отнята. Завтра он пойдет в школу, а там будет Анита! Если бы он пошел сегодня, он не встретил бы ее. Он поднял с пола щепку и начал строгать ее. Затем, засунув руку в карман, нащупал пальцами деревянную косулю.

Глава 9

НА ПРИЕМЕ У ВРАЧА

Даник лежал в повозке на матрасе из сена и смотрел на мохнатые облака. Они чем-то походили на сонных барашков на голубом лугу. Ему страшно хотелось выглянуть за край повозки, но, к собственной досаде, он не мог подняться. Поэтому он любовался небом, а Анита описывала ему местность, по которой они проезжали. Нога Даника немного болела, и он начал капризничать. Каждый раз, когда колесо попадало в ухаб, он вскрикивал. Но Анита успокаивала его, занимая разговором, и ему очень нравилось быть таким важным.

— Мы уже на краю села, Даник, — сказала Анита. — Мы проезжаем мимо церкви. Эмит, сын дворника, выгоняет коров с церковного двора: кто-то оставил ворота открытыми.

— Коровы уже зашли в церковь? — поинтересовался Даник.

— Нет, — ответила Анита. — Они пытались перепрыгнуть через забор, но он слишком высок для них. Теперь мы около школы. Воспитательница дет-

ского сада моет крыльцо. Должно быть, сегодня ее очередь убирать, и она отпустила всех малышей. О, она идет к нам! Увидела нас и, наверное, решила узнать, как твои дела. А вон госпожа Пиллет и госпожа Лемуар: стирают белье у колодца. Они тоже направляются к нам.

Анита была права: всех интересовало, как себя чувствует Даник. В маленьком селе, где редко что-то случается, новости распространяются очень быстро. О каждом происшествии здесь много говорят и долго помнят. Жена почтальона узнала о несчастье, когда Мария, сестра Луки, разговаривала по телефону с врачом, а жена начальника вокзала выяснила подробности, пока Мария ожидала утренний поезд. Теперь почти все село говорило об этом, и каждый хотел знать подробности.

Госпожа Пиллет и госпожа Лемуар оставили рубашки своих мужей полоскаться у колодца, а госпожа Доррит, заведующая сельским магазином, выбежала на улицу вместе с двумя покупателями. Воспитательница оставила у крыльца ведро. Все спешили к повозке с Даником. Женщины, поднявшись на цыпочки, окружили повозку и с любопытством разглядывали Даника, который лежал на сене и был немного бледнее обычного, но очень весел и доволен тем, что вокруг него собралось столько народу.

— Ах, бедненький, — вскричала воспитательница, всплескивая руками. — Анита, ты должна нам все рассказать.

И хотя все уже знали эту историю, они были готовы послушать ее еще раз. Анита рассказала им по порядку, как все случилось. Женщины то и дело качали

головами и охали. Их возмущение злополучным Лукой не знало предела.

— Какой отвратительный парень! — сказала воспитательница. — Я велю малышам не подходить к нему.

— Я тоже запрещаю своему Петру играть с ним, — подхватила жена почтальона, — у него жестокое сердце, это видно по глазам. Мне жаль его мать, — она проговорила это очень высокомерно и с гордостью подумала о своем потешном веснушчатом сыне, любимце всего села.

Отец Даника нетерпеливо взмахнул кнутом, сказав, что их ждет врач, и дернул за поводья. Селянки посторонились, и повозка покатила дальше. Круг женщин снова сомкнулся. Они остались стоять посреди улицы и продолжали усердно судачить.

Повозка медленно двигалась дальше. Анита не торопясь рассказывала Данику обо всем, что видела. Слева от дороги гора поднималась круто вверх. Справа дорогу окаймляла низкая каменная стена, а за стеной был крутой откос, спускавшийся прямо к реке.

— Вода в реке прибывает, — заметила Анита. — От такой теплой погоды снег быстро тает. Вода уже закрывает корни сосен. А вон там упало дерево и получился мост. Ой, Даник, на нем сидит белочка и не знает, пробежать ей по нему или нет!

— Где? — закричал Даник.

Он забылся и хотел было приподняться, но, вскрикнув от боли, упал назад.

— Осторожно, — сказала Анита. — Белочка все равно уже убежала в лес. Мы почти у вокзала, Даник. Там стоят три коровы и ждут, пока их заведут в вагоны.

Вскоре после этого путешественники оставили за собой шумный водопад и свернули на широкую дорогу, по обеим сторонам которой росли молодые рябины. Они проехали мимо пилорамы, где сильно пахло опилками, а затем направились дальше по лугам, усыпанным шафранами. Когда вдали показались дома, Анита сказала Данику, что они уже почти приехали и до города осталось совсем немного.

— Расскажи мне о магазинах, — оживляясь, попросил Даник.

За свою короткую жизнь он лишь однажды был в городе и полагал, что магазины — одно из прекраснейших мест на земле. Вообще-то в этом городке не было ничего особенно примечательного. Все его магазины скучились на одной узкой улочке. Но зато какие это были магазины! Витрина булочной буквально ломилась от сочных фруктовых пирогов, там же громоздились целые горы печенья самой разнообразной формы. Затем шел магазин одежды — на его витрине были выставлены вышитые национальные костюмы. Но самым замечательным оказался магазин деревянных изделий. На витрине стояло множество часов с кукушкой, а также вырезанные из дерева головы гномиков, предназначавшиеся для колки орехов. Аните пришлось так много рассказывать об этом магазине, что, когда повозка наконец подъехала к больнице, она совсем выдохлась.

Как и сам город, больница оказалась маленькой и скромной. Но Данику и Аните она представилась огромной. Почти все пациенты лежали на залитых солнцем балконах. Входная дверь была широко раскрыта. Отец соскочил с повозки, передал поводья

Аните и вошел в здание. Через несколько минут он появился снова в сопровождении двух санитаров с носилками.

Они отнесли Даника в приемный покой и положили на скамейку. Отец присел у изголовья, а Анита — в ногах. Необычная тишина и своеобразный больничный запах произвели сильное впечатление на всех троих, и они подавленно молчали.

Даник смотрел на проходивших мимо медсестер. Они были одеты в длинные белые халаты и кружевные чепчики. Данику казалось, что они выглядят точно так же, как ангелы в бабушкиной Библии с картинками.

Ждать им пришлось долго. Отец и Анита задремали, а Даник вообще крепко заснул. Их разбудил внезапно появившийся врач. Это был пожилой мужчина с длинной черной бородой и грубым голосом. Анита даже немного испугалась его.

С приходом врача все стало происходить очень быстро. Даника увезли на коляске, чтобы сделать рентгеновский снимок. Это показалось ему очень интересным, и он даже осмелился спросить доктора, нельзя ли оставить снимок себе, чтобы повесить в своей комнате. Затем Даника привезли обратно. Врач потянул его за ногу так, что мальчик вскрикнул от боли. Тут принесли снимки, которые совсем не напоминали Данику его ногу. Но врачу они, казалось, понравились. Он внимательно рассматривал их какое-то время, а затем понимающе кивнул. Потом он обратился к отцу:

— Ваш ребенок должен остаться в больнице. У него сложный перелом.

Отец наотрез отказался. Он не хотел доверить своего сына этому мужчине с черной бородой, грубым голосом и не особенно нежными руками.

— Мы будем ухаживать за ним дома, — решил господин Бурни, — ведь это возможно, не так ли?

Врач пожал плечами.

— Да, — ответил он, — но было бы лучше, если бы он остался. Я не смогу приезжать к вам. Вам придется каждый раз привозить мальчика сюда для перевязки.

— Мне совсем не сложно делать это, — твердо ответил отец.

Анита, украдкой положившая свою маленькую ручку в большую отцовскую руку, пожала ее в знак согласия. Она тоже хотела, чтобы Даник остался дома.

Врач только развел руками.

Даника еще раз увезли на коляске в другое помещение. Вернулся он оттуда только через полчаса. Когда его наконец доставили обратно, он был очень сонным и не помнил ничего, кроме странного запаха. Анита обнаружила, что от бедра до колена он был в твердой гипсовой повязке. Она показала это Данику, и тот в изумлении посмотрел на свою ногу.

— Почему я должен носить эти твердые белые брюки? — взволнованно спросил он.

Не дождавшись ответа, он заявил, что ему не нравится черная борода в очках и что он хочет домой. Аните она тоже не нравилась. А домой им всем очень хотелось: Аните — потому что она проголодалась; Данику — потому что он устал; а отцу потому, что он думал о своих коровах. И когда врач вернулся, чтобы сделать второй снимок, он уже никого не нашел.

Лишь вдалеке по дороге резво бежала бодрая серая лошадка, тянувшая за собой повозку с тремя усталыми путешественниками.

— Глупые люди, — пробурчал себе под нос врач. — Они подумали, что я больше не выйду к ним. Теперь мне придется терять свое драгоценное время и тащиться наверх в горы, чтобы посетить ребенка. Они ведь даже не спросили, когда им опять прийти.

Честно говоря, они попросту забыли. Отец вспомнил об этом, только отвязывая лошадь от забора.

— Анита, — сказал он, — мы даже не узнали, долго ли Данику лежать в гипсе?

— Ничего, — ответила Анита. — На следующей неделе ты все равно повезешь в город сыр. Тогда зайдешь и спросишь. Не волнуйся, Данику долго придется его носить. У нас в школе у Лео тоже был такой гипс на руке, и он ходил с ним целых шесть недель.

— И то правда! — воскликнул отец, немного успокоившись. — Тогда я не буду возвращаться. Уже довольно поздно, а врача все равно нигде не видно.

Он взобрался на свое сиденье и крикнул:

— Ну, старая!

Лошадь, взяв правильное направление, припустила рысью. В пять часов они приехали домой. Данику постелили на диване в гостиной, чтобы ему не было скучно. Решили, что Анита будет спать тут же на полу на матрасе — на случай, если Даник ночью проснется и позовет ее.

Целыми днями Даник лежал теперь на диване, с подложенной под ногу подушкой. Все в доме суетились вокруг него. Анита на время совсем перестала ходить в школу и всецело посвятила себя заботам о брате.

Снова и снова она пересказывала ему все известные ей истории и всячески развлекала его. Бабушка готовила самые вкусные блюда, чтобы порадовать бедного больного мальчика, который совсем не страдал отсутствием аппетита. Лежа на диване он был таким же веселым и радостным, как и раньше, когда мог бегать.

Если у Аниты были какие-то дела на улице, он лежал у открытого окна, под яркими лучами солнца, и пел, словно жаворонок. У него действительно было все, чтобы чувствовать себя счастливым. Об этом заботилась не только его семья, но и многочисленное детское население деревни. Мать мальчика, женщина красивая и добрая, выросла здесь, и все любили ее. После ее смерти симпатия сельчан перешла к ее детям, особенно к Данику — чудесному ребенку с глазами цвета незабудки и голосом певчей птички. Он был очень милым и для своих пяти лет уже очень смышленным.

Сам же Даник воспринимал эти проявления любви как должное, однако при этом совсем не избаловался. Малыш получил столько замечательных подарков от посетителей, что вначале совершенно не страдал от невозможности двигаться.

К нему приходили дети — они часами бродили в горах, чтобы найти для него самые красивые цветы. Вскоре столик около его кровати стал похож на альпийский луг. Так как Даник очень радовался приходу друзей, бабушка терпеливо сносила шум и грязь от ботинок. Веранда стала площадкой для детских игр, которыми руководил сам Даник. Учитель присылал ему интересные книжки с картинками, хозяин птицефермы — разноцветные яйца. Пекарь пек ему

золотых человечков из дрожжевого теста с глазами из смородины и пуговицами из засахаренных орехов. Ласково подмигивая, он клал их в корзинку Аниты, когда она приходила за хлебом. Даник знал об этом и всегда сам распаковывал корзинку. Ведь каждый раз там лежал для него сюрприз.

Но самая замечательная затея принадлежала почтальону. Бурни редко получали почту, поэтому его прибытие всегда было событием. И вот этот добрый человек решил каждую неделю подписывать Данику какую-нибудь открытку с видом природы. Он взбирался на холм и собственноручно вручал ее Данику. Так как он всегда приходил в разные дни, то Даник ждал его каждое утро. Почтальон никогда не торопился и следил за тем, чтобы открытка непременно лежала на самом дне сумки. Наслаждаясь живыми и радостными восклицаниями Даника, он рылся в сумке в поисках нужной открытки, читая при этом имена отправителей на остальных. И никто в селе не сердился и не задавал вопросов, почему почта выглядела немного истрепанной и помятой.

Глава 10

НОВЫЙ ДРУГ

Вся деревня хлопотала вокруг Даника. Люди делали все, чтобы утешить его. С другой стороны, они всеми способами стремились продемонстрировать свое отношение к Луке. Все сторонились его. В течение нескольких первых дней мальчику пришлось пережить настоящее мучение. В школе учитель поставил его перед всем классом и стыдил, называя хулиганом и трусом. Дети гнали его и бросали вслед комья грязи. Когда это им надоело, они просто перестали обращать на него внимание. Луку и прежде недолюбливали: он был раздражительный, неуклюжий и некрасивый. Но, несмотря на это, он все же не отставал от других ребят и присоединялся к их играм. Теперь же ему приходилось привыкать к ужасному, подавляющему одиночеству. Никто не хотел с ним играть. В школе он оказался за партой один, хотя все остальные сидели парами. А малыши и вовсе избегали его. Они прятались, едва завидев Луку, так как мамы велели им остерегаться его.

— Он жестокий хулиган. Он может сделать с тобой что угодно, как с Даником Бурни, — говорили ма-

тери своим детям, и те смотрели на Луку, как на какого-то людоеда. Они разбегались в разные стороны, едва тот хотел приблизиться к ним.

В деревенском магазине его обслуживали молча. Молочник никогда не задерживался с ним дольше необходимого, а булочница не дарила ему печенья, как другим детям. Хотя никто и не обращался с ним грубо, но все старались не замечать его. Сам же Лука был слишком подавлен, чтобы попытаться как-то преодолеть их неприязнь. Он ушел в себя и погрузился в мир своего одиночества.

Он один шел в школу, один возвращался домой, один шел в магазин и на улице он также играл один. Его характер просто не позволял ему присоединиться к другим. Он постоянно видел враждебность на лицах окружающих его людей и внушил себе, что все только и думают об искалеченном Данике. Постепенно он привык всех сторониться, начиная от старого молочника и кончая самым маленьким ребенком: он боялся их насмешек и издевательств.

Сам Лука часто думал о Данике. Эти мысли не давали ему покоя. Ему очень хотелось узнать у Аниты, что же сказал врач. Но Анита даже не смотрела в его сторону и не разговаривала с ним. Сам же спросить ее он не осмеливался.

Домашние Луки заметили, что он стал молчаливее, но усерднее в работе. Лука понял, что только в работе он может забыть об одиночестве. И вот из прежнего лентяя он превратился в труженика. Мать не могла нахвалиться им, сестра стала вежливее. Она сама была очень трудолюбивой девушкой, и леность брата всегда до крайности раздражала ее.

Но существовало только одно место, где Лука чувствовал себя счастливым, — лес. Высокие деревья как будто заключали его в свои объятия и вытесняли из его души тоску одиночества. Лука приходил сюда, как только находил немного свободного времени, чтобы заняться любимым делом: он вырезал из дерева фигурки, забывая при этом обо всем на свете. Радость и счастье переполняли его. Покой и красота леса утешали и успокаивали. Вокруг было празднично и светло. Маленькие шишки на соснах выглядели как отполированные, а листочки на деревьях были такими нежными и прозрачными, что казалось, будто они пропускают свет. И сидящий под сенью деревьев Лука чувствовал ласковые лучи солнца на своих волосах и без усталости двигающихся руках.

* * *

Высоко в горах, среди стройных сосен, стоял одинокий маленький домик. В нем жил один старый человек. Он жил там в полном одиночестве, которое делили с ним лишь коза, кошка да несколько кур, и никто уже не помнил, когда он там поселился. Это был немного странный старик. В деревне сторонились и боялись его. Когда он изредка спускался в селение, чтобы купить продуктов, дети разбегались по дворам.

Все называли его горным стариком. Одни говорили, что он просто скряга, вторые — что он прячется там, наверху, от полиции, третьи считали глупцом и чудаком. Как бы то ни было, никто еще ни разу не был в его хижине, и никто не ходил по тропинке, идущей мимо его дома.

Как-то Лука забрел в лес дальше, чем обычно, и, присев на пенек, весь погрузился в работу. Из небольшого куска дерева он вырезал белочку, держащую в передних лапках орешек. Внезапно он услышал над собой чье-то тяжелое дыхание и, быстро подняв голову, увидел горного старика. Какой у него страшный вид! Огромная седая борода покрывала грудь, а большой крючковатый нос придавал ему сходство со злой птицей, высматривающей добычу. Однако когда напуганный Лука осмелился взглянуть на старика еще раз, он встретился с его добрыми, ясными и полными неподдельного интереса глазами. Лука просто не смог убежать от него. К тому же из-за собственного одиночества он теперь меньше боялся этого странного человека. Старик, может, и был немного злым, но, по крайней мере, он ничего не знал о Луке. Поэтому мальчик осмелел и просто сказал:

— Здравствуйте, господин.

Он произнес эти слова спокойно и смело и теперь, затаив дыхание, ожидал, что произойдет дальше.

Старик протянул руку и взял у мальчика выстроганную белочку. Он долго вертел ее в руках, разглядывая со всех сторон, затем басовитым голосом проговорил:

— Для своего возраста ты отлично вырезаешь. Кто твой учитель?

— У меня нет учителя, господин, — ответил Лука. — Я сам выучился.

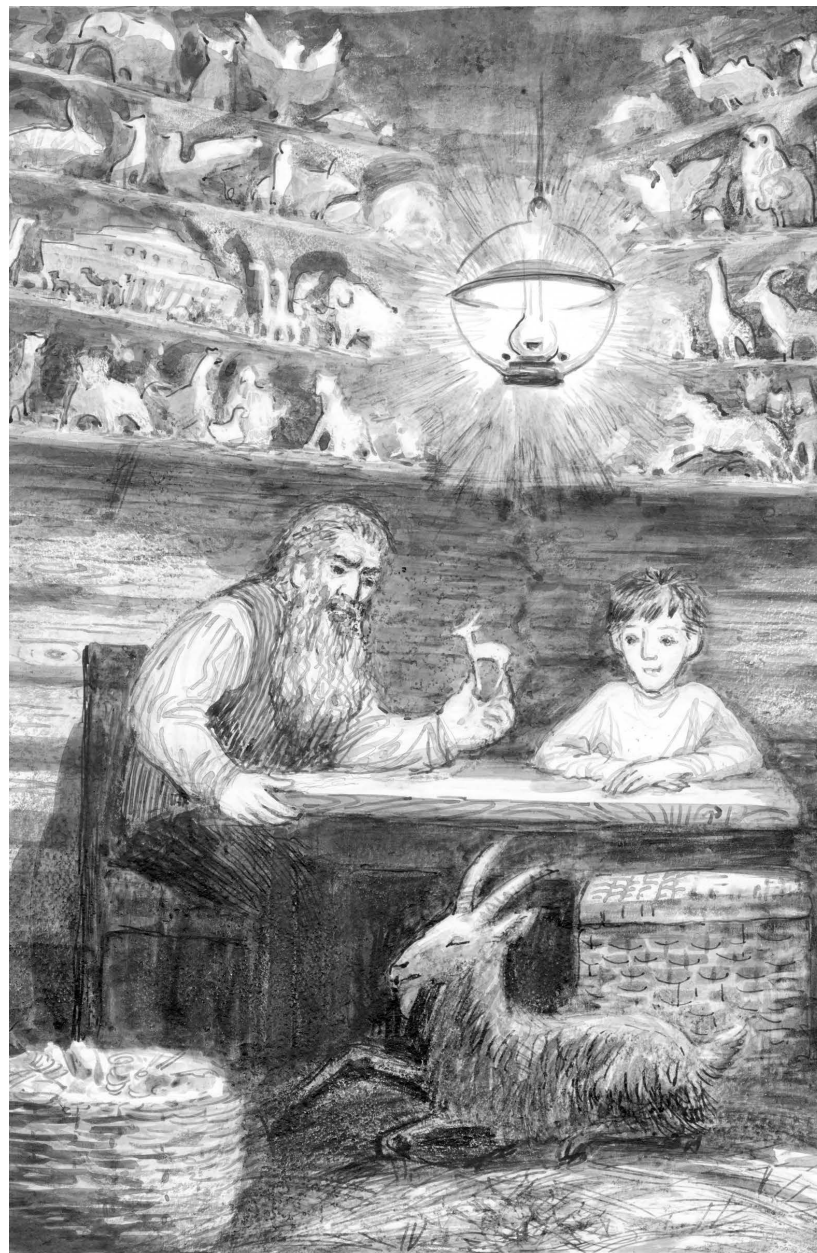
— Тогда ты хороший мастер и заслуживаешь настоящих инструментов. Еще немного практики — и ты сможешь начать зарабатывать на этом. Твоя белочка выглядит как живая.

— У меня нет инструментов, господин. И нет денег, чтобы купить их.

В ответ старик жестом пригласил его следовать за собой. Лука, как во сне, поднялся и пошел за ним. Некоторое время они молча взбирались, пока не добрались до опушки леса, где стоял небольшой домик. Рядом с ним была лишь небольшая пристройка для кур. Коза вместе со стариком жила на кухне, там же обитала и кошка. Спал старик на матрасе, брошенном в углу.

Лука огляделся вокруг. Кухня и комната были очень бедно обставлены. Кроме печки на кухне стояли только стол и стул. Тут же находились доильное ведро, корыто и сырный пресс. На всех стенах — повыше, чтобы коза не могла достать, — были прибиты полки. Там Лука увидел множество вырезанных из дерева фигурок. Одни были очень красивы, другие выглядели немного чудно. Но видно было, что все они сделаны настоящим мастером. Медведи, коровы, овцы, козы, собаки, белки... Отдельно разместились маленькие человеческие фигурки: мужчины и женщины, карлики и танцующие дети. Имелись тут и шкатулки с вырезанными на крышках альпийскими цветами, и деревянные тарелки с венками из колосьев. Но лучше всего был Ноев ковчег с вереницей малюсеньких животных, поднимающихся в него. Лука просто глаз не мог от него оторвать. Он бы смотрел, и смотрел, и смотрел...

— Это мое увлечение, — сказал старик. — Оно помогает мне коротать длинные зимние вечера. Послушай, парень, если ты будешь приходить ко мне иногда, я научу тебя пользоваться резцом.

Лука изумленно взглянул на старика. Лицо мальчика засветилось радостью и уже не казалось некрасивым.

— Дедушка, вы говорили, что вскоре я смогу даже что-то зарабатывать? — спросил он немного смущенно.

— Со временем — конечно, — ответил старик. — У меня есть один знакомый, который продает резные фигурки по хорошей цене. Ему я и отдаю свои. Но к некоторым я очень привыкаю за время работы и оставляю их себе. Мой знакомый может заодно брать и твои поделки. Моими инструментами ты будешь вырезать намного лучше и быстрее, чем ножом.

Лука поверить не мог, что это происходит с ним. Его сердце ликовало и было преисполнено благодарности. Здесь, далеко в горах, нашелся кто-то, кого ему, Луке, не нужно бояться и кто не думал о нем плохо! Мальчик схватил старика за руку:

— О, спасибо вам, господин, — громко воскликнул он. — Вы так добры ко мне!

— Не за что благодарить, — ответил старик. — Я одинок, у меня нет друзей — мы можем работать вместе.

— Я тоже одинок, — просто сказал Лука, — у меня тоже нет друзей.

Новые мысли и желания наполняли теперь Луку. Но среди них было одно самое заветное, самое важное: он сделает Ноев ковчег для Даника, такой же, как у старика, со множеством фигурок — львами, слонами, верблюдами, коровами и овцами. Еще он вырежет из дерева Ноя и его жену. Когда ковчег будет готов, он пойдет к дому Бурни и отдаст его Данику. Ведь никто

еще не дарил Данику подарка лучше! А потом, может быть, они разрешат ему немножко поиграть с Даником, хотя бы чуть-чуть.

От этой мысли сердце Луки учащенно забилося. Целых два часа он был совершенно счастлив. Его счастье продолжалось до тех пор, пока он не вышел из леса и не увидел свою деревню. Завтра ему снова нужно идти в школу, завтра он снова будет одиноким и отвергнутым. Но зато сегодня!.. Сегодня он провел время с другом!

Глава 11

ЗАВОЕВАНИЕ ЛЮБВИ

Теперь три раза в неделю Лука взбирался по горной тропинке через сосновый лес к дому старика и трудился над своим ковчегом. Это было просто замечательно — пользоваться хорошими инструментами с острыми лезвиями и крючками. Работа шла намного быстрее и легче, чем раньше, когда Лука имел только старый перочинный ножик. Старик удивлялся природному дарованию мальчика.

Когда ковчег был готов, Лука принялся вырезать фигурки животных. Количество их все увеличивалось.

Пока Лука работал над ковчегом, ему в голову неожиданно пришла одна хорошая мысль. Директор школы устроил конкурс для детей. Девочкам он предложил связать какую-нибудь вещицу или сплести кружево, а мальчикам — принести что-либо, вырезанное из дерева. Многие ребята в свободное время строгают куски дерева, и у некоторых получалось довольно ловко.

— Ни у кого нет такого таланта, как у меня, — шептал про себя Лука, шагая домой от горного ста-

рика. — Я получу первый приз. Тогда все узнают, на что я способен, хотя я плохо учусь и никто не хочет со мной играть.

Лука даже запел от радости. Он уже видел себя выходящим вперед, чтобы получить первый приз, — на удивление всей школе. Может быть, тогда они изменят свое отношение к нему? Он вырежет скачущего коня с развевающейся гривой, поднятым хвостом и раздувающимися ноздрями — он видел такого у горного старика и мог любоваться им бесконечно. Лука вообще любил лошадей. Ноев ковчег скоро будет закончен, и он сразу приступит к работе над конем.

На следующий день он побежал наверх, к старику, чтобы поделиться с ним своей идеей. Старик одобрил его замысел и был уверен в успехе Луки точно так же, как и сам Лука.

— Но почему ты хочешь вырезать коня? — спросил он. — Ты можешь выставить Ноев ковчег. Он сделан отлично.

Лука покачал головой.

— Это подарок, — решительно сказал он.

— Подарок? Кому? Маленькому братишке?

— Нет, одному малышу, который повредил ногу и теперь не может ходить.

— Правда? Как это произошло?

— Он упал в ущелье.

— Бедный малыш! Как же так получилось?

Лука ответил не сразу. Ему хотелось рассказать старику всю правду, потому что он подружился с ним и старик всегда был так добр к нему. Лука взглянул на него и наконец промолвил:

— Это моя вина. Я бросил его котенка с обрыва, а он хотел достать его.

Лука тут же пожалел о своей откровенности. Лучше бы он откусил себе язык! Теперь старик возненавидит его и прогонит прочь, как и все остальные. Но старик этого не сделал. Наоборот, он ласково погладил мальчика по голове и тихо сказал:

— Так вот почему у тебя нет друзей!

— Да, — вздохнул Лука.

— Теперь ты хочешь загладить вину перед ним этим Ноевым ковчегом?

— Да.

— Ты задумал хорошее дело. Завоевать чью-либо любовь — тяжелая работа. Но не унывай. Завоеванная любовь приносит больше счастья, чем полученная даром.

— Я не совсем понял вас, — растерянно отозвался Лука.

— Я хочу сказать, — пояснил старик, — что если ты будешь стараться проявлять свою любовь к тем, кто не любит тебя, ты часто будешь сталкиваться с враждебностью и испытывать разочарование. Но если ты сможешь продолжать любить их, то найдешь счастье в этой любви, — неважно, станут ли они платить тебе в ответ любовью или нет. Тебя может удивить, что я, одинокий и, казалось бы, никого не любящий старик, говорю такие слова. Все правильно. Однако я глубоко верю в сказанное.

В тот же вечер Ноев ковчег был закончен, и Лука напрямик направился к дому Бурни. Сердце его билось учащенно. Подойдя к дому, Лука в нерешительности спрятался за дерево. Что же он должен сказать?

С чего начать? Если бы ему удалось увидеть Даника одного, было бы проще. Но с ним всегда Анита. Конечно, они простят его, как только увидят Ноев ковчег. О, если бы они только простили его — он готов искупать свою вину перед ними до конца жизни!

Охватываемый то страхом, то надеждой Лука вышел из-за дерева и зашагал к дому. Кровать Даника уже занесли внутрь. Анита сидела на веранде одна и зашивала отцовский пиджак.

Лука судорожно глотнул воздух, медленно поднялся по ступенькам и протянул девочке Ноев ковчег.

— Это... для Даника, — глухим голосом проговорил он.

Остальные слова застряли у него в горле. Он стоял, опустив голову и ожидая, что произойдет дальше.

Анита машинально взяла из его рук Ноев ковчег. Затем ее лицо побелело от ярости.

— Ты еще имеешь наглость приходить сюда?! — закричала она. — Ты еще делаешь Данику подарки?! Немедленно убирайся отсюда и не смей больше никогда ступать на этот порог!

Выкрикнув это, она изо всех сил швырнула Ноев ковчег на кучу дров возле веранды. Маленькие деревянные фигурки разлетелись между бревен.

Растерявшийся Лука в ужасе смотрел на нее какое-то время. Затем он повернулся и, спотыкаясь, стал спускаться с крыльца. Все его старания оказались напрасны — его никогда не простят. Все это было пустой тратой времени.

Но вдруг слова старика всплыли в его памяти, словно маленький лучик света. Они осветили его убитое горем сердце. «Те, кто не сдаются, находят намного

больше счастья в завоеванной любви, чем в полученной даром». А вдруг это неправда? Он ведь не испытывал сейчас никакого счастья. По крайней мере, он был счастлив, когда делал ковчег и представлял, как Даник обрадуется ему. Может быть, если он не сдается сейчас, а с упорством и любовью продолжит свою работу, однажды кто-нибудь оценит ее по достоинству и полюбит его за это? Он не знал, что ожидает его впереди, но отчаиваться не стал. Пока еще рано.

Глава 12

НА ПАСТБИЦЕ

Заметных улучшений в состоянии ноги Даника не было. Несколько раз для осмотра приезжал врач, но вид у него оставался угрюмым и загадочным.

Когда же в полях зацвели нарциссы и фермеры заговорили о том, что пора перегонять коров в горы, Даника положили в больницу и сняли гипс. Только тогда врач сообщил его отцу страшную новость, которую не решился сказать в самом начале: Даник не сможет ходить нормально. Поврежденная нога была заметно короче здоровой. В подавленном настроении господин Бурни вернулся домой. Он пошел к плотнику и заказал пару маленьких костылей. Затем отправился к сапожнику с ботинками Даника и попросил сделать подошву одного ботинка на три сантиметра толще другой. Обоих потрясло это известие, и они постарались скрасить горе бедного мальчика. Плотник, чтобы хоть как-то развеселить его, вырезал на костылях медвежьей головы, а сапожник вернул ботинки, наполненные шоколадными конфетами. Их старания увенчались успехом: Даник смотрел на костыли

как на новую игрушку, ему страшно хотелось их испробовать.

День или два он прыгал вокруг дома, как кузнецик. Но потом услышал, что скоро отец погонит коров на пастбище, высоко в горы. При этом известии Даник сел и заплакал. До его сознания вдруг дошло, что даже на своих «медвежьих» костылях он больше не сможет отправиться в горы вместе с отцом. Даник редко жаловался и плакал, но если уж плакал, то от души.

Анита, отец и бабушка бросились успокаивать его, обнимая и целуя. Кошка, не любившая шума, выгнула спину и зашипела. Когда все наконец поняли причину горя Даника, каждый по-своему начал утешать его и высказывать разные предложения. В конце концов решили, что на маленькой тележке мальчика доставят на базарную площадь, чтобы он смог увидеть сбор коров. Затем на ослиной упряжке он поедет за стадом в горы, проведет там ночь и вернется домой на следующий день. Анита отправится вместе с ним, а бабушка и кошка останутся сторожить дом.

И вот заветный день наступил. Даник проснулся рано, предвкушая чудесные события. Представив все в подробностях, он даже попытался запеть псалом, но плохо помнил слова. Тогда он схватил котенка, затащил к себе под одеяло и начал рассказывать ему о том, что их сегодня ожидает. Но Белоснежку это не интересовало. Она вырвалась из объятий Даника и убежала во двор.

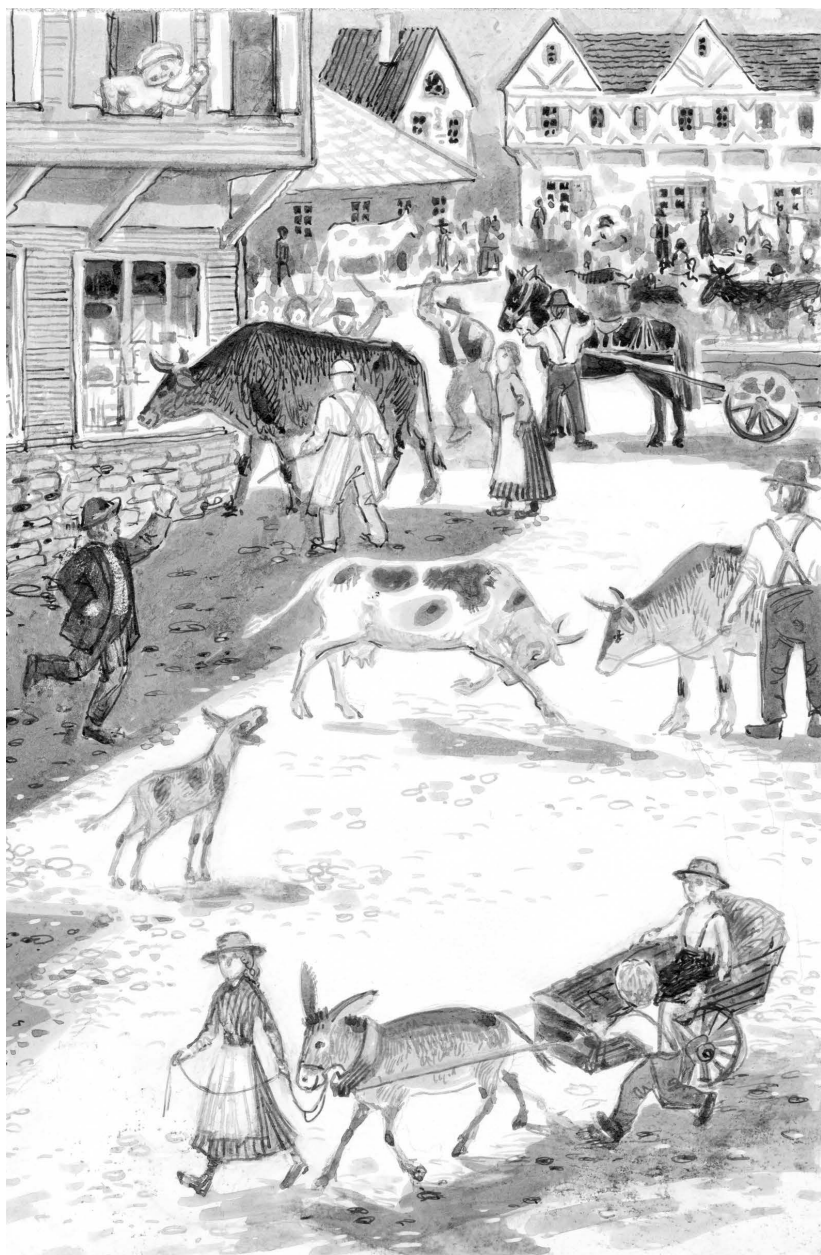
Час спустя Даник лежал в тележке, которую Анита катила вниз, в деревню. Вернее, она изо всех

сил сдерживала ее — дорога круто спускалась вниз. Поля с обеих сторон представляли собой сплошной благоухающий ковер из разных цветов. Кое-где выделялись ярко-желтые пятна купальниц. Запах цветов был настолько сильным, что Даник чуть не заснул еще прежде, чем они подъехали к первым домам.

Уже при въезде в деревню они слышали мычание коров, крики мужчин, смех и визг детей. Когда Анита и Даник добрались до базарной площади, перед ними открылась картина полной неразберихи. Вся площадь была заполнена коровами и телятами. На шее каждого животного висел колокольчик. Коровы трясли головами, и по всей округе разносился звон множества колокольчиков. Прямо у входа в магазин мужчины столпились около упрямого быка, пытаясь криками отогнать его: быку хотелось просунуть свои рога в витрину. Между коровами носились дети. День этот был большим праздником для них — ведь в школе даже отменили занятия.

В Швейцарии коров на все лето выгоняют в горы, а в долинах для них заготавливают сено на зиму. Мужчины уходят вместе со стадами и живут там, а женщины и дети остаются дома. В день, когда перегоняют коров, все стадо собирают в центре деревни. Детям разрешается сопровождать своих коров и провести в горах ночь.

Приезд Даника произвел настоящий фурор. Не считая путешествия в больницу, это было его первое появление в деревне после несчастного случая. Детям непременно нужно было повозить его тележку — и удивительно, как еще они не опрокинули мальчика на каменную мостовую. Женщинам хотелось приласкать

бедного малыша. Самого же Даника интересовали исключительно коровы, только вот стоявшие вокруг люди мешали ему наблюдать за ними. Он даже выставил вперед руки, пытаясь растолкать толпу.

Время шло, и вскоре процессия должна была тронуться в путь. Фермеры вывели из стада ведущих коров. У каждого семейства были свои ведущие — колокольчик у них на шее был самым большим. Другие животные, с колокольчиками поменьше, следовали за ними. Господин Бурни вывел свою ведущую корову, за ней последовали остальные. Ведущей у Бурни была большая корова Буренушка, желтовато-коричневая с белыми пятнами. За ней шел теленок с розовым носом и еще не окрепшими ногами. Теленка звали Наполеоном.

Господин Бурни подошел к коляске Даника.

— Упряжка готова, — сказал он Аните. — Она стоит за углом, у сапожника. Посади Даника на нее, а деревянную тележку оставь на углу у школы. Нам уже нужно трогаться. Я пойду вперед, а вы с Даником догоните меня.

Он двинулся вперед. Вереница детей бежала за ним. Дети очень любили господина Бурни. Анита на упряжке вскоре присоединилась к шествию. Сидя впереди, она держала вожжи и щелкала языком, а позади нее Даник поглаживал свои костыли (он с гордостью продемонстрировал их друзьям) и кричал во весь голос бежавшей за ним толпе ребятшек. Эту поездку в горы Даник запомнил навсегда.

Стояло свежее бодрящее утро. Небо было ясное и синее, дул легкий ветерок. Они миновали поля и вошли в лес, нарушив его тишину звоном множества

колокольчиков. Коровы брели по лесной тропинке, усыпанной сосновыми иглами. Вскоре теленок начал отставать от стада. Даник перегнулся через край телеги и, схватив теленка за ошейник, потянул его вперед. Отец оглянулся и улыбнулся.

— Этот малыш уже устал, — заметил он, — мы лучше его посадим к тебе в телегу.

Он поднял шатающегося теленка на телегу, а Даник обнял его за шею своими ручонками и, абсолютно счастливый, затих.

Это был очень красивый теленок с кроткими глазами и несколькими кудряшками на лбу. Так они и сидели вместе всю дорогу, глядя на лес и вдыхая ароматы цветов, сосен и елей.

Спустя некоторое время процессия свернула с лесной тропинки и вышла на опушку. Отсюда уже виднелось их летнее жилище. К маленькому деревянному коровнику была пристроена жилая комната. Всюду росли нарциссы. Само место словно располагало к тому, чтобы поселиться здесь. Рядом с коровником стояло большое деревянное корыто, в которое из трубы стекала вода. Коровы сразу же направились к нему и долго и жадно пили.

В комнатухе было сыро и холодно, ведь всю зиму она находилась под снегом. Они затопили печку (дрова привезли с собой). Анита открыла ставни, и горячие лучи солнца залили сырую и темную комнату.

Подшло время дойки. Коровы одна за другой заходили в коровник. Затем приготовили ужин. Папа и Анита сели на табуретки, а Даника усадили на коврик на полу, чтобы ему было удобнее. Они ели хлеб, копченую колбасу и сыр, пили кофе из больших де-

ревянных кружек. Все ужинали молча, разморенные ярким горным солнцем и дурманящими запахами весеннего леса. Съев последний кусок, Даник с трудом поднялся на ноги и протянул руки к отцу.

— Хочешь спать? — спросил отец, беря его на колени.

— Нет, — твердо ответил Даник, — я хочу, чтобы ты отнес меня на вершину горы.

Господин Бурни растерянно посмотрел на сына. До вершины добрых полчаса крутого подъема, а Даник — увесистая ноша. Но отцу всегда было трудно отказывать в чем-либо своему маленькому сынишке. Страхнув усталость, он посадил мальчика на плечи и вышел из комнатки. Анита последовала за ними, держа в руках пальто Даника.

Склон горы был усыпан редкими красивыми цветами. Анита бросилась собирать их. Господин Бурни молча шагал вперед — одышка мешала ему говорить. Только добравшись до цели, он опустил Даника на землю и перевел дух. Все трое молчали, очарованные разлитой вокруг красотой. Куда бы они ни взглянули, всюду поднимались снежные вершины, озаренные заходящим солнцем.

Лиловые сумерки все больше сгущались над долиной, а островерхие макушки гор жадно ловили последние лучи солнца — они словно купались в багровом свете. Ребенок, никогда не видевший подобного зрелища, мог подумать, что Альпы горят. Но Даник, привыкший к этой картине, лишь восхищенно вздыхал. Пока они так сидели, солнце спустилось ниже и вскоре совсем исчезло за лесом. Теперь были видны лишь холодные синеватые склоны, покрытые снегом.

На небе показались первые звездочки. Вскоре из-за гор выплывет луна, и тогда вершины заискрятся серебряным светом.

Анита вздохнула и встала. Она не любила этот вечерний холодный сумрак, когда последний луч света и тепла исчезал за горами. Приход сумерек всегда навевал на нее печаль, в такие моменты она чувствовала себя очень одиноко. Ей казалось, будто она теряет что-то очень красивое, теряет навсегда — чувство, похожее на то, которое Анита испытала в ту ночь, когда ее разбудили и сказали, что мама умерла. Как хорошо было снова вернуться в домик и увидеть веселый свет огня в камине! Усесться возле тлеющих поленьев и закрыться от ночи...

Дверь, которая вела из комнатки в коровник, не закрывали. Вдруг к троим сидящим у огня вышел теленок и улегся на полу возле Даника.

— Я хочу спать с теленком, — решительно сказал Даник.

— Нет, Даник, — воспротивилась Анита, — ты нахвататься от него блох.

— Ну, если у Наполеона есть блохи, я должен был нахвататься их еще в телеге, — рассудительно ответил Даник. — Пожалуйста, папа, я очень хочу спать с Наполеоном!

За коровником над горами показалась луна и залила все серебряным светом.

Глава 13

ЗЛАЯ ВЫХОДКА

Лука не пошел в горы вместе со всеми, потому что у них было только три коровы, и они отправляли их с другими стадами. До начала сенокоса у него было много свободного времени, и часто после школы он забегал к старику. Конь был почти готов — отличная работа для мальчика его лет. Это была самая красивая из всех вырезанных им фигурок. У коня была развевающаяся грива, а копыта, казалось, вообще не касались земли. Глядя на него, невольно представлялась живая красота несущейся вскачь лошади.

Лука долго наблюдал за лошадьми, обращая внимание на каждый мускул при их движении. У него в запасе было много времени — конкурс назначили только на конец летних каникул. Но дети уже начали строить догадки о его результатах. Большинство склонялось к тому, что победа достанется Мику, сыну молочника. Он вырезал из дерева двух медвежат, забирающихся на ствол. Мальчик очень старался, и поделка и в самом деле получилась красивой. Но Лука в глубине души считал, что медвежат этих легко принять

за собак или каких-нибудь других животных. Он рассматривал фигурку молча, в то время как другие ребята громко выражали свое восхищение.

«Вот мой конь — это настоящий конь, — думал Лука. — Его вряд ли спутаешь с чем-нибудь другим».

Никто из ребят и не предполагал, что Лука может выиграть, так как никто ничего не знал о его коне. Сам же он не решался рассказать о своих планах — слишком боялся высокомерных взглядов и неодобрительных отзывов. Теперь, глядя на Микиных медвежат, он был уверен в своей победе. Конечно же, его конь лучше. Лука уже видел себя выходящим вперед, за призом. Все взоры — восхищенные и изумленные — будут обращены на него, а потом всем захочется взглянуть на его коня. И кто знает, вдруг после этого его полюбят.

У девчонок было больше разговоров по поводу призов. Мария, чьи родители работали в магазине, связала красивые кружева. Она умела вязать их с пяти лет. Мать Жаклин была швеей и тоже обучила свою дочку рукоделию. Анита искусно вязала. Бабушка научила ее этому, когда девочка не ходила в школу. Она сидела тогда на своем маленьком стульчике и, наблюдая за Даником, старательно училась вывязывать разные узоры. Бабушка устраивалась рядом в кресле и всегда была готова дать совет. Анита решила сдать на конкурс синий свитер, который она вязала для Даника. Он будет носить его по воскресеньям и в праздники. На свитере должен будет красоваться яркий узор в виде альпийских цветов. Хотя она еще не закончила, даже сейчас свитер выглядел замечательно. Все хвалили ее, когда она работала над ним на школьных переменах.

— Я думаю, ты получишь главный приз, Анита, — говорили ей подружки. — Вывязывать узоры на свитере намного труднее, чем плести кружева, как Мария. С этим каждый согласится.

Самой Аните также очень хотелось получить первый приз. Она не теряла надежды, что выиграт его. Это хоть немного скрасит ее плохие отметки по арифметике. А как довольны будут бабушка, папа и Даник! Все тогда станут гордиться ею.

Однако у Аниты не было столько свободного времени, как у Луки. А тут еще началась заготовка сена, и все дети вместе со взрослыми с утра до вечера работали в поле.

Сосед, у которого были взрослые сыновья, согласился пойти в горы и посмотреть за коровами господина Бурни, чтобы тот мог спуститься в долину и скосить сено на своих участках. А скосив свое сено, господин Бурни всегда шел на участок госпожи Марель. Она была вдовой, а Лука еще слишком мал, чтобы держать в руках косу. Трактор не мог проехать по крутым холмам, поэтому работать приходилось только косой.

Мужчины-косари шли впереди, а за ними — женщины и дети с деревянными граблями, аккуратно разбрасывая скошенную траву. У маленьких детей были небольшие грабли — все, кто умел ходить, считались уже достаточно взрослыми, чтобы помогать на сенокосе родителям.

Отец с Анитой работали не покладая рук. У них было много покосов, а нанять кого-то они не могли себе позволить. Они вставали с восходом солнца, когда роса еще блестела на траве и цветах, а петухи только

начинали петь в долине. Несколько часов спустя бабушка и Даник присоединялись к ним. Бабушка работала медленно и часто отдыхала. А Даник вообще не работал, потому что невозможно было одновременно держать в руках грабли и костыли. Он прыгал, как кенгуру, по прокосам и прятался в копнах сена, а когда уставал, ложился на спину под теплыми лучами солнышка и засыпал под песни косарей.

Обычно господин Бурни косил сначала свои луга, а затем переходил на луга семьи Марель, пока его семья переворачивала скошенную траву. В этом году госпожа Марель немного побаивалась, как бы в отместку за несчастный случай он не отказался косить их участок. Но тревоги ее оказались напрасными. Проснувшись однажды утром, она увидела в окно, как господин Бурни усердно трудится на их участке.

— Лука, вставай скорей, — закричала она, — господин Бурни уже косит наш участок. Бери грабли и начинай раскидывать траву.

Лука сонно поплелся в поле. Не глядя на господина Бурни, он пожелал ему доброго утра. Ему не хотелось работать вместе с отцом Даника и Аниты, поэтому он старался все время находиться подальше от него. Сам господин Бурни тоже не особо желал с ним общаться. Одно дело — косить луг своих соседей, и совсем другое — разговаривать с мальчишкой, который искалечил его маленького сына. В полдень пришла Анита и принесла отцу поесть. Она также не обратила на Луку никакого внимания.

Целых три дня работал господин Бурни на лугах семьи Марель. А на третий день у детей кончились каникулы. Лука с сестрой и матерью неустанно тру-

дились, собирая сено в копны и стараясь успеть сделать все до того, как начнутся занятия в школе.

В этот последний день они все были на лугу, когда Анита, как обычно, принесла отцу обед. Она очень спешила — ведь уже завтра дети должны представить свои работы на конкурс, а свитер еще не закончен!

«Интересно, заработаю ли я первый приз? — думала она по дороге домой. — Я так хочу получить его! Но если даже и не получу, все равно у Даника будет красивый новый свитер».

Луг находился за домом семьи Марель, и, возвращаясь, Анита проходила мимо их крыльца. День был очень жаркий, и ей хотелось пить. Дверь, ведущая от маленького крыльца на кухню, была приоткрыта.

«Я только войду в кухню и попью немного воды из крана», — думала она, поднимаясь по ступенькам на крыльцо.

В таком поступке не было ничего предосудительного. До несчастного случая с Даником Анита часто забегала в кухню семьи Марель, как в свою. Она поднялась на крыльцо и вдруг замерла от удивления. Ее взгляд словно прирос к стоящему на верхней площадке столу. Он весь был засыпан стружками, среди которых лежали инструменты для резьбы по дереву, а посередине... Среди стружек стояла великолепная фигурка коня с развевающейся гривой и изящными ногами. Анита целых пять минут не могла оторвать глаз от прекрасного зрелища.

«Этого коня Лука, конечно же, принесет завтра на конкурс. И подумать только, хитрец даже не сказал никому, что он что-то готовит. Никто из ребят даже не догадывается о его умении вырезать из дерева». Конь

был великолепен. Несмотря на враждебность к Луке, Анита вынуждена была это признать. Если Лука завтра принесет его на конкурс, он обязательно получит главный приз — с его работой ничто не могло сравниться. А если он выигрывает главный приз, все начнут восхищаться его поделкой, и, вполне вероятно, даже больше — восхищаться самим Лукой. А потом и вовсе позабудут, как он искалечил Даника. Если Лука завоюет первое место, он будет сиять от счастья: выйдет за призом вперед, высоко подняв голову. Видеть Луку счастливым... Нет, такого Анита не вынесет. Почему он должен быть счастливым? Он заслужил, чтобы никогда больше не видеть счастья. Он не имеет права быть счастливым! И уж она-то позаботится об этом.

Она пришла сюда как раз вовремя. Стол и перила крыльца были на одной высоте. Ветер гулял среди стружек. Сильный порыв ветра запросто может опрокинуть коня через перила на землю. Никто ничего даже и не заподозрит, если найдет его разбитым и втоптаным в грязь. Анита быстро протянула руку и толкнула коня. С легким стуком он упал вниз на камни. Анита быстро сбежала по ступенькам вниз и принялась топтать его ногами. Ведь всякий мог наступить на то, что ветер сбросил через перила крыльца.

Итак, конь Луки лежал теперь на земле, растоптанный и разломанный. Анита медленно побрела домой. Ей вдруг показалось, что свет померк, и весь окружающий мир уже не казался таким прекрасным, как раньше. Анита удивилась: отчего бы это? На небе ни одна тучка не заслоняла солнце.

Когда она подошла к своему дому, ей навстречу с громким и радостным криком выбежал Даник. Видно, произошло что-то очень хорошее. Если бы он был здоровым ребенком, то бросился бы к сестре вприпрыжку. Но он лишь старательно заковылял ей навстречу, делая большие шаги на своих костылях.

— Анита, Анита! — закричал он, искрясь радостью. — На нашей куче дров были какие-то волшебники. Я строил домик за бревнами и нашел там маленького слона с хоботом, зайчика с длинными ушами, несколько коров, коз, тигров и даже одного жирафа с очень длинной шеей. Пойдем, я покажу тебе! Они все такие красивые, и никто, кроме волшебников, не мог положить их туда! Правда?

— Я не знаю, — ответила Анита.

В ее голосе звучала досада. Даник с удивлением посмотрел на нее — она совершенно не выразила восторга. Для него же это происшествие было таким же прекрасным, как и то, рождественское, когда он нашел в своем башмачке белого котенка.

Даник не сомневался, что когда Анита увидит этих замечательных животных, она тоже обрадуется. Он потянул ее к куче дров и исчез за ней. Вскоре он появился с дощечкой в руках, на которой в ряд были расставлены деревянные фигурки. Даник взглянул

на сестру, но, к своему огромному разочарованию, не увидел на лице Аниты ни удивления, ни восторга.

— Я думаю, какой-нибудь мальчишка бросил их сюда, Даник, — сказала она наконец раздраженно. — Не настолько уж они и хороши, чтобы из-за них поднимать такой шум!

Она резко повернулась и направилась к дому, ненавидя себя в этот момент. Как жестоко она поступила с Даником, испортив ему всю радость! Как она могла говорить с ним таким тоном? Что с ней случилось?

Анита знала: только что она совершила предательское, подлое дело. От одной только мысли о содеянном сердце ее сжималось и свет превращался в тьму. Вся радость и веселье исчезли. Нет, она никогда не освободится от этой мысли и никогда не забудет о совершенном! Девочка побежала наверх, в спальню, и, бросившись на постель, зарыдала.

Глава 14

РАССКАЗ СТАРИКА

Тем же вечером, окончив работу, Лука с легким сердцем прибежал с поля домой. Он хорошо поработал сегодня и очень устал. Но ведь дома его ждал конь! Завтра он отнесет его в школу, и все узнают, как он умеет вырезать по дереву. Он поднялся по ступенькам на крыльцо и в недоумении остановился: коня не было, на столе лежали только инструменты и стружки.

Мама пришла домой раньше его. Может быть, она занесла его в дом? Он стремительно вбежал на кухню.

— Мама, мама! — закричал он. — Куда ты дела моего коня?

Мать удивленно подняла голову от таза:

— Я не видела его, — ответила она. — Ты, наверное, сам куда-то переставил его.

От этих слов Лука побледнел, и сердце его тревожно сжалось.

— Я не переставлял его, я оставил его на столе. Я точно помню. Мама, где же он может быть? Помогите мне найти его.

Мать тут же оставила стирку и последовала за ним. Ей точно так же, как и Луке, хотелось, чтобы он выиграл первый приз. Они обыскали все углы, но напрасно.

Тут у госпожи Марель мелькнула догадка.

— Может быть, конь упал через перила крыльца? — сказала она. — Пойди поищи внизу.

Лука спустился с крыльца. Ему недолго пришлось искать. Внизу, в грязи, валялись обломки дерева, которые когда-то были его конем. Лука собрал их и понес к матери. Мать громко вскрикнула, увидев их. На ее крик из комнаты выбежала сестра. Обе в ужасе смотрели на поломанную фигурку, не в силах что-либо сказать.

— Это, наверное, кошка скинула его, — сказала наконец Мария. — Лука, мне так жаль! Нет ли у тебя чего-нибудь другого, что ты мог бы отнести на конкурс?

Мать же только воскликнула:

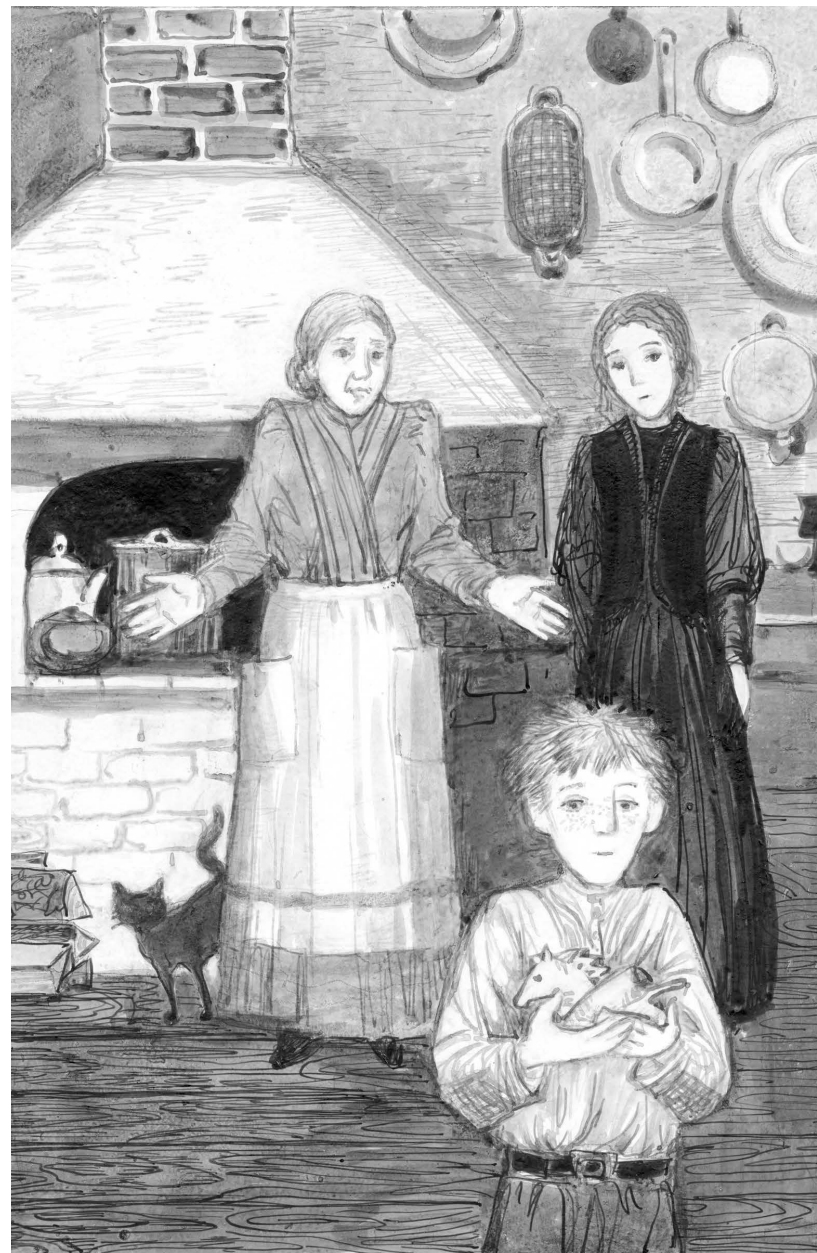
— О Лука!

Но голос, которым она это произнесла, говорил о многом.

Сам Лука не вымолвил ни слова. Он вошел в комнату и посмотрел на настенные часы.

— Я пошел на гору, — глухо сказал он, — вернуться к ужину.

Он сбежал по ступенькам крыльца и стремительно понесся по скошенным лугам. Мать с тревогой посмотрела ему вслед. Она смотрела до тех пор, пока он не исчез в лесу, затем вошла обратно в дом и тяжело склонилась над тазом. Несколько слезинок упало в воду.

— Не везет моему мальчику, — пробормотала она. — Сможет ли он вообще в чем-нибудь преуспеть?

Лука устало брел по лесу. Рыжие белочки весело прыгали с ветки на ветку и роняли сверху орешки. Но Лука ничего не замечал вокруг себя. Он думал только о своем разбитом коне. Он был горько разочарован. Кто-то другой теперь займет первое место, которого заслуживал только он. А его, как и раньше, все будут презирать и отталкивать от себя. У него никогда не будет больше такой возможности, чтобы показать, как хорошо он умеет вырезать по дереву. Никому он не будет нужен без главного приза.

Лука вышел на опушку. Отсюда, через верхушки деревьев, он мог видеть белые пики снежных гор. Они возвышались над более низкими горами, покрытыми зелеными деревьями.

«Вот бы убежать куда-нибудь! Убежать далеко, — думал Лука. — Начать бы жизнь сначала там, где никто не знает ни меня, ни того, что я сделал. Если бы я мог уйти в какую-нибудь другую долину! Там бы я больше не боялся людей, как здесь, в моей деревне».

Его глаза остановились на перевале, который лежал между двумя горами и вел к большому городу в другой долине. Там работала его сестра Мария. Перевал всегда привлекал его. Он казался ему дорогой в другой мир, далекий от всего знакомого и привычного. Но также он был местом, где не раз погибали отважные путешественники. Лука уже дважды сам пересекал перевал. Однако это было летом, когда ярко светило солнце и перевал весь был усыпан цветами.

Сейчас перевал озарялся последними лучами заходящего солнца. Луке он вдруг показался дверью из тюрьмы на свободу, через которую он должен пройти, чтобы найти облегчение в той стране, где заходит солнце. И через эту дверь он должен пройти один.

Лука увидел горного старика еще задолго до того, как тот заметил его. Старик сидел у двери, прислонившись к стене, и пристально смотрел на гору по ту сторону долины. Когда Лука подошел совсем близко, он заметил его и улыбнулся.

— А, — сказал он своим низким голосом, — это снова ты. Как твоя работа и когда ты получишь свой приз?

— Не видать мне никакого приза, — угрюмо отозвался Лука. — Мой конь разбит вдребезги. Я думаю, кошка столкнула его через перила крыльца, а потом кто-то наступил на него.

— Какая жалость! — сочувственно промолвил старик. — Но ведь ты можешь принести на конкурс что-нибудь другое. Как насчет косули, которую ты вырезал раньше? Это очень хорошая работа.

Лука толкнул ногой камень на дорожке.

— Я вырезал ее без настоящих инструментов. Все подумают, будто это моя лучшая работа. Нет, если я не могу показать коня, я ничего показывать не буду.

— Разве для тебя это имеет такое значение — что они будут думать о тебе? — удивился старик.

— Да, — пробормотал Лука.

— Почему?

Лука уставился в землю. Что он мог сказать? Но ведь старик был его другом, единственным другом на всем белом свете. Может быть, рассказать ему?

— Это очень важно. Потому что все дети ненавидят меня и считают глупым и никчемным мальчишкой. Вот если бы я получил приз и все увидели бы, что я могу вырезать по дереву лучше других, тогда, возможно, они полюбили бы меня.

— А вот и не полюбили бы, — просто ответил старик — За счет способностей, использованных в своих личных целях, ты никогда не приобретешь любви. Ты, может быть, завоеешь восхищение и зависть, но только не любовь. Если ты преследовал эту цель, то зря потратил время.

Лука все еще смотрел в землю. Но при этих словах он вдруг взглянул в глаза старика своими полными слез глазами и прошептал:

— Тогда вообще все напрасно. Нет для меня никакой возможности начать все сначала. Люди, наверное, никогда больше не полюбят меня.

— Если ты хочешь, чтобы все полюбили тебя, — уверенно начал старик, — ты должен помочь им в этом. Ты должен употребить свои способности только на то, чтобы любить других и служить им. Сразу это у тебя не получится. Быть может, понадобятся годы. Но ты должен настойчиво продолжать любить и служить.

Лука поднял голову и уставился на старика. На губах его замер невысказанный вопрос. Этот странный старик, который, казалось бы, так много знал о любви, почему он сам скрывался здесь, в горах, вдали от людей?

Старик как будто отгадал мысли мальчика. Может быть, морщинки на лбу Луки или его пристальный взгляд выдали его.

— Ты удивляешься, почему я говорю о любви и служении другим, а сам живу здесь один? — спросил старик. — Знаешь, ты вправе задать мне такой вопрос. Но это тоже длинная история.

— Вы угадали, — признался Лука. — Я подумал, что вам, должно быть, трудно любить людей и служить им. Живете совсем один и ни с кем, кроме меня, не разговариваете.

Несколько минут старик сидел молча, глядя на верхушки гор, окрашенные в золото заходящим солнцем. Затем он сказал:

— Я расскажу тебе свою историю. Но запомни, это тайна. Я еще никому не рассказывал ее. Однако ты доверился мне, и я хочу отплатить тебе тем же. Начну я издалека.

Я был у своих родителей единственным сыном, и мой отец не отказывал мне ни в чем. Конечно, я рос очень избалованным. Я был смышленным мальчишкой, но большим эгоистом. Став взрослым, я устроился на работу в банк. Работал усердно и быстро сделал карьеру. Потом я полюбил одну девушку, и мы поженились. Бог дал нам двух сыновей. Первые годы нашей семейной жизни я был хорошим мужем и отцом. Но потом познакомился с одной компанией... Эти люди играли в карты и много пили. Я восхищался ими и вскоре во всем последовал их примеру. Постепенно я тоже пристрастился к выпивке и начал тратить на нее все больше и больше денег, а кроме того — много проигрывать в карты. Чем дальше — тем хуже. Я все реже и реже ночевал дома, а когда приходил, почти всегда был пьян. Сыновья

стали меня бояться. Жена умоляла одуматься и молилась обо мне, но я уже не мог бросить такую жизнь. Пьянство крепко держало меня в своих когтях, и я не знал никакой силы, которая в состоянии была вырвать меня из этого омута. Мы уже не могли оплачивать все свои расходы, и люди перестали нам доверять.

Начальник банка дважды предупреждал меня. На третий раз, когда меня нашли на улице беспробудно пьяным, я был уволен. В тот день я пришел домой трезвым и сказал жене, что потерял работу. Она ответила: «Тогда мне придется пойти работать. Мы не можем без конца позорить своих сыновей».

Я пробовал найти другую работу. Но к этому времени все уже было обо мне наслышаны, и я нигде не мог устроиться. Я пытался выиграть деньги в карты, но мне никогда не везло. В конце концов я просто проиграл все, что имел. Моя жена успевала и работать, и смотреть за хозяйством и детьми, но ее заработка все равно не хватало на жизнь. Однажды она пришла домой и сказала, что мы задолжали большую сумму, а заплатить нечем. Мне тоже нужны были деньги: чтобы рассчитаться с карточными долгами и купить себе спиртного. Однако не зря же я работал в банке на высоком посту; я знал там все входы и выходы и однажды решился на кражу.

Мне удалось вынести много денег, но через некоторое время меня все-таки нашли и судили. Так как сумма была большая, а вернуть ее я не мог, приговор оказался суровым. Я получил длительный срок заключения. От горя и непосильной работы моя жена

серьезно заболела. Трижды она навещала меня в тюрьме и выглядела при этом усталой и бледной, как тень. Затем мой старший сын написал, что больше она приходить не сможет.

Несколько недель спустя меня отпустили домой попрощаться — она умирала. Мне сказали, что она умирает от чахотки, но я-то знал: она умирала от непосильного горя. Это я убил ее. Я провел возле постели жены целые сутки, держа ее за руку. Она говорила мне о любви и милосердии Бога, о прощении грехов. Я оставался с ней, пока ее сердце не перестало биться. Потом полицейские отвели меня обратно в тюрьму.

Что происходило дальше, я помню как во сне. Я был в отчаянии. У меня оставалось только одно утешение: когда-то я очень любил вырезать по дереву. И вот мне разрешили в свободное время пользоваться своими инструментами. Я становился все более и более искусным в этом ремесле. Один добрый надзиратель выносил мои фигурки и продавал их в городе. Таким образом я начал кое-что зарабатывать. И хотя это было совсем немного, я усердно копил — ведь когда-нибудь мне придется все начинать сначала.

День тот настал раньше, чем я думал. Меня вызвали к начальнику и сказали, что за хорошее поведение выпустят раньше — через три недели я буду свободным человеком. Я пошел назад в камеру, не зная, радоваться мне или печалиться. Хотя я, конечно, должен был радоваться, что вскоре выйду из тюрьмы. Но куда мне идти, как начать жить заново? Одно я решил твердо: мои сыновья больше никогда не увидят меня.

Пока я был в тюрьме, они жили у дедушки и бабушки и совсем отвыкли от меня. Я не сомневался, что они вырастут умными и порядочными людьми — будущность их была обеспечена. И не хотел портить им жизнь своей дурной славой. Для них я должен был перестать существовать.

Начальник тюрьмы предложил мне свою помощь, чтобы я мог начать новую жизнь. Но я не хотел, чтобы кто-нибудь знал обо мне, и отказался. День моего освобождения настал, я вышел из тюрьмы с небольшими сбережениями в кармане и первым же поездом приехал сюда, в горы. Я сошел с поезда в этой деревне, потому что увидел человека со стадом коров: коровы хотели пролезть на чье-то поле через сломанный забор. Я помог ему выгнать коров на дорогу и спросил, не найдется ли у него какой-нибудь работы для меня. У него не было необходимости в работниках, но он указал мне на гору. «Там, — сказал он мне, — живет один крестьянин, сын которого уехал учиться в город. Он очень нуждается в помощнике».

Я никогда не забуду тот день. Когда я подошел ко двору, крестьянин как раз рубил дрова перед домом. Я встал перед ним молча, уставший и голодный. Сердце мое болело от горя. Я сказал, что слышал, будто ему нужен пастух. Возьмет ли он меня на работу?

Он окинул меня взглядом с головы до ног. У него было открытое лицо и добрые глаза. «Ты не из нашей деревни, — проговорил он. — Откуда ты пришел и кто ты?» — «Я из Женевы», — ответил я. «Кем ты работаешь?» — «У меня нет работы». — «Чем же ты занимался до сих пор?»

Тут я хотел было придумать какую-нибудь красивую ложь, но человек тот так прямо смотрел на меня, у него было такое честное лицо, что ложь застряла у меня в горле. Я решил рассказать ему всю правду. «Я... я только что вышел из тюрьмы», — признался я. «За что же ты сидел в тюрьме?» — «За кражу денег». — «Откуда я могу знать, что ты не будешь воровать у меня?» — «Я хочу начать новую жизнь. Пожалуйста, поверьте мне. Если вы не поверите, я уйду».

Снова он осмотрел меня сверху донизу, затем протянул мне руку. Я сел на скамейку возле него и заплакал. Тюрьма ломает человека.

Я работал у него пять лет. Я не заводил друзей и никогда не брал отпуска. Единственной моей радостью был труд для этого человека, который принял меня, когда все другие отвернулись. Часто я задавался вопросом: почему он сделал это? И однажды услышал его разговор со своим сыном, приехавшим домой из города на воскресенье. «Отец, — спрашивал тот, — почему ты взял в дом этого ворюгу? Разве это разумно с твоей стороны?» — «Сын мой, — ответил крестьянин, — Христос принимает грешников, а мы — Его ученики».

Летом мы с ним угоняли коров в горы и жили вот в этом доме, в котором я живу теперь. Тишина и покой гор понемногу вернули меня к жизни, успокоили и исцелили. Для меня, грешника, точно так же, как и для него, святого, цвели на холмах цветы, зеленели всходы и синело по утрам безоблачное небо. Эти богатства были в равной мере даны нам обоим. И постепенно я тоже начал верить в любовь и милосердие Бога.

Но на четвертый год моей службы крестьянин заболел. Врачи ничего не могли сделать. Я ухаживал за ним целый год. Сын часто навещал его. Но однажды крестьянин умер, и я снова остался один. В ночь перед своей кончиной он говорил со мной о том же, о чем говорила мне однажды жена: о любви и милосердии Бога и о прощении грехов.

Итак, я потерял своего единственного друга. Сын крестьянина отнесся ко мне очень человечно. К тому времени он уже стал богатым человеком. Он продал всех коров, а этот горный домик подарил мне. Я купил козу и несколько кур, собрал свои пожитки и переселился сюда. С тех пор здесь и живу. У меня есть только один знакомый — торговец деревянными фигурками. Иногда он сообщает мне кое-какие новости о моих сыновьях. Они выросли хорошими людьми. Один из них врач, другой — бизнесмен. Они не знают, что я жив. Да это и к лучшему. У меня нет ничего, что бы я мог дать им. А мое имя только опозорило бы их.

Жизнь и слова двух дорогих мне людей — моей жены и того крестьянина — повлияли на меня настолько, что я тоже поверил в милосердие Бога и в прощение грехов. Я не могу возместить ущерб людям, которых обокрал. Я не знаю, кто они и где живут. Но, несмотря на это, я работаю и коплю деньги. Я уже почти собрал сумму, которую когда-то украл. Когда она будет собрана полностью, я отдам эти деньги кому-нибудь на доброе дело и таким образом оплачу свой долг.

Ты, Лука, говоришь, что для тебя нет возможности начать все сначала. Но ты не прав. Я согрешил

намного больше и намного глубже, чем ты. И много пострадал за это. Ты еще мальчик и не можешь себе этого представить. Но я верю: Бог простил меня. Я живу теперь, чтобы расплатиться с теми, кому я должен. И стремлюсь стать тем, кем хочет меня видеть Бог. Это то, что я могу сделать. Это то, что каждый может сделать: прошлое мы должны предать Богу.

Он умолк.

Коза подошла к старику и положила свою косматую голову к нему на колени. Потом она немного пободала его, напоминая, что подошло время дойки. Лука встал, посмотрел на доброго старика и улыбнулся ему. Затем повернулся и нехотя направился к двери.

Медленно шел Лука домой. В ушах его все еще звучали слова старика: «Я живу, чтобы расплатиться с теми, кому должен... Стремлюсь стать тем, кем хочет меня видеть Бог...» Луку так поразили эти слова, что происшествие с упущенным призом потеряло для него всякое значение. Он не сможет, конечно, восстановить ногу Даника, но, вполне вероятно, он когда-нибудь сможет сделать для него что-то очень важное и значительное. И потом, он ведь может постараться быть хоть чуточку добрее. Вот, например, его мама — она так расстроилась из-за его коня. Он наберется мужества и покажет ей, что это не так уж и важно, и она снова станет веселой.

Выходя из лесу, он заметил свет в окнах своего дома, теплый, манящий свет, озарявший летние сумерки. В траве трещали кузнечики, а в воздухе стоял запах свежескошенного сена. Молодой месяц висел над черными елями. Все было так, как сказал старик:

ночь была равно доброй как к хорошим детям, так и к плохим.

Он взбежал по ступенькам крыльца и радостно поцеловал мать. Она стояла на крыльце, ожидая его.

— Мама, так есть хочется, — весело сказал он. — Ты мне оставила что-нибудь от ужина?

Поглядывая через край миски с супом, он улыбнулся ей. Тень сошла с ее лица, и она улыбнулась ему в ответ.

Глава 15

ГЛАВНЫЙ ПРИЗ

На следующее утро Даник проснулся с первыми лучами солнца. Несколько минут он лежал молча, вспоминая, что же хорошее сегодня должно случиться. Вскоре он вспомнил и, сев в постели, громко позвал Аниту:

— Анита! Я пойду сегодня с тобой и посмотрю, как ты выиграешь главный приз. Принеси мне мой черный костюм и вышитые подтяжки, быстрее!

Анита в своей спальне наверху притворилась, будто не слышит его. После того как он повторил это четырежды, она села на кровати:

— Замолчи, Даник, — велела она. — Я совсем не думаю, что получу первый приз. И потом, еще слишком рано одеваться. Папа только что встал.

Даник вздохнул и лег. Но ему хотелось с кем-нибудь поговорить. Поэтому он взял к себе в постель Белоснежку и начал шептать в ее розово-белое ушко: «Ты знаешь, Белоснежка, сегодня я в тележке поеду в школу, — бормотал он. — И я увижу все-все поделки, которые дети принесут на конкурс. А у Аниты будет

самая лучшая вещь. И я увижу, как она получит главный приз. Я буду хлопать в ладоши громче всех. И еще я надену мои самые красивые подтяжки».

Белоснежка зевнула, а за нею и Даник — ведь было еще совсем рано. Когда же чуть позже Анита спустилась вниз, то увидела их обоих крепко спящими.

Часом позже все вместе отправились в путь. Даника нарядили в его лучший воскресный костюм и вышитые подтяжки. Отец тянул тележку, а Анита шла рядом, печальная, расстроенная и немного сердитая.

Почему же она была грустной и сердитой в такое утро? Солнце светило ярко, вода в реке переливалась серебром, она шла в школу, чтобы получить главный приз. Даник же никогда не печалился и не сердился, разве что когда у него болела нога.

— Анита, — поинтересовался он, — у тебя болит живот?

— Конечно нет, Даник, — удивилась Анита. — Почему у меня должен болеть живот?

— Я просто так подумал, потому что ты немного сердитая, — объяснил Даник. — Ой, Анита, посмотри: на моем ботинке сидит синяя бабочка!

Но Анита даже не взглянула на бабочку. Она шла дальше, уставившись в землю. Что это с ней случилось?

Когда подъехали к школе, то оказалось, что двор уже полон людей. Парты в классной комнате сдвинули к стене, и на них лежали работы учеников. Выставка получилась замечательная. Мама и папа с восхищением разглядывали вещи, в то время как дети толкались, показывали друг на друга пальцами

и громко переговаривались. Был стол вязаных изделий, стол вышитых изделий, стол с кружевами. На партах у противоположной стены разместили работы мальчиков — множество вырезанных из дерева фигурок. Петр, сын почтальона, с сияющими глазами стоял возле своей работы — деревянной чернильницы с нависшим над ней медведем. Его морда была немного кривой, а бока явно неодинаковыми. Но все же это был медведь, и никто не мог усомниться в этом. Для ребенка вполне неплохо. Петр был скромным мальчиком и немного краснел, когда друзья хвалили его и хлопали по плечу. Но в глубине души он был очень доволен своим медведем, гордился им и улыбался стоящей неподалеку маме.

Лука тоже был здесь. Как обычно, совершенно один. Мама его еще не окончила работу с сеном и поэтому не пришла сегодня в школу. Лука угрюмо смотрел на чернильницу, в мыслях невольно сравнивая ее со своим красавцем конем. Если бы не случай, то все ребята толпились бы возле него, а не вокруг Петра. Он почувствовал в себе прилив зависти. Петр и так умный и красивый мальчишка, хорошо играет в разные игры, а теперь вот еще завоюет главный приз, который по праву принадлежал Луке. Он отошел в угол и угрюмо уставился в пол.

Анита, окруженная толпой болтающих подружек, была странно молчалива. Одни говорили, что главный приз получит она, другие болели за Дженни. Было много разговоров на эту тему, много беготни, много перешептываний. Каждый имел свое мнение. Только одна Анита, обычно всегда такая веселая и разговорчивая, не вымолвила ни слова. Даник, крепко держась

за папину руку, прыгал по классу, осматривая вещи. Наконец он сел неподалеку от связанного сестрой свитера, чтобы не пропустить момент, когда назовут победителя. Даник был очень маленького роста, его почти не было видно из-за стола: выглядывала только макушка выцветших волос и большие, широко раскрытые синие глаза.

Вдруг открылась дверь, и водворилась полная тишина — в класс вошел приехавший из города незнакомый учитель, который должен был определить победителя конкурса. Дети с родителями тихо стояли у стены, в то время как высокий мужчина медленно шел по кругу, ощупывая, поднимая и изучая одну вещь за другой. Он вежливо отзывался о каждой работе, а некоторые хвалил.

— Прекрасная выставка, — снова и снова повторял он, проходя мимо столов.

Затем он просмотрел рабочие тетради детей. Он делал все спокойно, вежливо, но очень уж медленно. А собравшихся интересовало только одно: чья же работа займет первое место? Наконец учитель решил выделить первую работу у девочек. Он снова взял в руки кружева Марии и стал внимательно разглядывать их. Затем вернулся к Анитиному свитеру и еще раз осмотрел его со всех сторон. В комнате было до того тихо, что слышно было, как летают мухи. И вдруг тишину нарушил звонкий детский голос:

— Это сделала моя сестра!

Голос звучал ясно и отчетливо. Учитель даже немного смутился и посмотрел в сторону говорящего. Он увидел маленькое загорелое личико и глаза, полные надежды.

— В таком случае твоя сестра очень хорошая девочка, — ответил учитель.

В этот момент его глаза заметили маленькие костыли в руках мальчика.

— Это ведь самая хорошая работа, правда? — продолжал Даник, не замечая вокруг себя больше никого и горя одним желанием: чтобы Анита победила.

Видно было, что учитель еще ничего не решил. Но когда Даник начал говорить, он принял решение. Учитель так и не понял, что мальчик помог ему в этом деле.

— Да, я думаю, это самая лучшая работа, — сказал он.

Даник мгновенно повернулся на костылях к своей сестре, очень покрасневшей от такого поведения брата, и воскликнул:

— Ты победила, Анита!

Все засмеялись и начали аплодировать.

Таким неожиданным и необычным образом была названа победительница среди девочек. Среди мальчишек выиграл Петр. Об этом было объявлено должным образом после торжественной речи, которую никто из детей не слушал. Потом все вместе пили чай с булочками и ватрушками.

Петр ушел домой, окруженный толпой восхищенных друзей. Они суетились, прыгали вокруг и, вдобавок к призу, купили ему шоколадку. Потом он пошел домой, где наелся еще и фруктового торта, который испекла для него к ужину мать, так что ночью у него даже заболел живот.

Лука возвращался из школы один. Он зашел в деревенский магазин купить хлеба, а потом медленно

поплелся в гору, домой. Но не хлеб в корзинке сгибал его плечи и клонил голову к земле, а печаль. Лука был очень удручен. Почему же бывают дни, когда так легко быть смелым и веселым, а после них случаются такие, когда это кажется абсолютно неосуществимым? Кроме зависти и гнева, он больше ничего не испытывал. Вчера, когда он возвращался от старика, ему казалось, что он спокойно сможет смотреть, как Петр получит главный приз. А сегодня испытывает к нему неприязнь. Старик говорил, нужно стремиться стать таким, каким хочет видеть тебя Бог. Но сделать это оказалось ужасно тяжело. «Но ведь горный старик изменился! Как же у него получилось?» — спрашивал себя Лука.

И тут он вспомнил, что старик говорил ему о Боге. Может быть, это Бог может превращать плохих людей в хороших, если они просят его об этом? Лука пришел к выводу, что о Боге он знает очень мало. И вообще, Бог, наверное, сердится теперь на него за то, что он так жестоко поступил с Даником. Разве Бог мог любить его после этого? И конечно, Он не скоро простит ему такой грех. Но даже если бы Бог простил, другие не простят.

Печаль камнем легла на его сердце. Он громко всхлипнул и пнул носком ботинка камень, попавшийся на дороге.

Лука дошел до того места, где тропинка раздваивалась, совсем недалеко от Анитино дома. Он свернул на ту, которая вела к его дому, как вдруг... Вдруг он услышал тонкий детский голосок, напевавший песенку. Он посмотрел в том направлении и увидел Даника, который так углубился в свою игру, что не

замечал ничего вокруг. В своем безграничном одиночестве Лука сделал шаг к Данику и остановился, наблюдая за мальчиком. Вдруг щеки его покраснели от удовольствия и он облегченно вздохнул. Даник вырыл в куче сена что-то вроде пещеры и расставлял там маленьких деревянных животных, которых он, Лука, вырезал для него с таким старанием.

«Значит, она все-таки отдала их ему, — подумал он про себя, чувствуя прилив счастья, — и они ему нравятся». Затем он громко спросил:

— Что это у тебя там, Даник?

Даник от неожиданности вздрогнул и, подняв глаза, увидел мальчика, который когда-то хотел убить его котенка. Первой его реакцией было схватить Белоснежку и крепко прижать ее к себе.

— Уходи отсюда, нехороший мальчишка, — сказал он.

Но, произнеся эти слова, он вдруг заметил печаль на лице Луки. А печаль для него была чем-то таким, чего его сердце не могло выдержать. Поэтому, все еще крепко прижимая к себе пытающегося вырваться на свободу котенка, он сказал:

— Я играю со своими волшебными животными. Но Анита запретила мне разговаривать с тобой.

— Я тебя не обижу, — тихо ответил Лука. — Я очень сожалею о случившемся и о твоей ноге. И поэтому сделал для тебя этих зверей.

— А вот и неправда, ты их не сделал, — с насмешкой ответил Даник. — Я нашел их в куче дров. Добрые волшебники положили их туда.

Лука собрался было ответить ему, но тут раздался громкий голос Аниты:

— Даник, сейчас же иди домой, ужин готов!
Лука повернулся и зашагал к дому.

«Она все-таки не сказала ему», — с горечью подумал он. Но все же ему приятно было сознавать, что его ковчег понравился Данику и что он играет им. Когда-нибудь он, может быть, объяснит ему все, и они станут друзьями. Немного повеселев, Лука зашагал быстрее.

Даник взобрался по ступенькам на кухню и сел за стол, смешно потирая пустой животик.

Бабушка налила ему полную тарелку супа.

— Анита, — сказал вдруг Даник, — Лука сказал мне, что это он сделал моих новых волшебных животных. Но ведь это не он сделал их, правда? Это волшебники бросили их в кучу дров, да? Он ведь говорил неправду, скажи.

— Я ведь говорила тебе, чтобы ты не разговаривал никогда с Лукой, Даник, — сердито ответила Анита. — Он нехороший мальчишка.

— Да, — сказал Даник, — но я только совсем немножко разговаривал с ним. Но, Анита, скажи мне, это ведь не он сделал их, правда?

Анита медлила — она не хотела говорить неправду. Но, с другой стороны, Даник был настолько добрым, что сразу же простит Луке все и помчится благодарить его, а потом... Чем же это может закончиться? За считанные минуты они станут друзьями — ведь Даника вообще было трудно заставить относиться к кому-нибудь с неприязнью. И если он узнает правду об этих животных, она не сможет больше удерживать его на своей стороне.

— Даник, ты ведь нашел их в куче дров, — ответила она, стараясь не смотреть на него. — Как же он мог сделать их? Не будь таким глупым, Даник.

— Это он сказал мне, что сделал их, — ответил Даник. — Но я знал, что это не он. Это были волшебники, правда, Анита?

— Ох, я не знаю. Отстань от меня, Даник! — бросила в ответ бедная Анита. — Ты так много болтаешь. Лучше ешь свой суп, а то остынет.

Даник послушно склонился над тарелкой, но бабушка, слабые глаза которой многое умели замечать, пристально посмотрела на Аниту. Она тоже слышала об этом и недоумевала над историей этих животных, найденных в куче дров. Анита почувствовала на себе взгляд бабушки. Девочка покраснела и, встав из-за стола, подошла к печке, чтобы налить себе еще немного супа. Но есть ей уже больше не хотелось. Только для вида она налила себе совсем немножко.

День, которого она ждала так долго, был совсем испорчен. Анита получила желанный приз, но он не доставил ей радости. Напротив, она чувствовала себя совершенно несчастной. Молча девочка помыла посуду после ужина, потом, поцеловав сонного Даника, уложила его спать и, никем не замеченная, выскользнула из дома. Она любила такое уединение в вечерних сумерках, чтобы была только она и высокие синие горы вокруг, чтобы можно было думать о чем угодно.

Но этим вечером все было по-другому. Плеск ручейка и треск кузнечиков, даже ленивый перезвон колокольчиков — все создавало какую-то странную атмосферу. Покрытые вечерней тенью поля казались

одинокими и страшными. Ей вообще не хотелось думать, потому что все, о чем бы она ни размышляла, снова и снова возвращало ее к маленькому растоптанному коню и к погасшему свету в глазах Даника, когда она сердито поговорила с ним.

«Наверное, я больше никогда не смогу быть наедине с собой, — подумала Анита и побрела обратно к дому. — Ах, как бы мне хотелось рассказать обо всем этом кому-нибудь! Может быть, тогда мне стало бы хоть немножко легче. Вот если бы мама была жива! Ах, зачем, зачем я сделала это?»

Глава 16

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ИСУСА ХРИСТА

Незаметно лето перешло в осень, осень — в зиму. Даник рос очень быстро. В этом году он пошел в детский сад, и господин Бурни платил по одному франку в день двум большим мальчикам, которые каждый день привозили его в тележке обратно домой.

Снова подошло Рождество. Снега в эту зиму выпало много. Притихла и замерзла маленькая речка. Анита и Даник теперь ездили в школу и детский сад на санях. Утром всегда было темно и светили звезды. А когда возвращались домой, ярко сияло солнце на синем небе и снег искрился под его лучами, как драгоценные камни.

Рождество было особенным праздником для Даника, потому что все важные события в его короткой жизни случились в этот день. В предрождественский вечер умерла его мама. И хотя Даник, конечно, не помнил ее, он замечал печаль на лице отца и чувствовал особую нежность к нему и сестре. Материнскую

любовь он получал от бабушки и Аниты, а о маме задумывался только тогда, когда бабушка читала ему из Библии о небе. Мальчик поднимал свои глазенки к фотографии на стене и представлял, как он встретится с этим добрым лицом, так сильно похожим на лицо Аниты, когда для него настанет время пройти через жемчужные ворота. Там, на небе, мама ожидает его и улыбаясь она выйдет ему навстречу.

Рождество также было днем его рождения. В нынешнем году ему исполнится шесть лет! Раньше он часто пытался вообразить себе этот день. Наверное, в то предрождественское утро он проснется совсем другим мальчиком! Даник даже немного разочаровался, обнаружив, что несколько не изменился: не стал ни больше, ни сильнее, чем вчера. Потом вспомнил о предстоящем сегодня походе в церковь и о большой елке, которую он там увидит, а еще о торте, испеченном бабушкой к дню его рождения... Эти мысли так захватили его, что он совершенно забыл о своем разочаровании.

И конечно же, Даник считал Рождество днем рождения Белоснежки. Вообще-то ей было уже около месяца, когда она залезла в башмачок Даника, но он об этом никогда не задумывался. Для него Белоснежка начала свою жизнь ранним рождественским утром. Она попала в его туфельку прямо из саней Санта-Клауса. Аните пришлось купить для такого дня красные ленточки в деревенском магазине и завязать большой бант на шее Даниковой любимицы. Конечно, та выглядела очень красиво, но в то же время ленточки ужасно мешали Белоснежке. Кошке хотелось поцарапать каждого, кто оказывал ей знаки внимания.

Но самое главное — это был день рождения Господа Иисуса. И хотя Даник мало об этом говорил, но много размышлял. Мысль, что он родился в день рождения Господа Иисуса, делала его особенно счастливым.

— Что же мне подарить Господу Иисусу в день Его рождения? — спрашивал он, облокотившись на бабушкины колени и заглядывая ей в лицо.

— Ты можешь отдать ему самого себя, — ответила она, на минутку прервав вязание. — И ты можешь также попросить Его, чтобы Он сделал тебя хорошим и послушным. Это обрадует Его больше всего.

Поэтому весь этот день Даник старался быть добрым и послушным мальчиком, чтобы угодить Младенцу, с Которым у них был общий день рождения. Его любовь не знала предела. Он помог бабушке навести порядок в коробке для вязания, а Аните — вытереть всю посуду. После обеда он пошел в хлев и навестил каждую корову в отдельности, нашепывая в их бархатные уши рождественские пожелания. А вечером он склонился в молитве и прошептал:

«Маленький Младенец Иисус! Я думаю, что подарил Тебе радостный день рождения».

А поскольку добрые дети всегда радостны, то и у Даника получился радостный день рождения. Когда пришло время одеваться, чтобы идти в церковь, сердце

его было переполнено счастьем настолько, что в него, казалось, больше уже ничто не могло поместиться.

Холодный воздух щекотал ему нос. На небе светила полная луна, и покрытые снегом горы казались серебряными. Деревья в лесу тоже были укутаны снегом. Когда сани проезжали под ними, нижние ветки качались и осыпали Даника белыми хлопьями. Стук копыт бежавших коней казался ему музыкой. Анита крепко прижимала его к себе, и от этого ему было тепло и радостно.

Выехав из леса, они миновали неровный маленький мостик, а потом и уснувшие поля. Впереди уже виднелась маленькая церковь, сиявшая розовым светом множества свечей. Свет лился из окон и больших дверей, а раскрасневшиеся от мороза жители деревни приветствовали друг друга на крыльце. Даник замер от восторга, когда папа внес его в церковь и посадил на первую скамейку с другими детьми начальной школы. Тридцать краснощеких малышей с восторгом смотрели на большую елку. Еще три дня назад она была покрыта снегом и стояла в лесу, недалеко от дома Даника. Теперь же елка была нарядно украшена и вся переливалась от гирлянд, апельсинов, шоколадных конфет и специально испеченных пряников-медвежат. Даник был очень доволен, что сидит впереди. Отсюда ему все хорошо было видно.

Старшие дети спели новый псалом. Это была колыбельная Марии, красивая, но немного печальная. Она пела эту песню спавшему на ее коленях Младенцу.

Анита пела ее вместе с другими, и мысли ее улетели назад, к тому Рождеству, когда она держала на руках маленького Даника. Они все хлопотали вокруг него, едва он появился на свет, а вот маленькому Спа-

сителю никто даже не открыл дверь. Его положили в ясли, потому что для Него не нашлось места под кровом гостиницы.

Песня кончилась, и старшие дети вернулись на свои места, а малыши вышли вперед. Даник немного отстал — на костылях он не поспевал за другими. Но его подождали, и все присутствующие улыбнулись, когда последним прыжком он занял свое место и повернулся к ним сияющим от радости личиком. Дети запели. Во время пения Даник постоянно смотрел на большую звезду на верхушке наряженной елки. Он разглядывал, как она отражается в блестящих пряниках-медвежатах, висящих пониже. Мальчик даже забыл о пении и думал о том, какой же медвежонок достанется ему. На самом верху он заметил одного — казалось, тот смеялся. Наверное, пекарь случайно провел слишком длинную черточку. Данику очень захотелось, чтобы этот медвежонок достался ему, и, глядя на него, он тоже вдруг рассмеялся.

Малыши пошли на место, все еще оглядываясь на елку. На кафедру вышел старый пастор. Он служил в этой деревне уже больше сорока пяти лет, и все его любили. Годы сгорбили его спину, но в любую погоду он ходил по горам, посещая свою паству. А борода пастора была такой белой, что Даник спутал его с Санта-Клаусом и только удивлялся, почему на нем надет черный костюм, а не красный тулуп.

Пастор обвел взглядом сидящих людей, которых он знал поименно и очень любил. Он был уже весьма стар, и, возможно, это была его последняя рождественская проповедь. Пастор помолился, чтобы Бог помог ему сказать слова, которые остались бы в памяти прихожан надолго. Анита слушала без особого

внимания. Эту историю она знала почти наизусть. Но вдруг проповедник произнес слова, которые преследовали ее каждое Рождество: «...места Ему не нашлось». Он повторил эти слова трижды, и с каждым разом, как казалось Аните, они звучали все печальнее. С какой радостью она открыла бы свою дверь!

— И все же, — продолжал пастор, — Спаситель и сегодня все еще стоит перед закрытыми дверями. Во многих сердцах Он не находит Себе места. Вот что Он говорит: «...Я стою у двери и стучу. Кто услышит Мой голос и откроет Мне дверь, Я войду...»* Как ты поступишь со Христом в это Рождество? Откроешь ли ты свою дверь, чтобы впустить Господа? Или оставишь Иисуса стоять снаружи и услышишь однажды эти печальные слова: «Ему не нашлось у тебя места»?

«Я бы хотела попросить Его войти в мое сердце, — подумала Анита. — Интересно, что это значит? Пастор говорил, будто мы можем попросить Его войти в наше сердце. Интересно, могу ли я попросить Его?»

Аните очень понравилась эта мысль. Она незаметно огляделась по сторонам, чтобы понять, что же думают остальные слушатели. И тут заметила Луку. Он сидел с другой стороны прохода вместе с матерью и сестрой. Увидев его, она поняла, что не может пригласить Спасителя в свое сердце, ибо оно полно ненависти к Луке. Конечно же, Спаситель не захочет жить в злом и ожесточенном сердце. Ей придется или простить Луку и быть доброй, или же оставить Спасителя стоять за дверью. Прощать она не хотела и быть доброй — тоже нет, пока еще нет.

* Откровение 3:20.

Аниту мучило еще одно воспоминание: она сломала вырезанного Лукой коня и лишила его приза. Он думает, будто виновата кошка. Если бы Господь Иисус вошел в ее сердце, ей наверняка пришлось бы просить у Луки прощения, а этого она не хотела. Проповедь кончилась. Анита почти ничего не запомнила, поскольку была занята своими мыслями. Данику даже пришлось подтолкнуть ее и сказать, что пора уже идти вперед получать медвежонка с елки — так она погрузилась в свои раздумья.

Зал наполнился суматохой и разговорами. Дети перешептывались. Малыши гурьбой направились к елке. Господин Пиллет, дровосек, раздавал медвежат. Когда подошла очередь Даника, он указал на самого верхнего смеющегося медвежонка.

— Пожалуйста, я хочу вон того, — сказал он, — вон того, наверху, пожалуйста. Я очень, очень хочу его!

В честь Рождества и из сострадания к искалеченному ребенку дровосек принес лестницу, раздвинул ребятам и с большим трудом взобрался наверх, чтобы снять именно того медвежонка, которого выбрал Даник.

Даник ехал домой среди мерцающих звезд и блестящего снега, крепко прижимая к себе смеющегося медвежонка. Время от времени он поглядывал на румяную, веселую мордочку медвежонка и радостно улыбался. Казалось, что у них с медвежонком была какая-то общая рождественская тайна, о которой никто другой не знал.

Глава 17

«ВОТ, Я СТОЮ У ДВЕРИ И СТУЧУ»

День Рождества прошел. Даник спокойно спал в своей кроватке, отец ушел в коровник, а Анита с бабушкой сидели у теплой печки. Бабушка вязала белые шерстяные носки своим внукам, Анита должна была зашить свой фартук. Но фартук давно сполз на пол, а Анита, подперев подбородок руками, не отрываясь смотрела в одну точку.

— Анита, — спросила вдруг бабушка, — ты хорошо провела Рождество?

— Спасибо, хорошо, — ответила Анита скорее машинально, зная, что именно таким должен быть ответ. Но потом она внезапно спросила:

— Бабушка, что имеется в виду в Библии, когда говорится, что Иисус стучит в дверь нашего сердца?

Бабушка отложила в сторону вязание, чувствуя за словами Аниты не праздное любопытство.

— Это значит, что Господь видит, насколько твоя жизнь полна злых дел и темных мыслей, — начала

она. — Он пришел на землю и умер на кресте, чтобы понести на Себе наказание за эти злые дела и темные мысли вместо тебя. Затем Он воскрес, чтобы войти в твою жизнь и жить в тебе. Он хочет изгнать все твои злые мысли и наполнить тебя Своими — хорошими и добрыми. Представь: кто-то стучит в дверь темного, грязного и пыльного дома и говорит хозяину: «Если тыпустишь меня, я вытру пыль, уберу грязь, рассею мрак и сделаю твой дом красивым и светлым». Но запомни, Господь Сам никогда не врывается в дом. Он только просит, чтобы Его пустили. Вот что означают слова: Иисус стучится в сердце. Ты должна сказать: «Да, Иисус, я нуждаюсь в Тебе, и я хочу, чтобы Ты вошел в мое сердце и жил во мне». Так ты откроешь Иисусу дверь, чтобы впустить Его.

Анита пристально смотрела на бабушку. Она долго думала, а потом пододвинула свою скамеечку ближе и, облокотившись на ее колени, сказала:

— Бабушка, но если ты кого-то ненавидишь, ты ведь не можешь просить Иисуса войти в твое сердце?

— Если ты кого-то ненавидишь, — ответила бабушка, — это как раз показывает, как сильно ты нуждаешься в том, чтобы Иисус вошел в твое сердце. Чем темнее комната, тем больше она нуждается в свете.

— Но я не могу перестать ненавидеть Луку, — тихо сказала Анита.

— Я верю тебе, — ответила бабушка. — Никто своими силами не может искоренить в себе злые мысли. Тут никакие старания не помогут. Анита, если ты утром заходишь в темную комнату с закрытыми ставнями, говоришь ли ты себе: «Я должна сначала разогнать темноту, а потом открыть ставни и впус-

тить солнце»? Разве ты тратишь силы на то, чтобы разогнать темноту?

— Конечно нет, — ответила Анита.

— Тогда как же ты избавляешься от темноты?

— Ну, я просто открываю ставни, и тогда свет льется в комнату.

— И куда же девается темнота?

— Не знаю. Когда свет приходит, она исчезает.

— Точно так же происходит с твоим сердцем, когда ты просишь Иисуса Христа войти в него, — объяснила бабушка. — Он есть любовь. А когда любовь входит в твое сердце, то ненависть, эгоизм и неприязнь уступают ей место, точно так же, как мрак уступает место солнечному свету. Бессмысленно пытаться выгнать тьму самому. Это то же самое, что гоняться за тенью в темной комнате. Напрасная трата времени.

Анита ничего не сказала в ответ. Она сидела неподвижно, устремив взгляд в одну точку. Потом подняла свой фартук и стала молча работать дальше. Вскоре она поднялась, поцеловала бабушку и, пожелав ей спокойной ночи, ушла в свою спальню.

Она долго не могла уснуть, ворочалась с боку на бок, но мысли не давали ей покоя. «Это правда, — сказала она себе. — Если я попрошу Иисуса войти в мое сердце, я должна буду примириться с Лукой. А этого я не хочу! Мне придется признаться ему, что это я сломала его коня. А этого я никогда, никогда не смогу сделать! Я должна просто забыть про этот стук в дверь. Но ведь мне так плохо. Я такая несчастная!»

Анита еще не знала, что человек, который не открывает двери своего дома Господу, отказывается также и от счастья. Она думала, будто найдет счастье

сама, после того как забудет о случившемся. Поэтому она перевернула свою теплую подушку на другую сторону и мысленно начала считать коз, резвящихся на лужайке, пока не заснула.

Ей приснился дом — окна были темными, а дверь крепко заперта. Была ночь, и Кто-то шел по снегу к этому дому. Анита видела длинную дорожку Его следов. Путник постучал в дверь. Он стучал долго и терпеливо, но никто не открывал Ему. Он стал искать ручку, но ее не было. Ветер пронзительно выл и гнал по небу хмурые облака, но Путник не уходил. Он продолжал стучать и стучать. Он стучал так долго, что Анита проснулась. Но никто не открыл Ему, и в окнах не зажегся свет.

«Может быть, там никого не было», — подумала Анита. Но в глубине своего сердца она знала, что там кто-то был, и он не захотел подойти к двери.

Анита встала с постели, но тяжесть не оставляла ее. Она оделась и, подавленная, спустилась на кухню завтракать. Внизу было большое волнение: Даник потерял Белоснежку и не хотел завтракать, пока она не найдется.

— Белоснежка всегда будит меня, — взволнованно объяснял он. — Она приходит и мурлычет, пока я не проснусь. Но сегодня ее не было. Вчера вечером, перед тем как я заснул, она вышла и не вернулась.

На Даника нельзя было смотреть без слез. И все отправились на поиски Белоснежки. Отец обошел хлев, бабушка обыскала кухню. Даник сам облазил все вокруг в поисках своей кошки. Анита поднялась на верхний этаж и осмотрела спальни. Все напрасно — кошки нигде не было. Отец видел ее последний

раз, когда она осторожно семеняла по мягкому снегу к хлеву. После этого ее никто не видел.

Это был несчастливый день. За обедом Даник лишился последней выдержки и, рыдая, объяснил, что не может есть, когда Белоснежка ходит где-то, наверное, голодная. Слезы одна за другой капали в суп — никому не удавалось его успокоить. Отец и бабушка, казалось, были не очень обеспокоены пропажей кошки.

— Она вернется, Даник, — тихо сказал отец. — Она просто спряталась на сегодня.

Солнце тоже в этот день не показывалось на небе. Низко нависшие серые облака окутали горы. Пошел густой снег. Ночью он замерзнет, и завтра будет сильный гололед.

Отец надел шапку, взял большие сани и поехал в лес за дровами. Бабушка задремала в своем кресле у печки. А Даник подошел к Аните и, прижавшись к сестре, посмотрел ей прямо в глаза:

— Анита, — сказал он, — я хочу пойти спать.

— Но почему же? — удивленно спросила Анита. — Еще совсем рано, только начинает темнеть, а ты еще не ужинал.

— Ну и что, — сказал Даник, — я хочу идти спать, Анита. Я хочу спать, потому что я хочу помолиться.

Анита рассмеялась.

— Ах, тебе не нужно ложиться спать, чтобы помолиться, — сказала она. — Ты можешь помолиться прямо сейчас, потом поужинать и идти спать, как обычно, в положенное время.

Но Даник покачал белокурой головкой.

— Нет, я хочу по-настоящему помолиться, в ночной рубашке. Пожалуйста, Анита, отнеси меня в постель.

— Ну, хорошо, — согласилась Анита и принялась раздевать его.

— Знаешь, Даник, — начала она снова, — не имеет никакого значения — в ночной рубашке ты или нет. Бог слышит тебя в любой одежде.

Она поцеловала его — он выглядел печальным, и уголки его рта вздрагивали. Когда Даник был уже одет в свою белую ночную сорочку, он встал на колени и начал молиться о Белоснежке:

«Дорогой Бог, пожалуйста, благослови Белоснежку. Пожалуйста, найди ее и приведи поскорее домой. Сохрани ее от холода, голода и страха. Покажи ей сегодня дорогу домой. Пожалуйста, дорогой Бог. Аминь».

— А о других ты не хочешь помолиться? — удивленно спросила Анита.

— Нет, — сказал Даник, поспешно вставая с колен. — Нет, не сегодня. Я хочу, чтобы Бог сегодня вечером ни о ком другом, кроме Белоснежки, не думал.

Немного подумав, он добавил:

— Позже ты сама можешь помолиться о других.

Предав Белоснежку в любящие руки Небесного Отца, он совершенно успокоился и, положив руки под голову, удобно устроился в своей кровати. Затем еще раз открыл глаза и сонным голосом позвал:

— Анита!

— Да, — ответила сестра.

— Анита, ты разбудишь меня, когда она придет, хорошо?

— Когда кто придет?

— Белоснежка, конечно же, — ответил Даник и тотчас заснул.

Анита беспокойно ходила по комнате. Щеки ее горели, казалось, ей не хватает воздуха. Она открыла дверь и вышла на балкон. Снегопад прекратился. Западный ветер гнал облака и, завывая, вихрем кружил снег на полях. У стен дома он намел уже целые сугробы. Ветер был не очень холодным. Напротив, он приятно охлаждал ее горящие щеки, и Анита решила прогуляться к речке. Может быть, она даже встретит Белоснежку. Она накинула на себя пальто и вышла.

Было полнолуние. Луна заливала ярким светом всю долину — так светло, что можно читать. Когда Анита достигла верхнего края луга, она оглянулась и увидела свои следы на снегу. Они были очень похожи на следы Путника из ее сна. Только те следы тянулись гораздо дальше. Казалось, что одинокий Путник обошел всю землю, чтобы достичь маленького темного домика.

Глава 18

ОТКРЫТЫЕ ДВЕРИ СЕРДЦА

Анита брела все дальше и дальше, пока наконец не дошла до маленького моста, переброшенного через речку. Перила моста были обвешаны сосульками, а сам поток почти затих. Только чуть слышное журчание глубоко под панцирем льда говорило о том, что он еще жив.

Здесь, наверху, было очень тихо. Ветер успокоился, и мороз начал крепчать. Маленький мост был предательски скользким. Анита, мысли которой витали где-то далеко, не заметила льда под напороженным снегом. Внезапно она поскользнулась и, вскрикнув, упала. От боли у нее потемнело в глазах, с минуту она лежала, не двигаясь. Затем попыталась встать, но снова, вскрикнув от боли, упала: наверное, она подвернула ногу, так как не может на нее наступить. Анита не на шутку испугалась. Она была совершенно одна в этой отдаленной горной местности — вряд ли этим вечером кто-нибудь пройдет по уединенной дороге.

Становилось все холоднее. Если она не найдет какое-нибудь укрытие, то может замерзнуть. Вдруг она вспомнила, что немного выше, за следующим поворотом дороги, стоит домик, в котором живет молодой лесоруб с женой. Если ей удастся до них добраться, они наверняка отвезут ее на санях домой. Это совсем недалеко, и она сейчас же двинется в путь.

С большим трудом Анита поползла по снегу, волоча за собой распухавшую ногу. Каждое движение причиняло ей страшную боль, и через некоторое время она совсем обессилела: ее руки беспомощно утопали в глубоком снегу, глаза туманились слезами. Доберется ли она вообще до домика?

Когда девочка доползла до поворота дороги, она с облегчением увидела, что ей осталось уже совсем немного. Анита даже заметила тусклый огонек в окне. Но силы покинули ее, и она решила немного отдохнуть. Она села в снег, однако холод заставил ее двигаться дальше. Шаг за шагом она приближалась к цели. Когда Анита добралась наконец до крыльца, ей показалось, что прошло несколько часов.

Анита негромко позвала, надеясь, что кто-нибудь выйдет и поможет ей подняться по ступенькам, но никто не вышел. Тогда она сама кое-как взобралась на крыльцо и, совсем обессилив, упала у порога. Со вздохом облегчения она протянула руку и постучала в дверь. Никто не отвечал. Маленький домик казался таким же молчаливым, как спокойный темный лес вокруг. Еще раз Анита подняла руку и постучала, на этот раз громче. Никакого ответа. Внутри не было слышно ни звука. Шатаясь, она приподнялась на одну ногу и изо всех сил начала колотить в дверь,

так что заболели кулаки. Она кричала во весь голос и трясла ручку двери.

Когда до ее сознания дошла, наконец, ужасная истина, она упала на порог, безутешно разрыдавшись. Дом был пуст, свет в нем горел только для отвода глаз, чтобы отпугнуть воров. На несколько мгновений Аниту охватила паника. Она выросла здесь, в горах, и часто слышала рассказы о людях, замерзших в снегу. Но потом она взяла себя в руки и решила все спокойно обдумать. Свет в доме, вероятно, означал, что жильцы собирались вернуться тем же вечером. Если они ушли вниз, в долину, то наверняка возвратятся лишь к полуночи. А тогда, может быть, будет слишком поздно. Она уже чувствовала холод в пальцах рук и ног. Возможно, если она немного отдохнет, то сможет поползти обратно. Но следующий домик находился далеко отсюда, внизу, а сугробы были глубокими. Как бы там ни было, она еще немного подождет и потом попробует. Это ее единственная надежда.

Беспомощно смотрела она на утопающую в снегу равнину. Справа раскинулись лес и речка, а слева бесконечные луга холмами спускались в долину. Маленькие изгороди, каменные стены и заборы — все было занесено снегом. Анита снова вспомнила свой сон. В том сне она видела длинную дорожку следов прямо к двери темного молчаливого дома. Впервые она поняла, что значит стоять у закрытой двери. А ведь она провела там всего несколько минут. Господь же продолжал стучать неделями и годами — она это знала. Анита перестала стучать, поскольку поняла: дом пуст. А если бы господин и госпожа Бердоф все

это время спокойно сидели в доме? Если только предположить, что они слышали ее стук, но, посмотрев друг на друга, просто сказали: «Кто-то стучит, но мы не впустим его. Сделаем вид, будто мы ничего не слышим. Не станем обращать внимания». Ох, как Анита разозлилась бы на них! Как бы она возненавидела их за бессердечие! А ведь она сама обращалась с Господом Иисусом точно так же. Но Он не сердится на нее. Он продолжает ее любить, иначе Он перестал бы стучать. Бабушка говорила ей об этом.

Анита так погрузилась в эти мысли, что почти забыла о своем страхе и одиночестве. Вдруг она подняла голову и напряженно прислушалась. И в самом деле, она слышала какой-то звук. Звук, хорошо знакомый каждому ребенку, выросшему в горах, — шуршание лыж, скользящих по мягкому снегу. Затем до нее донесся голос мальчика, который что-то напевал, катаясь с горы. Через несколько секунд он появится у поворота дороги и проедет мимо домика. Если он двигается быстро, то, наверное, даже не заметит ее.

Окутанная облаком снежной пыли, из-за поворота показалась маленькая фигурка.

Анита приподнялась на колени и закричала во весь голос, приложив руки ко рту:

— Эй, на помощь! Остановись и помоги мне!

Лыжник резко повернул свои лыжи и остановился. Он расстегнул крепления и проворно побежал к домику.

— Что случилось? — громко спросил он. — Кто ты? Что с тобой?

Это был Лука. Он гостил у своего старого друга на горе и теперь возвращался домой. Крик девочки

встревожил его. Когда же Лука узнал Аниту, стоящую на коленях в лунном свете, он уставился на нее, словно увидел духа. Но той было все равно, кто ее спаситель. Она была слишком рада видеть человека. Девочка думала только об одном: она найдена и спасена. Лука казался ей ангелом, посланным с неба. Она протянула руки и ухватилась за его пальто, словно боясь, что он вдруг убежит.

— Лука! — заговорила она дрожащим голосом. — Я так рада, что ты остановился! Я подвернула себе ногу и не могу идти. Я думала, что замерзну здесь, пока господин и госпожа Бердоф вернутся домой. Не отвезешь ли ты меня домой, Лука? Мне так холодно!

В одно мгновение Лука укутал ее в свое пальто. Затем он присел около нее на корточки и начал растирать ее холодные руки.

— Я не могу взять тебя с собой на лыжи, Анита, — ласково сказал он, — ты слишком большая. Но я за пять минут доберусь до дома и сразу же вернусь с санками и одеялом. Через полчаса ты будешь уже дома.

Луку охватила внезапная радость. Ему хотелось бежать и смеяться от счастья. Желание его сердца исполнилось. Он мог что-то сделать для Аниты! Она нуждалась в нем. Может быть, она простит и забудет ту страшную ссору?

— Тебе не будет холодно без пальто, Лука? — спросила Анита тихим, измученным голосом.

При этих словах Лука снял еще и свитер и покрыл им голову Аниты. Он отдал бы ей и рубашку, но от нее было мало проку. Почувствовав пронизывающий холод, Лука быстро побежал обратно к лыжам. Он обхватил себя руками, глубоко вдыхая ледяной воздух.

Казалось, что болью, которую причинял ему холод, он хотел искупить какой-то страшный грех.

Вмиг он снова надел лыжи и, круто срезав поворот, стрелой помчался вниз. Радость так согревала его душу, что он перестал ощущать обжигающее дыхание морозной ночи. Спотыкаясь, он вбежал в дом, испугав мать своими голыми руками и синим носом.

Оставшись одна, Анита плотнее укуталась в теплое пальто Луки. Минут через двадцать он вернется. А за эти двадцать минут ей нужно многое обдумать и решить.

Прежде всего она спасена. Лука очень вовремя вынырнул из леса и услышал ее крик о помощи. Значит, все это время, когда ей казалось, будто она совсем одна, Спаситель стоял у ее двери и заботился о ней. Он послал Луку, чтобы спасти ее.

Но главное, она поняла смысл запертой двери. Правда, она еще не знала, что произойдет, если она сейчас же откроет дверь своего сердца. Но одно ей было совершенно ясно: она не может больше заставлять Спасителя стоять за закрытой дверью. Девочка прислонилась головой к заснеженному крыльцу и закрыла глаза.

«Господь Иисус, — молилась Анита, — я открываю дверь моего сердца. Прости, что она так долго была закрыта и что Тебе пришлось так долго ждать. Пожалуйста, войди теперь. Прости меня за ненависть к Луке. Пожалуйста, помоги мне любить его. И если я должна рассказать ему о том коне, пожалуйста, дай мне для этого мужества. Я благодарю Тебя за то, что Ты послал Луку, чтобы спасти меня. Аминь».

Итак, Господь Иисус, Который так долго ждал у дверей Анитиною сердца, вошел, чтобы простить ее грехи и сделать из нее нового человека. Вокруг не было никого, кто мог бы принять участие в только что совершившемся чуде. Даже сама Анита почти не чувствовала в себе никаких изменений. Но в небе имя Аниты той ночью было занесено в Божью книгу жизни и ангелы радовались, что еще один человек на Земле открыл дверь своего сердца и дал в нем место Спасителю.

Глава 19

ПЕРВЫЙ ШАГ К ПРОЩЕНИЮ

«Так, — думала Анита, — самое главное я сделала. Теперь я, кажется, знаю, что должно случиться дальше».

Сердце ее учащенно билось. Она снова и снова поглядывала на высокие горы и далекие звезды на небе, которые вселяли в нее мужество. Какими они были древними, величественными, неизменными! По сравнению с ними она сама и все ее переживания были так малы и незначительны! Все ее страхи и заботы вскоре пройдут, и она забудет про них. Но горы все так же будут стоять, и звезды так же будут светить на небе.

Маленькая черная фигура показалась из-за поворота. Лука бежал чуть ли не вприпрыжку, таща за собой санки. На нем было другое пальто. Он так запыхался, что почти не мог разговаривать.

— Давай, Анита, — проговорил он задыхаясь, — я взял большие санки, чтобы ты могла вытянуть ногу. Через несколько минут мы будем дома.

Он протянул руку, чтобы помочь ей подняться, но Анита медлила.

— погоди, Лука, — быстро произнесла она, но голос ее дрожал. — Прежде чем мы поедem домой, я должна тебе что-то сказать. Лука, это не кошка скинула тогда твоего коня, это я. И я сделала это нарочно, потому что не хотела, чтобы ты выиграл приз. Это все из-за несчастья с Даником. Прости меня, пожалуйста, Лука.

Лука стоял неподвижно, онемев от удивления и пристально глядя на нее. Вместо того чтобы рассердиться на Аниту, он почувствовал в душе невероятное облегчение. Подобно ему, Анита тоже совершила нехороший поступок. Если он простит Аниту, то и ей легче будет простить его. Конечно, разбитый конь — пустяк по сравнению с искалеченной ногой Даника. Но несмотря на это, у них теперь было нечто общее, что сближало их. Лука хотел сказать ей об этом, но не находил слов. Он лишь неуклюже рассмеялся и робко пробормотал:

— Да не беда, Анита, не переживай. Садись на санки.

Он заботливо укутал ее, сел впереди, и они поехали вниз. Засыпанные снежной пылью, они подкатили к крыльцу дома Бурни. Анита с трудом одолела ступеньки и, стоя на одной ноге, оглянулась на Луку. Он медленно поворачивался, чтобы уйти со своими санками. Анита открыла свое сердце для любви Господа Иисуса. Но это означало, что она открыла его также для Луки, потому что любовь Спасителя никого не исключает.

— Заходи к нам, Лука, — пригласила она. — Заходи. Бабушка будет рада узнать, что это ты нашел меня.

Она широко распахнула дверь, и Лука последовал за ней в дом. Увидев Аниту, бабушка радостно вскрикнула. Все уже беспокоились о ней, и отец час тому назад пошел в горы искать ее. Бабушка собралась было побранить Аниту, но, заметив, что она хромает, замолчала, помогла девочке добраться до дивана и пошла готовить холодный компресс.

Она повернулась и увидела Луку. Робко и неуверенно тот стоял на пороге. Одно мгновение они смотрели друг на друга. Старые глаза бабушки умели читать лица детей, как открытую книгу. На лице мальчика она увидела столько раскаяния, столько страстной мольбы, столько робкой надежды и пробужденного мужества, сколько не видела никогда раньше. Подойдя к нему, она положила руку на его плечо и ввела Луку в тепло натопленную комнату, при этом приветливо сказав:

— Заходи, садись и поешь вместе с нами.

Немного позже опять открылась дверь и вошел отец, стряхивая снег с тулупа. Он заметил несущиеся с горы санки с двумя силуэтами и понял, что с Анитой все в порядке. Выслушав рассказ дочери, он

побранил ее немного за то, что она вечером ушла из дому так далеко. Затем он тоже присел к печке. Бабушка приготовила всем по кружке какао и куску хрустящего хлеба, намазанного золотистым маслом, с толстым ломтем сыра сверху.

Все сидели и молча ели. Это было спокойное и приятное молчание. После холодного лесного воздуха теплая печка действовала успокаивающе. Лука смотрел на огонь, подмигивая пламени. Ему хотелось, чтобы это мгновение никогда не кончалось. Но молчание вдруг прервалось странным царапаньем в дверь.

— Это Белоснежка, — вскрикнула Анита и уже было вскочила, но больная нога заставила ее вновь сесть. Бабушка, отец и Лука одновременно оказались у двери.

С высоко поднятым хвостом в комнату вошла кошка, держа в зубах новорожденного слепого полосатого котенка. Она не обратила никакого внимания на присутствующих, но гордо направилась в комнату, где спал Даник. Там она вспрыгнула на перину и положила свою драгоценную ношу прямо около растрепанной золотистой головки. Затем поспешила назад к двери и замяукала.

— Она возвращается за вторым, — сказал отец и выпустил ее.

— Тогда лучше оставим дверь открытой, — предложила бабушка, туже затягивая свою шаль на плечах.

Она попросила Луку принести ей выделанную шкурку косули, чтобы накинуть на колени. Так они все и сидели на сквозняке, пока Белоснежка, озабоченная, снова не появилась в дверях. На этот раз она

принесла пятнистого котенка, белого с черным, и снова исчезла в темноте ночи.

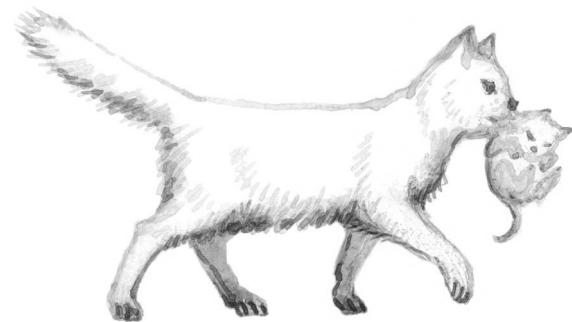
— Надеюсь, что этот будет последним, — пробормотала бабушка, думая о сквозняке и переживая, хватит ли им теперь всем места в этом маленьком доме.

Остальные не сказали ни слова. Их взгляды были устремлены на дверь. Белоснежка могла делать все, что ей хотелось. Вскоре она снова показалась на пороге, ступая медленно и важно. По-видимому, ее работа была окончена. В зубах она несла чисто белого котенка — точную копию себя самой. Она обняла котят своими передними лапами, удобно устроилась прямо на груди Даника и, мурлыча, начала вылизывать малышей, словно от этого зависела их жизнь.

— Лука, закрой, пожалуйста, дверь, — попросила бабушка, с облегчением вздохнув. — А тебе, Петр, не мешало бы найти корзинку для всех этих кошек. Ребенок ведь может задохнуться.

Отец усмехнулся.

— Это мы, мать, утром успеем сделать, — возразил он. — Сегодня уж пусть остаются там, где лежат. Животные обычно чувствуют, где их любят. С Даником же ничего не случится.

Он нежно убрал лапу Белоснежки с подбородка Даника и вышел, чтобы запереть коровник. Лука тоже встал. Он подошел к бабушке и протянул ей руку.

— Мне пора идти, — сказал он. — Спасибо, что разрешили мне зайти. Я надеюсь, что нога Аниты скоро заживет.

Бабушка, глядя ему в глаза, на несколько мгновений задержала его руку в своих ладонях.

— Да, тебе пора идти, — сказала она. — Но ты приходи снова. Ты всегда будешь у нас желанным гостем.

Анита никому не сказала о своем обещании разбудить Даника, когда Белоснежка вернется. Она боялась, что бабушка станет возражать. Но она должна сдержать свое слово. Дождавшись, когда бабушка ушла на кухню мыть посуду, Анита подошла к постели мальчика.

— Даник, — прошептала она, убирая у него со лба влажные от пота волосы.

Даник вздохнул и вытянул руки из-под одеяла, но не проснулся.

— Даник, — чуть громче позвала Анита и легонько ущипнула его.

Он открыл глаза и бросил на нее сонный взгляд.

— Посмотри, Даник, — сказала Анита, — она пришла и принесла тебе подарок.

Даник уставился на кучку меха на своей груди, слишком сонный, чтобы удивиться, и не совсем уверенный, снится ему это или нет.

— Она принесла трех крыс, — проговорил он наконец.

— Да нет же, Даник, — воскликнула Анита. — Это не крысы. Это три маленьких котенка. Она роди-

ла их в коровнике и теперь принесла тебе. Они твои, Даник. Подарок от Белоснежки.

Даник моргнул.

— Я знал, что она придет, — пробормотал он. — Я же просил Бога об этом.

— И я сегодня попросила Господа Иисуса войти, — прошептала Анита, склонившись над ним, — и Он вошел.

Так за один вечер Господь ответил на две молитвы. Но Даник уже ничего не слышал. Он снова сладко уснул, не заметив, что кончик хвоста Белоснежки оказался у него во рту.

Глава 20

ПОЛНОЕ ПРИМИРЕНИЕ

Холодные компрессы бабушки оказались настолько действенными, что на следующее утро, когда Анита проснулась, боль почти прошла, а опухоль спала. Но ступать на ногу девочка пока еще не могла. Ночью снова пошел снег, и сугробы стали такими глубокими, что отцу пришлось копать проход, чтобы зайти в коровник. День был не для игр на улице. Но Анита, Даник и Белоснежка с тремя котятами не скучали. Всем вместе им было очень даже весело в общей комнате.

После обеда бабушка предложила им пойти поиграть на сеновале. Даник в корзинке отнес туда свою новую семью. Устроив животным гнездо, он весело кувыркался на сене. А Анита, расположившись в сторонке, раскрыла перед собой большую бабушкину Библию. Она начала листать ее. Ей хотелось найти тот стих, в котором Иисус стучится в дверь сердца, тот стих, что читал пастор. Она хотела выучить его наизусть. Долго искать ей не пришлось: пастор говорил, что стих этот из последней книги Библии. Вскоре она увидела его — двадцатый стих третьей главы

книги Откровения: «Вот, Я стою у двери и стучу. Кто услышит Мой голос и откроет Мне дверь, Я войду к тому человеку, и мы сядем с ним вместе ужинать». Анита повторяла про себя эти слова до тех пор, пока не выучила их. Ей только непонятно было, как Он будет с ней ужинать. При первой же возможности нужно спросить об этом у бабушки.

Затем она начала размышлять, наблюдая за Даником. Он кувыркался немного странно, так как здоровая нога сгибалась в колене, а больная оставалась прямой. Мысли одна за другой проносились в голове Аниты. Вот она открыла дверь Господу Иисусу. Он вошел и теперь живет в ее сердце. Все случилось так, как ей говорила бабушка. Он вошел в ее сердце вместе с духом прощения и любви. От этого все угнетающие и злые мысли рассеялись, как тени перед светом, и простить Луку оказалось совсем не трудно. В общем, это больше не представляло для нее проблемы. Войдя в ее сердце, Иисус показал ей, насколько эгоистичной, не способной любить и неверной была она сама. Теперь Анита беспокоилась о другом: простит ли ее Лука? Она призналась ему в своем преступлении, и он, казалось, вовсе не рассердился. Но все же он потерял свой приз, и она чувствовала, что ей нужно что-то предпринять. Ведь оставались еще звери из Ноева ковчега. Если она принесет их учителю и честно расскажет ему обо всем, тот увидит, как красиво Лука умеет вырезать из дерева. Может быть, он даст Луке какой-нибудь другой приз?

Но тут ей стало страшно. Что же учитель подумает тогда о ней? А что скажут другие дети? Она решила все оставить как есть и больше к этому не возвращаться.

Как только Анита приняла такое решение, она сразу почувствовала, что библейский стих уже не занимает ее и не радует. Она стала раскачиваться на перекладине и кормить коров через щель, пока отец не пришел в коровник доить их. Анита спустилась к нему, уселась в ясли-кормушку и болтала с ним, пока он работал.

Стемнело рано. Дети пошли в дом ужинать, а потом подоспело время укладывать Даника спать. Укладывание Даника превратилось в бурную дискуссию: бабушка настаивала на том, чтобы котята спали в хлеву, а Даник хотел забрать их всех с собой в постель. В конце концов каждому пришлось немного уступить. Решили, что котята будут спать под кроватью. Споры были такими бурными, что бабушка, совсем обессиленная, едва добралась до своего кресла.

Анита поставила свой стульчик рядом. Только она устроилась поудобнее, как раздался стук в дверь. Ей пришлось встать, чтобы отпереть. На пороге, немного смущенный, стоял Лука. Аните хотелось быть вежливой, но в этот момент она тоже застеснялась. Оба стояли, неловко поглядывая друг на друга. Каждый ждал, чтобы другой заговорил первым. Удивленная долгим молчанием, бабушка подняла голову.

— Заходи, Лука, — сказала она. — Хорошо, что ты пришел. Анита, принеси еще один стул и садитесь оба.

Они послушно сели. Лука, объяснив, что пришел узнать, как нога Аниты, опять погрузился в молчание. Анита же, ответив, что чувствует себя уже намного лучше, также замолчала и уставилась в пол.

Бабушка строго взглянула на обоих поверх своих очков.

— Анита и Лука, — внезапно сказала она, — вам нужно покончить с этой глупой ссорой. Пора уже вес-

ти себя по-взрослому. Лука, ты совершил очень нехороший поступок, но ведь ты сделал это не нарочно. И уже много настрадался из-за этого. Слезами горю не поможешь и потерянного не воротишь. Наберись смелости и начни жить заново. А ты, Анита, должна научиться прощать. Будь добрей и перестань считать себя лучше других.

— Я не считаю себя лучше других, — ответила Анита немного удивленно.

— Нет, ты считаешь, — возразила бабушка. — Иначе тебе не было бы так трудно прощать других.

— Но ведь я простила его, — объяснила Анита. — Там, на горе, вчера вечером. И мне было совсем не трудно, поскольку я тоже сделала ему что-то плохое. Когда я рассказала ему об этом, он сказал, что прощает меня. Правда, Лука? Так что мы оба одинаково плохи.

— Да, — просто подтвердил Лука, — но твое зло было не таким страшным, как мое. Я могу вырезать другого коня, но никогда не смогу вернуть Данику здоровую ногу. Кроме того, все считают тебя хорошей, все тебя любят, а меня, наоборот, все презирают.

— Может быть, это лишь потому, что все знают о твоём поступке, — сказала Анита, — и никто не знает о моем! Знаешь, Лука, сегодня я думала о том, что должна рассказать обо всем учителю. Но мне кажется, на это у меня никогда не хватит смелости.

Так они сидели и разговаривали, а бабушка слушала. Ее присутствие совсем не смущало их, и дети продолжали беседовать. Потом и она вступила в разговор.

— Анита, — спросила она, — как так получилось, что ты вдруг простила Луку? Еще два дня назад ты говорила мне, что никогда не сможешь этого сделать.

— Знаешь, бабушка, я открыла дверь своего сердца. А потом все произошло так, как ты говорила. Когда я попросила Иисуса войти в мое сердце — оказалось, простить нетрудно.

— Это меня радует, — просто сказала бабушка. — Я знала, что это случится, как только ты откроешь дверь. Когда Иисус со Своей совершенной любовью и прощением входит в наше сердце, в нем больше не остается места вражде, эгоизму и злым мыслям. Все это уходит, подобно тому как тьма исчезает с восходом солнца. Но любовь Иисуса изгоняет и кое-что еще. Принеси-ка мне мою Библию, Анита.

Бабушка медленно начала перелистывать страницы, внимательно вглядываясь в текст, пока не нашла четвертую главу Первого послания Иоанна. Она указала Аните на восемнадцатый и девятнадцатый стихи:

— Прочти вот это, Анита.

Анита медленно и отчетливо прочитала: «В любви нет страха — совершенная любовь изгоняет страх, потому что страх связан с наказанием и тот, кто боится, не достиг совершенства в любви. Мы любим, потому что Он первым полюбил нас».

— Так оно и есть, — сказала бабушка. — Совершенная любовь изгоняет страх. Когда Господь приносит в наше сердце совершенную любовь, то эта любовь изгоняет из сердца неприветливость, эгоизм, а также и страх. Понимаете, если мы искренне верим в то, что Он любит нас, нам нечего бояться. Если мы знаем, что Он любит нас, значит, все в нашей жизни — для нашего же блага.

Анита и Лука некоторое время сидели молча, а потом взглянули друг на друга и улыбнулись. Анита

встала и, подойдя к шкафчику, достала оттуда свой пряник — рождественского медвежонка. Разломив его пополам в знак примирения, она дала одну часть Луке. Они сидели рядом. Лука, совершенно счастливый, жевал, а Анита все еще была задумчива и взволнованна. Яснее, чем когда-либо раньше, она поняла, как ей нужно поступить. И все-таки ей так не хотелось этого делать!

Лука вскоре распрощался. Когда он ушел, Анита пожелала бабушке спокойной ночи и собралась идти спать.

— Анита, — напутственно сказала бабушка, — запомни: когда Иисус входит в наше сердце, Он входит туда только как Господин. Ты теперь должна делать то, что Он говорит, а не то, что хочешь тебе самой.

— Да, бабушка, — грустно ответила Анита.

Она пошла наверх в свою комнату и опустилась на колени. «Господь Иисус, — молилась она, — я хочу делать то, что Ты мне говоришь. Если мне действительно нужно рассказать об этом учителю, то дай мне, пожалуйста, мужества и помощи не бояться».

Анита легла в постель, с облегченным сердцем закрыла глаза и вскоре уснула.

Глава 21

РЕШИТЕЛЬНЫЙ ПОСТУПОК АНИТЫ

На следующее утро Анита проснулась рано. Ставни были закрыты, и она не могла понять, который час. Но тут девочка заметила маленький лучик света. Он проник сквозь щель в ставне и прочертил по полу яркую полосу света.

«Наверное, уже утро, — подумала Анита, — нужно открыть ставни и посмотреть, красивое ли сегодня небо».

Она встала, раздвинула ставни, и свет залил комнату. Долина еще лежала в тени, но всходившее над горами солнце уже освещало их домик. Снег ослепительно блестел, и верхушки гор сияли настолько ярко, что на них было больно смотреть. Свет, заливший комнату, наполнил ее сладкой, прохладной свежестью утра.

«Все так, как говорила бабушка, — подумала Анита, — нет другого способа разогнать тени в долине. Нужно лишь подождать, пока их разгонит солнце.

А потом, даже если кто-то захочет сохранить эти тени, он не сможет этого сделать. Ненависть, зло, обида и страх признаться в неправде — это тоже тени. Впустить Иисуса — то же самое, что открыть ставни».

Мысль эта так понравилась Аните, что она, снова забравшись под одеяло, продолжала размышлять, пока не пришло время вставать. Все еще немного прихрамывая, она спустилась вниз на кухню, где бабушка как раз варила кофе.

— Бабушка, — сказала она, — сегодня утром мне нужно сходить к учителю.

— А как твоя нога? — спросила бабушка.

— Я поеду на санках.

— А как ты вернешься потом?

— Я не знаю, уж как-нибудь вернусь. Во что бы то ни стало мне нужно поговорить с учителем сегодня утром. Это неотложное дело.

— О чем вы тут? — вмешался отец, стряхивая у порога снег с ботинок. — Если Аните нужно к учителю, она может поехать со мной. Сегодня я хочу повезти сыр к поезду. Я довезу ее на санях до дома учителя и заберу на обратном пути.

Лицо Аниты просветлело. Больше ждать нельзя — если она отложит дело еще на один день, ею может снова овладеть страх.

Сидя рядом с отцом на санях, она не испытывала особой радости. На коленях Аниты лежали фигурки животных из Ноева ковчега, осторожно завернутые в платочек. Она не представляла, что же скажет учителю. Что, если он очень-очень рассердится на нее? Ведь такое тоже вполне может случиться.

— Зачем тебе нужно к учителю? — спросил вдруг отец. — Надоело сидеть без заданий?

Анита прижалась к его плечу.

— Нет, — робко ответила она, — я просто должна ему кое-что рассказать. Это секрет, папа.

Она положила свою ручку поверх его большой руки, державшей поводья, и он, добрый и мудрый мужчина, только улыбнулся в ответ и не стал больше спрашивать. Он был занятым человеком. С раннего утра до позднего вечера он трудился, чтобы заработать тяжелым крестьянским трудом необходимое для семьи. У него оставалось мало времени для серьезных бесед с детьми — это он предоставил бабушке. Но чем они жили, он знал, наблюдая за выражением их лиц и прислушиваясь к их разговорам. В коровнике или в тишине леса, во время заготовки дров, он думал о своих детях и молился о них. Он знал, что долгое время его маленькая дочка была несчастна. Знал также, что что-то случилось с ней, после чего она обрела мир. Он радовался тому, что Анита снова счастлива, и решил ни о чем ее не спрашивать.

Молча они ехали дальше, пока наконец не подъехали к белому дому, в котором жил учитель. Летом дом действительно выглядел белым, но сейчас, в сравнении с белизной снега, он казался грязным и серым.

— Тебе сходить, — сказал отец. — Я вернусь за тобой примерно через полчаса.

Он двинулся дальше, а Анита с бьющимся сердцем пошла по тропинке к дому. Она долго стояла у крыльца, не осмеливаясь постучать. Может быть, она так и осталась бы стоять, пока отец не забрал бы ее на

обратном пути, но учитель увидел ее через окно и сам открыл дверь.

— Заходи, заходи, — приветливо сказал он, приглашая ее в маленькую комнату, где они часто засиживались, занимаясь уроками.

Он любил своих учеников и скучал по ним во время каникул. Поэтому он был рад, когда кто-нибудь из них заходил в гости. Анита сразу же подошла к столу и опорожнила свой платочек. Она расставила в ряд всех животных Ноева ковчега.

— Их сделал Лука, — решительно заявила она. — Разве они не красивые?

Учитель с интересом принялся рассматривать зверюшек.

— Они очень красивы, — наконец отозвался он. — Лука просто молодец. Я даже не представлял, что он так хорошо может вырезать. Почему же он ничего не принес на конкурс?

— Он хотел, — твердо сказала Анита. — Об этом я и пришла поговорить с вами. Он вырезал замечательного коня, но я сломала его, когда Лука не видел. Я очень жалею о своем поступке и пришла спросить, нельзя ли это поправить, чтобы Лука все-таки получил приз?

Учитель молча смотрел на нее. Ее щеки горели, а глаза изучали какой-то сучок в половице.

— Но у меня нет другого приза, — наконец отозвался он. — Было ведь всего два. Один вручили Петру, а другой — тебе.

— Тогда нужно отдать Луке приз, который достался Петру. Ведь приз давался за самую лучшую работу, а конь Луки намного лучше, чем медвежата Петра.

— О нет, — ответил учитель. — Этого я не могу сделать. Петр получил свой приз заслуженно. И мы не можем его забрать. Если ты действительно хочешь, чтобы Лука получил приз, ты должна отдать ему свой. Это ведь по твоей вине он не получил его, не так ли?

— Да, это так, — согласилась Анита.

Целых три минуты она просидела молча, размышляя. Ее призом была красивая книга с видами всех гор Швейцарии. Она лежала в выдвижном ящике комода, завернутая в бумагу, и была самым ценным достоянием Аниты. Конечно, она просто могла бы сказать: нет. Учитель никогда бы не стал принуждать ее отдать книгу. Но бабушка ведь рассказывала ей о совершенной любви. Господь Иисус со Своей совершенной любовью жил в ее сердце, и Он не захотел бы, чтобы она оставила эту книгу у себя.

— Я согласна, — наконец сказала Анита.

— Хорошо, — ответил учитель. Он знал, что за эти минуты Анита одержала большую победу.

— Принеси мне свою книгу, когда снова начнутся занятия. Я вручу ее Луке перед всем классом и разрешу детям посмотреть на вырезанных им животных.

Анита была согласна. Она робко взглянула на учителя, чтобы узнать, что же он теперь о ней думает. Наверное, он решил, что она очень и очень скверная девочка. Но учитель только улыбнулся ей, и Анита распроцалась с ним, совершенно уверенная, что отношение учителя к ней не изменилось.

Пустая телега тряслась по неровной заснеженной дороге. Анита ехала обратно домой. Поднявшись по ступенькам на крыльцо, она обернулась и остановилась. Даник с котятками на руках подошел и встал

рядом. Перед ними расстилалась прекрасная долина, освещенная солнцем. Анита посмотрела вниз, на сверкающие крыши домов и серебряные ручьи подолдом, ощутила теплую ручку Даника в своей руке и вдохнула полной грудью. «Еще сегодня утром долина была полна теней, — подумала она, — а теперь все залито солнечным светом». Она знала, что то же самое происходило и в ее сердце. Иисус вошел в него и наполнил его любовью, светом и мужеством.

* * *

Лука и Анита бодро шагали в гору. Они никогда еще не возвращались из школы вместе. Но теперь все было иначе. Это был самый счастливый день в жизни Луки. Без долгих объяснений учитель сказал детям, что во время каникул ему довелось увидеть очень красивые фигурки, вырезанные из дерева, и что он решил вручить еще один приз. К всеобщему удивлению, учитель вызвал Луку и выдал ему приз. Анита, ожидавшая, что учитель расскажет классу всю эту историю, чуть не упала в обморок. Но увидев, что он не собирается этого делать, облегченно вздохнула.

Затем все дети окружили Луку и стали громко восхищаться маленькими резными животными. Громче всех восхищался веснушчатый Петр. Он искренне заявил, что на его счастье эти фигурки сдали так поздно — иначе он никогда не получил бы главный приз. Ребята с этим дружно согласились. Потом всем захотелось посмотреть книгу, которую учитель вручил Луке. Девочки удивились:

— Это же точно такая книга, как у Аниты.

Анита, волнуясь, ожидала, что Лука признается им во всем. Но он только спросил:

— Правда? — и незаметно подмигнул Аните.

Теперь они вдвоем шли из школы домой. Когда другие дети скрылись из виду, Лука протянул книгу Аните.

— Получить приз было очень приятно, — сказал он, — но я не могу оставить его себе. Правда, Анита, я не могу. Это твоя книга, я просто не могу отобрать ее у тебя.

Анита покачала головой.

— Нет, ты должен оставить ее себе, — возразила она. — Учитель дал ее тебе, она теперь твоя.

— Хорошо, — ответил Лука, — в таком случае, она будет принадлежать нам обоим. Допустим, этот месяц она будет у меня, а следующий — у тебя, а потом опять у меня.

Лицо Аниты посветлело: ей очень хотелось иметь эту книгу.

— Отлично, — отозвалась она. — Если ты так хочешь, я согласна. В первый день каждого месяца мы будем меняться.

Так и решили: первого числа каждого месяца в пять часов после обеда владелец книги приносит ее соседу. Это было правильное решение. Ибо каждый раз обмен книги будет напоминать им, что источник счастья — это прощение, готовность помогать друг другу, делиться друг с другом.

— Давай сядем на это толстое бревно и посмотрим картинки, — предложил Лука.

Они счистили снег с поваленного дерева, уселись и, положив книгу на колени, начали перелистывать ее. Лука еще никогда не видел ничего подобного. Он очень любил горы и даже изучал путеводители. Теперь он показывал Аните разные пути подъема в горы.

— Это самый лучший подъем на Матерхорн, — сказал он, показывая пальцем дорогу. — По этому пути я первый взберусь на эту гору.

Анита, болтая ногами, сидела рядом и думала, как бы ей хотелось тоже быть мальчишкой, чтобы вместе с Лукой взбираться на горы. Долго сидели они так под лучами ясного полуденного солнца и чистым голубым небом, на фоне снежных вершин. Было так хорошо вместе рассматривать картинки. Они совсем забыли о времени, как вдруг неподалеку раздался обиженный детский голосок:

— Анита, бабушка разрешила мне пойти тебе на встречу. Обед давно готов, и я уже поел.

Это был Даник. Он стоял возле них, тяжело опираясь на свои костыли. Он устал и раскраснелся от долгой ходьбы. Чувствуя себя виноватой, Анита спрыгнула с бревна.

— Даник, — озабоченно вскричала она, — тебе же нельзя так далеко ходить! Как ты теперь вернешься домой? Нам сейчас же нужно возвращаться.

Медленно поднимались они в гору втроем. Даник очень устал — он никогда еще не заходил так далеко на своих костылях. Так как за каждым следующим поворотом дороги он ожидал увидеть сестру, то ковылял все дальше и дальше, пока не зашел слишком далеко. Луке стало жалко малыша, и он посадил его к себе на плечи, а Анита несла костыли. Лука донес Даника прямо до дверей дома. Но шли они всю дорогу молча. Какая-то натянутость возникла между Анитой и Лукой. Оба думали о том, что, несмотря на прекращение вражды между ними, Даник оставался хромым и ничто не сможет дать ему новую ногу: ни прощение, ни примирение.

— У меня нога болит, — ныл Даник. — Положи меня на кровать, Анита.

Она бережно опустила его на кровать, посадив к нему всех его котят. Потом села рядом. Отец снова вернулся к работе во дворе, а бабушка, побранив ее немного за опоздание, пошла на кухню. Анита тоже присоединилась к ней. Бабушка стояла у стола и снимала с молока сливки. Анита принялась помогать ей.

— Что случилось, Анита? — спросила вдруг бабушка. — Почему ты такая печальная?

Анита молчала. Наконец она не выдержала и сказала:

— Бабушка!

— Да, внучка?

— Бабушка, ты говорила, что если Иисус войдет в мое сердце, Он разгонит все мои злые мысли о Луке и поможет мне любить его. На прошлой неделе все было хорошо. Но когда я вижу, что у Даника болит нога, и

думаю о том, каким здоровым он был раньше, все старые мысли приходят снова.

— В этом нет ничего странного, — ответила бабушка. — Каждый день в твое сердце будут стучать злые, эгоистичные мысли. Они хотят снова вернуться в твое сердце. Не пытайся освободиться от них собственными силами. Проси Иисуса рассеять их Своей любовью. Размышляй об этой любви всегда и всюду. Читай о ней в Библии. Если твое сердце постоянно будет наполнено этой любовью, в нем просто не найдется места для плохих мыслей.

— Где именно в Библии говорится о Божьей любви? — спросила Анита.

— О любви говорит вся Библия, — ответила бабушка. — По вечерам мы сейчас читаем Евангелие от Марка, не так ли? Там каждая страница дышит любовью Иисуса: Его любовью к ученикам, Его любовью к врагам, Его любовью ко всем бедным и страдающим людям, Его любовью к маленьким детям. Начни внимательно читать историю жизни Иисуса и размышляй о Его любви. И запомни: как раз эта любовь и вошла в твое сердце, когда ты просила Господа войти туда.

— Хорошо, — рассеянно ответила Анита, а про себя подумала: «Я начну сегодня и потом каждое утро, когда проснусь, буду читать по одной истории о любви Иисуса».

Глава 22

СЕРЬЕЗНОЕ РЕШЕНИЕ

Лука шагал домой, погрузившись в тяжелые мысли. Жалкий вид уставшего Даника очень опечалил его. Аните было проще: она смогла заплатить за свою несправедливость и все исправить. Но с ним дело обстояло иначе. Исправить ногу Даника невозможно.

«Почему она простила меня и почему стала совершенно другой?» — спрашивал он себя уже сотый раз. Сначала ему казалось, будто все дело в том, что он нашел ее там, наверху, в снегу, но потом понял: за этим скрывается что-то большее. Анита говорила о какой-то двери, которую она открыла Иисусу, а ее бабушка — о любви, изгоняющей самолюбие и жестокость. Горный старик тоже рассказывал о милосердии и прощении. Может быть, когда открываешь дверь — что бы это ни значило, — милосердие и прощение входят в нее вместе с любовью? Может быть, они все вели речь об одном и том же? Во всяком случае, Анита очень изменилась с тех пор, как открыла дверь Иисусу. Какой гордой и непримиримой была она раньше! А теперь стала приветливой и скромной. Это заставило

Луку подумать о том, что Иисус Христос не только был Кем-то, Кто жил очень давно, во времена библейских историй, но и Тем, Кто продолжал творить чудеса и сегодня.

С этой мыслью он подошел к крыльцу своего дома. Полчаса тому назад, когда они с Анитой сидели на бревне, небо было синим и спокойным. А теперь огромные тучи сгущались над горами и дул холодный ветер.

— Будет буря, — сказал Лука самому себе.

Скот в хлеву беспокойно топтался, предчувствуя перемену погоды. Лука быстро вошел в дом.

— Садись к столу, — пригласила мать, — ты сегодня что-то очень поздно. Хорошо, что после обеда нет занятий: тучи сгущаются, и будет метель. Что это за книга там у тебя?

— Приз, — ответил Лука. — Мне его дал учитель. Он увидел несколько моих фигурок во время каникул.

— Правда? Это очень справедливо, — заметила мать. — А он знает о поломанном коне?

— Да, — быстро проговорил Лука и поспешил перенести разговор на другую тему.

Ему не хотелось отвечать на мамины вопросы: не стоило рассказывать ей о поступке Аниты. Мыслями Лука продолжал возвращаться к этой истории и позже, уже сидя в зале и строгая над газетой. Мать была занята на кухне, и никто не мешал ему.

«Я попросила Иисуса войти», — сказала ему Анита. А потом бабушка помогла им найти некоторые стихи в Библии. Может быть, он сам сможет найти их? Лука подошел к полке и взял большую семейную Библию, покрытую пылью. Мама читала ее не часто, и он плохо знал Библию, только то, о чем им рассказыва-

ли в школе. Он не знал, где находится тот бабушкин стих, но помнил, что это где-то в конце книги. Найти его он так и не смог, но обнаружил много других стихов. Он нашел Евангелия, многие истории из которых он знал по школе: о том, как Иисус исцелял больных, воскрешал мертвых, делал зрячими слепых. Да, и еще он нашел там историю про то, как Иисус исцелил хромого человека, после чего тот стал ходить.

«Встань, возьми свою циновку и иди»*, — говорит ему Иисус.

Если Иисус действительно живет и сегодня, и если Он изменил сердце Аниты, почему бы Ему не исцелить и Даника, чтобы тот снова мог нормально ходить? Лука давно уже не молился. Только совсем маленьким мальчиком он читал иногда заученные молитвы вместе с матерью.

Теперь он пробрался в коровник и проворно полез по лестнице на сеновал. Он опустился на колени на том же месте, где почти год назад лежал, заливаясь слезами. Правда, он все еще не понимал, что значит открыть дверь Иисусу. Но в этот момент он верил, что Бог присутствует здесь и слышит его молитву. Из глубины своего сердца он начал молиться, чтобы Бог исцелил Даника и сделал так, чтобы тот смог ходить, как раньше. Лука пробыл наверху довольно долго. Потом спустился в сарай и подоил коров. Когда он открыл дверь, чтобы отнести ведра с молоком в дом, снежная волна, поднятая ветром, чуть не сбила его с ног. Мать стояла у окна в кухне и озабоченно наблюдала за начинавшейся вьюгой.

* Евангелие от Иоанна 5:8.

— Будет пурга, — сказала она, — тебе, наверное, придется взять фонарь и пойти навстречу сестре. Сегодня рано стемнело.

Едва она успела это произнести, как дверь распахнулась и, совсем запыхавшись, на пороге появилась Мария. Снег примерз к ее волосам и прилип к пальто, но она смеялась.

— Ох, еле дошла до дому! Совсем выбилась из сил, сопротивляясь ветру, — проговорила она, снимая с себя промокшие сапоги и пальто. — Я так устала, думала, ты, Лука, пойдешь мне навстречу с фонарем. Мама, ужин готов? Я умираю с голоду.

Семья уселась за стол. Щеки Марии все еще горели, как красные яблоки. Она возбужденно болтала:

— Ну и день у меня сегодня был! Люди непрерывно приходили и уходили из гостиницы. Как они в такую погоду еще занимаются спортом — не представляю. Я просто с ног сбилась. Правда, некоторые из них хорошо раскошелились. Посмотри, мама, — она вытащила из кармана ассигнацию и протянула ее матери.

Госпожа Марель с радостью взяла ее. Как и ее ближайшие соседи, она с большим трудом сводила концы с концами на своей маленькой ферме. Мария же, как хорошая дочь, регулярно приносила домой свой заработок.

— Кто дал тебе так много? — поинтересовалась мать.

— О, один очень славный господин, — щебетала Мария, — и я думаю, он очень известный человек. Жена директора гостиницы рассказывала мне про него за обедом. Этот господин замечательный хирург

и способен излечить любой перелом. Он работает в больнице внизу, у озера. Люди со всей Швейцарии едут к нему, и он их излечивает.

При этих словах у Луки чуть не остановилось сердце от волнения. Он приподнялся над столом.

— Мария, — вырвалось у него, — а смог бы этот врач исцелить Даника Бурни?

Мария с удивлением посмотрела на своего брата. Она и не подозревала, что он все еще беспокоится о маленьком Данике Бурни.

— Я не знаю, — ответила она. — Даника пришлось бы отвезти в больницу у озера, чтобы врач обследовал его. Но на это у Бурни никогда не хватит денег. Такие знаменитые врачи требуют очень большой платы, Лука. Все коровы Бурни столько не стоят.

«В больницу у озера, внизу», — проносилось у него в голове. Луке, который никогда еще не выходил за пределы своей долины, это казалось краем света. Но он попытался снова:

— Мария, а если отвезти Даника в гостиницу завтра утром?

— Врач уезжает завтра рано утром первым поездом, а багаж его уже сегодня отправили на вокзал.

— А что, если отвезти Даника сегодня вечером? Серьезность брата тронула Марию.

— Нет, Лука, — сказала она с сожалением. — Кто же повезет ребенка в такую погоду? Кроме того, последний поезд уже давно ушел, а перевал в такую ночь занесет снегом. Это исключено. И вообще, я уже сказала тебе, что у Бурни нет на это денег. Перестань мучиться из-за Даника, Лука. Ты же не нарочно столкнул его. И, между прочим, он совершенно счастлив,

прыгая на своих костылях и получая все, что хочет, от своей бабушки.

Лука ничего не ответил на это. Сестра же принялась рассказывать о других посетителях гостиницы и о том, что сказала официантка дворнику, а директор — повару. Лука не слышал ни слова. Он принял серьезное решение.

Но на его пути лежало три препятствия. Во-первых, врач потребует большой платы, а у Луки нет денег. Но тут он вспомнил о горном старике. У него ведь была большая сумма денег, его только нужно уговорить, и он отдаст их. Во-вторых, перевал наверняка засыпан снегом, но все равно можно попробовать. Даже если он не справится, он все же попытается сделать все, что может. В-третьих, согласится ли врач приехать сюда? Захочет ли он пожертвовать уже намеченным возвращением домой, в свою знаменитую больницу, и уехать в противоположную сторону с мальчишкой, которого вообще не знает, и потом еще идти в пургу — и все ради какого-то крестьянского ребенка?

Это было очень сомнительно. Но вдруг он согласится? Мария же говорила, что он очень хороший врач.

— Я поел, мама. Спасибо, — сказал Лука. — Я пошел к себе наверх.

Глава 23

НЕОБЫЧНОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ

Лука вошел в свою комнату и начал быстро собираться. Он вытащил из шкафа тулуп, нахлобучил на уши теплую заячью шапку и надел самые крепкие сапоги. Потом написал записку маме, сообщая, что вернется только утром. На цыпочках он спустился по ступенькам на кухню, положил в карман хлеб и сыр, захватив еще коробок спичек. Затем тихо отодвинул засов на задней двери дома и прокрался к хлеву. Там на стене висел большой фонарь. Лука зажег его, и свет фонаря немного ободрил мальчика. Он постоял, раздумывая, взять ли с собой лыжи, но потом решил, что для лыж уже слишком темно.

Открыв заднюю дверь хлева, он ступил на заснеженный луг. Ему удалось уйти незамеченным, и необычное приключение началось. Сильный порыв ветра чуть не опрокинул его. Если уже здесь такой ветер, то что будет на перевале? Ветер мог сдуть его куда-нибудь в сугроб и похоронить там. Но это его

пока не волновало. Об этом он успеет подумать, когда достигнет перевала. Теперь главное — добраться до старика.

Зайти в лес было просто спасением. Хотя деревья сильно раскачивались и повсюду слышался треск веток, здесь он чувствовал себя в безопасности. Кроме того, на лесной дороге снег был не таким глубоким, как в открытом поле. Лука зашагал быстрее. Продвигаться вперед стало легче, он уже не увязал в снегу. Все дальше и дальше уходил он, пробираясь между высокими деревьями, пока наконец не увидел впереди ободряющий желтый свет в окнах домика горного старика. Приближался конец первой части его путешествия.

Собрав все свои силы, чтобы противостоять ветру, он снова вышел в открытое поле и, дойдя до домика, постучал в дверь.

— Кто там? — раздался настороженный голос.

— Это я, Лука.

Дверь мгновенно открылась, и старик втащил его внутрь.

— Лука, мальчик мой! — воскликнул он, удивленно уставившись на него. — Что привело тебя сюда в такую погоду и в такое время? Что-то случилось?

Лука сел на скамью у стены, чтобы перевести дыхание. Ему было очень страшно просить у старика денег, но выхода не было.

— Вы как-то говорили мне, — начал Лука, глядя в лицо старика глазами, полными мольбы, — что у вас есть много денег, которые вы отдали бы тому, кто в них очень нуждается. Я нашел того, кто в них действительно нуждается. Если бы вы отдали мне

эти деньги, то, я думаю, удалось бы вылечить Даника Бурни.

— Как это? — спросил старик, внимательно глядя на мальчика.

— В гостинице, где работает моя сестра, остановился врач, — объяснил Лука. — Он лечит хромых людей и может исправлять сломанные кости. Я сейчас иду к нему, чтобы попросить его прийти и осмотреть Даника. Но моя сестра говорит, что понадобится много денег.

— Ты хочешь идти сейчас? — переспросил старик. — В такую погоду? Что ты придумал! Ты с ума спятил, малыш! В такую погоду ты не перейдешь через перевал.

— Перейду, — упрямо сказал Лука. — Пурга началась только несколько часов назад, и снегу напало еще не очень много. Если я потороплюсь, то, может быть, смогу пройти. Но без денег все это бесполезно.

Старик ответил не сразу. Казалось, он боролся с собой.

— Я отдал бы тебе деньги, если бы хоть немного знал этого врача, — сказал он наконец. — Я не хочу просто так потратить или потерять их. Откуда мне знать, честен ли он? А имя его ты хоть слышал?

— Его зовут господин Гивет. Моя сестра говорит, что он очень известный человек.

— Господин Гивет, — повторил имя старик.

При этом его голос странно изменился. Ничего больше не сказав, он повернулся, вытащил из одного из своих резных ящичков ключ и открыл им маленький шкафчик, висевший над кроватью. Оттуда он вытащил старый носок, набитый денежными купюрами.

— Отдай это господину Гивету. Скажи, что все это принадлежит ему, если он вылечит этого ребенка. Скажи ему... Скажи ему, Лука, что это уплата долга, — вымолвил он, и голос его слегка задрожал.

Лука взглянул на старика, но удивляться было некогда. Сунув всю пачку за пазуху, он застегнул рубашку и тулуп и направился к двери.

— Спасибо, большое-пребольшое! — сказал он быстро. — Я потом приду к вам и расскажу, чем все кончилось.

Старик подошел к двери, чтобы проводить его, и высоко поднял фонарь, освещая дорогу. Лука сделал несколько шагов, как вдруг старик громко позвал его.

— Лука!

Лука побежал обратно.

— Да, дедушка?

— Не забудь мой наказ!

— Нет, нет, — ответил Лука. — Я должен сказать, что это уплата долга. Я не забуду, до свидания, дедушка!

Он отправился снова, вглядываясь в темноту. Но тут старик опять позвал его.

— Лука!

Мальчик снова побежал назад. Эта задержка начала выводить его из терпения.

— Да, что еще?

— Ничего не рассказывай ему обо мне, хорошо? И не называй ему моего имени, слышишь, Лука!

— Я даже и не знаю вашего имени.

— И не говори ему, где я живу.

— Нет, дедушка, нет, — ответил Лука. В спешке он даже не задумался над странным поведением старика.

— Я скажу ему, что это уплата долга. До свидания.

Лука спешил назад, проваливаясь в глубокий мягкий снег, боясь, как бы старик не вернул его еще раз. У опушки леса он обернулся и махнул фонарем. Несмотря на снегопад, он рассмотрел на пороге дома черный силуэт старика, который все еще стоял у открытой двери с фонарем. Лука должен был торопиться. Снег валил и валил, и вскоре перевал станет непроходимым, а может, через него уже и сейчас не пройти. По крайней мере пешком через него наверняка не пройдешь! Поэтому он решил заскочить домой и взять лыжи.

Спотыкаясь и увязая в снегу, Лука миновал последний луг. К счастью, коровник был еще открыт, и с чрезвычайной осторожностью Лука вошел внутрь. Едва он успел снять со стены лыжи, как вдруг с противоположной стороны распахнулась дверь и в коровник с зажженным фонарем вошли его мать и Мария. Лука поставил лыжи у стены и бросился на грязный пол, спрятавшись за самой большой коровой.

— Его и здесь нет, — сказала мать с тревогой в голосе, освещая все вокруг фонарем. — Я думаю, ты права, Мария! Он вбил себе в голову добраться до того врача. Наверное, уже шагает по горной дороге. Вот глупыш, даже лыж с собой не взял. Удастся ли нам уговорить господина Бурни поехать за ним вслед? Пешком ведь он не мог уйти далеко!

— Я думаю, это самое лучшее, — согласилась Мария. — Господин Бурни быстро догонит его, так что Лука не успеет дойти до перевала. Пойдем скорее, попросим его.

Они быстро вышли из коровника, а Лука, все еще прячась за коровой, вскочил на ноги. Ему нельзя было терять ни секунды. Им понадобится две-три минуты, чтобы надеть пальто и ботинки, а затем — четверть часа, чтобы в такую погоду добраться до дома Бурни. Еще десять минут, чтобы рассказать о случившемся, и еще пять — на сборы самого господина Бурни. У Луки полчаса в запасе, этого ему должно хватить. Хотя, конечно, он лишь двенадцатилетний мальчик, а господин Бурни — сильный и ловкий мужчина, который ходит на лыжах намного лучше его.

Очень осторожно Лука выбрался из коровника и зажег фонарь, успев погасить его, когда послышалось движение засова. Затем он встал на лыжи, закрепил их и отправился в путь, держа фонарь перед собой и низко наклонив голову. Снег слепил ему глаза. Спустившись вниз по лугам, он быстро достиг леса и укрылся в нем от ветра. Только здесь ему наконец удалось поднять голову, да и смотреть вперед стало легче. Затем дорога повела его по нижним лугам, окружавшим деревню. Ветер тут был не таким сильным, и Лука мог ехать быстрее.

Село выглядело безлюдным, но Лука с опаской оглядывался по сторонам, боясь, как бы кто не заметил его и не поинтересовался, куда он едет. Но в такую бурную ночь все сидели дома. В долине, где лежало село, ветер немного утих, и маленький путешественник почувствовал себя немного увереннее, особенно при виде света в окнах домов. Вскоре он пересек погруженную в тишину базарную площадь с замерзшим

колодцем. Скользя дальше — мимо молочной фермы, мимо вокзала, — он вышел на мост через речушку.

Здесь Лука остановился, чтобы перевести дыхание. Он находился в самой низкой точке долины. Отсюда дорога пойдет прямо в гору до самого перевала, лежащего между двумя высокими горами. Лука боязливо оглянулся, чтобы посмотреть, не догоняет ли его господин Бурни. Но вокруг не было ни души. И вдруг он почувствовал себя бесконечно одиноким. Ему так захотелось увидеть вокруг себя маленькие домики с теплым светом в окошках. На секунду даже подумалось: уж лучше бы господин Бурни догнал его... Но он тут же отбросил эти мысли и начал взбираться на гору. Снег был здесь не очень глубоким. Взяв лыжи на плечи, Лука продвигался вперед без особых затруднений. Он слышал, как воет ветер в лесу, но пурга уже начала затихать.

Подъем давался тяжело, и когда Лука дошел до леса, он почувствовал, что безумно устал. Мальчику снова стало страшно — ведь этот лес был ему незнаком. Он казался чужим и загадочным. Лука даже не был точно уверен, на правильном ли он пути. Если нет, то он мог внезапно очутиться на краю обрыва. Откуда-то издали слабо доносился шум горного водопада, смешанный с воем ветра. Лыжи становились все тяжелее и тяжелее.

Три часа Лука поднимался по лесу вверх. Страх его все возрастал. Ему приходили на ум слышанные прежде истории о страшных опасностях в горах — о снежных лавинах, предательских сугробах и падающих льдинах. Он вспомнил о сенбернарах, обученных

разыскивать пропавших путников. Но таких собак в этих местах не было. Сердце его сильно забилося. Он остановился и стал спрашивать себя: достигнет ли он вообще цели или же ему придется просто погибнуть здесь, в горах? Пока еще он мог повернуть обратно. На мгновение он даже остановился от удивления — как эта мысль не пришла ему в голову раньше? Как просто было снова встать на лыжи и поехать по извилистой лесной дороге вниз, домой. «Я сделал все, что смог, — сказал бы он дома, — но мне не удалось добраться». Бурни, несомненно, даже эту его попытку посчитал бы геройством.

Ветер опять усилился, большие деревья гнулись и скрипели. Он был уже почти на вершине горы, и лес кончился. А что, если на открытой снежной равнине перевала ветер подхватит его и бросит на скалы, как пушинку? Зубы его начали стучать, он заплакал.

— Мне так страшно, — всхлипывал он, — я больше не могу. Я знаю, что если пойду, то умру на перевале. Ах, если бы господин Бурни нашел меня!

Лука уже наклонился, чтобы надеть лыжи, но вдруг вспомнил те счастливые мгновения, когда он вместе с Анитой сидел у огня и бабушка говорила с ними о страхе. «Совершенная любовь изгоняет страх, — прозвучало у него в голове. — Если мы действительно верим, что Христос любит нас, нам больше нечего бояться». Лука привстал, все еще держась за крепления лыж. Эти мысли как будто сковали его. Значит, он не один. Бабушка говорила, что Иисус любит его. И если Он любит его, то никогда не оставит одного в темноте и опасности. Ему показалось, что

Кто-то, Кто намного сильнее ночи, бури и страха, приблизился к нему, взял его за руку и указал на дорогу вверх.

Лука снова вскинул лыжи на плечи и зашагал дальше.

«Совершенная любовь изгоняет страх», — повторял он про себя снова и снова. И это была правда. Ему больше не было страшно, потому что он перестал чувствовать себя одиноким.

Лука вышел из леса на открытое место. Теперь он думал только об одном: как пройти через равнину? Ледяной ветер дул прямо в лицо. Его ноги по колено проваливались в мягкий рыхлый снег. С большим трудом выбравшись из снега, он укрылся под деревьями и пристегнул лыжи. Затем, наклонившись как можно ниже, чтобы защитить лицо от встречного ветра, шаг за шагом стал продвигаться вперед. К счастью, снег перестал валить и небо выглядело уже не таким черным. Время от времени луна проглядывала сквозь бешено несущиеся облака. И тогда, поднимая на мгновение голову, Лука видел справа от себя высокие скалы. По ним он определил, что, если двигаться прямо, он выйдет на перевал.

Идти становилось все труднее, да и силы его были на исходе. Вдруг сильный порыв ветра сбил его с ног, и, задыхаясь, он упал в снег.

«Я никогда не смогу встать», — подумал Лука. Он так обессилел, что ему было все равно, встанет он или нет. Но тут Лука снова вспомнил о той совершенной любви и по-детски, чувствуя близость Спасителя, вместо молитвы просто протянул руки вверх, ожидая, чтобы Он его поднял. Через несколько минут маль-

чик почувствовал, что силы понемногу возвращаются к нему, и приподнялся. Тут он заметил, что равнина впереди плавно спускается вниз. Лука перешел через перевал!

Сердце его радостно забилось. Но нужно еще спуститься вниз. Теперь он был благодарен встречному ветру, потому что его ноги слишком устали и окоченели, чтобы управлять лыжами. Если бы не встречный ветер, он мчался бы вниз с огромной скоростью, а это было опасно. Теперь же он сидел на лыжах и съезжал на них, как на санках. От этого его ноги совсем занемели. Он до того замерз, что уже не чувствовал холода. Луке казалось, что он вот-вот уснет. Его охватила апатия. Вдруг он ощутил резкий толчок и сразу же пришел в себя. Оказалось, он въехал в большой сугроб. Выбравшись из него, мальчик стряхнул с себя снег и оглянулся. Он снова находился около леса. Как он сюда добрался, Лука и сам не знал. Он не помнил о том, как спустился с перевала. Минуты это были или часы, но Господь в Своей совершенной любви Сам вывел его на это место.

Чуть ниже, извиваясь меж стволов, шла узкая лесная дорога. Теперь Лука знал, что он на правильном пути, и это придало ему сил. И хотя было очень темно, он уже не боялся. Он тронулся в путь, но ехал очень осторожно, так как дорога была извилистая и запросто можно было свалиться в сугроб или удариться о ствол дерева. В открытом поле ветер совсем изнурил его, но здесь, в лесу, Лука был защищен от него. Большого он пока и не желал. Здесь было тихо и спокойно. Лука вдруг почувствовал, как сильно болят пальцы на руках и ногах. Но он лишь сжал зубы и,

стараясь смотреть только вперед, съезжал все дальше и дальше вниз. Иногда он останавливался и присаживался на лыжи отдохнуть.

Приближалось утро. Облака на небе совсем рассеялись, и выглянула луна. Ее свет пробивался сквозь заснеженные ветви деревьев и пятнами ложился на снег. Когда Лука выехал из леса, перед ним открылась глубокая равнина. Впереди виднелись тихие заснеженные поля в серебристом блеске, а дальше... Дальше вырисовывался темный силуэт города. Через полчаса он будет там и постучится в дверь гостиницы.

Глава 24

ВСТРЕЧА С ВРАЧОМ

В это утро господин Гивет проснулся очень рано. Первым делом он подумал о том, что в долине тихо, а значит, метель улеглась. Во-вторых, он вспомнил, что сегодня поедет домой. Эта мысль его обрадовала. Он был болен и на неделю приехал в горы, чтобы отдохнуть. Теперь господин Гивет чувствовал себя окрепшим и готовым к работе. Сегодня он первым поездом поедет вниз, к озеру, и к обеду уже окажется дома. Что это будет за встреча! Какой шум поднимут дети! Он улыбнулся при воспоминании о них. Крепкий коренастый Марк, веселая кудрявая Эльза, серьезный спокойный Павел и недавно родившаяся Клара были его радостью и сокровищем. Мысли его перетекли к их матери. Она была такой же веселой и кудрявой, как Эльза, хотя к концу дня ее веселье сменялось тяжелой усталостью. Если бы найти кого-нибудь, кто бы мог помогать ей по дому! Как только он приедет домой, нужно будет что-то предпринять.

Он встал, оделся и, хотя ему было уже около сорока, стал весело насвистывать во время бритья какую-

то мелодию. Едва он закончил бриться, как кто-то тихо постучал в дверь.

— Войдите, — сказал господин Гивет, немного удивившись. Была только половина шестого утра — слишком рано для заказанного завтрака.

Дверь открылась, и вошел ночной швейцар. У него был растерянный и немного удивленный вид, будто он хотел рассказать о чем-то странном и необъяснимом.

— Извините, господин, — начал он, — вы, случайно, не ожидаете гостя?

— Гостя? — переспросил господин Гивет, еще больше удивляясь. — В такой ранний час и в такую погоду? Нет, я никого не жду.

— Видите ли, — снова начал швейцар, — тут вот какое дело. Четверть часа тому назад я услышал стук во входную дверь. Открыв ее, я увидел стоящего на ступеньках мальчика с лыжами на плечах, лет около двенадцати. Он был белым как полотно и больше походил на привидение, чем на ребенка. «Я хочу видеть господина Гивета», — сказал он мне без всякого приветствия и сразу же опустился на порог, привалившись к косяку. «Послушай парень, — говорю я ему, — как ты можешь приходить в такую рань и вызывать кого-то для разговора? Господин Гивет еще спит». — «Тогда я подожду его», — говорит он мне, а голова его клонится к коленям. Я не мог смотреть на ребенка в таком состоянии. Я взял у него лыжи, завел в комнату и усадил за стол. «Откуда ты пришел?» — спрашиваю. «Из Придорей», — отвечает. «Как так? — удивился я. — Первого поезда ведь еще не было». — «Я перешел через перевал», — сказал он.

И чем больше я смотрел на этого мальчишку, тем больше я ему верил. Теперь он сидит в зале. Проходя мимо вашей двери, я увидел свет и решил зайти к вам и спросить, не хотите ли вы сами поговорить с ним?

— Да-да, я поговорю с ним, — ответил господин Гивет. — Но в том, что он перешел через перевал, я что-то очень сомневаюсь. Даже горные проводники не смогли бы пересечь перевал этой ночью. Там, наверху, творилось такое...

Швейцар пожал плечами и повел господина Гивета вниз. Но, войдя в зал, оба вскрикнули и бросились к мальчику: Лука упал со стула и лежал на полу без сознания. Врач поднял мальчика на руки.

— Я отнесу его в свою комнату, — бросил он испуганному швейцару. — Принесите мне несколько грелок и горячего кофе, только быстро!

Наверху, в комнате, он положил мальчика на постель. Сняв с него промокшие сапоги и носки, стал растирать его оковеневшие ноги. Затем стянул с ребенка заледеневшую одежду и укутал в одеяло. Тем временем в дверях показался запыхавшийся швейцар с грелками и дымящимся кофе. Врач обложил мальчика грелками. Не открывая глаз, Лука устало вздохнул.

— Так, хорошо, мой мальчик, — сказал врач. — Скоро тебе станет лучше.

Когда через несколько минут Лука открыл глаза, он увидел над собой озабоченное лицо какого-то мужчины. Он никак не мог понять: где это он? Луке было тепло и уютно и очень хотелось спать. Ему не хотелось двигаться, но было интересно, кто этот мужчина с таким приветливым лицом.

— Кто вы? — прошептал он.

Но мужчина не торопился с ответом. Он приподнял Луку и дал ему выпить горячего кофе. Мальчик глотал очень медленно, каждый глоток причинял ему сильную боль. Допив кофе, он спросил снова:

— Кто вы... и где я?

— Я господин Гивет, — ответил врач. — Ты, кажется, хотел меня видеть?

Лука тупо уставился на него. Он до того устал, что совсем забыл, зачем пришел сюда. Но под действием тепла и кофе постепенно он начал приходить в себя и наконец спросил:

— Это вы тот великий и знаменитый врач?

— Нет, я просто врач.

— Но вы можете делать хромым детей здоровыми?

— Это зависит от причины хромоты. Иногда — да.

— Он хромым, — медленно произнес Лука, — потому что упал с обрыва. Он ходит на костылях, и у него один ботинок с очень толстой подошвой.

— Кто это? — спросил пораженный врач.

— Маленький Даник Бурни. Ему шесть лет. Он живет по соседству со мной. Поэтому я пришел спросить вас, сможете ли вы вылечить его? У меня достаточно денег, чтобы заплатить вам.

— Но как ты узнал обо мне?

— Мне рассказала моя сестра. Она работает в этой гостинице.

— Как же ты добрался сюда в такую метель?

— Я перешел на лыжах через перевал.

— Ты не мог этого сделать, мальчик. В такую погоду это невозможно.

— Но я перешел, — повторил Лука. — Другой дороги нет.

И в самом деле, другой дороги ночью не было. Врач смотрел на мальчика, не веря своим ушам. Вдруг рука Луки скользнула под рубашку и вытащила оттуда туго набитый чулок.

— Вот, господин, — сказал он, — будет ли этого достаточно, чтобы вылечить его?

Врач вытряхнул содержимое чулка. При виде такой суммы денег у него вырвался возглас удивления.

— Мальчик, — сказал он твердым голосом, — прежде всего я должен знать, откуда у тебя столько денег. Знаешь ли ты, сколько здесь?

— Нет, — ответил Лука устало, — но сестра говорила, что вы много потратите за лечение. Хватит ли этого?

— Здесь слишком много, — ответил врач. — Но откуда они у тебя?

— Один старик, с которым я дружу, дал их мне, — сонно пробормотал Лука.

Его глаза слипались, и казалось, не существует силы, способной удержать их открытыми.

— Он просил передать вам, что это уплата долга и чтобы вы взяли все.

— Кто этот старик? — спросил господин Гивет. — Скажи мне, и тогда можешь спать. Как его зовут?

— Я не знаю. Пожалуйста, — взмолился Лука, — он взял с меня обещание не говорить вам о нем.

При этом глаза его закрылись, он устало склонил голову и крепко уснул. Врач Гивет оказался в затруднительном положении. Через сорок пять минут отходил его поезд. Но мальчик, лежавший перед ним, рискнул жизнью, чтобы прийти к нему. Все это могло окончиться трагически. И теперь он не смел разоча-

рывать такую решимость и отвагу, отказавшись помочь маленькому калеке.

Он осторожно вышел из комнаты, спустился вниз к телефону и позвонил своей жене.

— Это ты, Марта? — начал он. — Дорогая, я очень сожалею, но у меня получится приехать только поздно вечером. Произошло нечто необычайное...

И он доверил всю эту трогательную историю доброму сердцу своей жены.

Когда он возвращался к себе в номер, его чуть не сбила с ног подлетевшая к нему девушка. Ее глаза были красными, в лице ни кровинки. Она судорожно схватила его за руку.

— О господин, — рыдала она, — швейцар только что сказал мне, что мой маленький брат цел и невредим, что он у вас наверху. О господин, мы с матерью уже думали, что он лежит где-нибудь под сугробом. О господин...

Врач усадил ее рядом с собой в зале и попытался добиться от нее каких-нибудь толковых объяснений. Но она могла говорить только об ужасной ночи, которую они с матерью пережили. Господин Бурни всю ночь искал Луку. Они сказали ему, что тот ушел пешком, и он потратил много времени, обыскивая опушку леса и все сугробы. Ведь это невероятно, чтобы ребенок мог пройти пешком через занесенные снегом поля и перейти через перевал, но ветер и пурга замели все следы. На лесной дороге господин Бурни нашел несколько следов, но они терялись у опушки леса. Господин Бурни обшарил все сугробы и рано утром возвратился назад ни с чем.

О Данике Мария смогла сообщить очень мало. Она была слишком расстроена, чтобы работать сегодня.

Теперь, узнав, что Лука нашелся, ей хотелось немедленно отвезти его домой. Она намеревалась сейчас же позвонить на почтамт в свое село, чтобы оттуда послали кого-нибудь к ним с доброй вестью — успокоить мать. Но врач Гивет и слышать не хотел о возвращении Луки. Он предложил, чтобы Мария ехала одна, а когда мальчик проснется, они приедут с ним поездом. И попросил ее, чтобы кто-нибудь с санями ждал их на вокзале — Лука еще слишком слаб, чтобы идти пешком. Мария согласилась с доктором и поспешно ушла.

Господин Гивет вошел в свою комнату. Лука лежал в том же положении, в котором его оставили. Но лицо его немного порозовело, и выглядел он гораздо лучше. Господин Гивет сел рядом с ним и задумался. Его не оставляла мысль: каким образом мальчик стал обладателем такой крупной суммы денег? Кем был тот старик и что за странные слова — «уплата долга»? Он решил сам во всем разобраться.

Глава 25

ДВЕ ВСТРЕЧИ

Лука проснулся только к обеду. Он снова долго не мог вспомнить, где он. Все его тело болело, но это была тихая боль, ведь пока ему не нужно было двигаться. Господин Гивет услышал шорох и подошел к кровати.

— Ну, — спросил он ласково, — как ты себя чувствуешь?

— Хорошо, спасибо, — ответил Лука и тут же, вспомнив, что он спал, с тревогой добавил: — Будет ли у вас еще время посмотреть маленького мальчика, о котором я вам рассказывал?

— Да, — ответил врач, присаживаясь возле него. — Мы поедем после обеда. Я позвоню сейчас, чтобы сюда принесли обед на двоих. А пока мы будем есть, ты расскажешь мне все, что знаешь, о том маленьком мальчике и старике, который дал тебе эти деньги.

— О старике я вам ничего не могу рассказать, господин, — тихо ответил Лука, — потому что я обещал ему ничего не говорить. Это секрет. Кроме меня, больше никто не навещает его. Все, что я мог вам сказать,

я сказал. Это уплата долга. И это все, господин. Он так добр ко мне — я не могу не сдержать своего обещания.

— Ну хорошо, — смирился врач. — Я больше не буду спрашивать о нем. Расскажи мне о Данике. Как и когда это случилось?

Врач заметил, что при последних словах Лука замешкался и сильно покраснел. Он ответил не сразу. Ему не хотелось рассказывать новому человеку о случившемся. Но так как врач все равно узнает правду от семьи Бурни, уж лучше пусть он узнает ее от него.

И Лука решил:

— Это моя вина. Все произошло прошлой весной. Я дразнил его — сделал вид, будто хочу бросить его котенка в горный поток, а потом не нарочно действительно уронил его. Даник попытался спасти котенка, но упал со скалы и сломал себе ногу. С тех пор он не может ходить нормально, а только на костылях. И я думал...

Губы его задрожали, и он перешел на шепот.

Но для врача сказанного было достаточно. Он любил и понимал детей. За обрывочными словами господин Гивет уловил целую трагедию. Он понял, что этот измученный мальчик, лежащий перед ним на кровати, горько наказан за совершенный проступок.

— Лука, — сказал он, — мы поедем вместе к Данику. Очень может быть, что Бог через тебя решил помочь ему. Ты знаешь, Лука, в тебе есть много хороших качеств, за которые ты можешь благодарить Бога. Я думаю, что Он совершенно особым образом охранял тебя прошлой ночью, иначе ты ни за что не перешел бы через перевал.

— Да, я знаю, — робко ответил Лука. — Ведь только вчера я молился, чтобы Бог помог Данику. А потом, когда я услышал о вас, я подумал, что вы и есть ответ на мою молитву. Позднее, уже в лесу, мне стало очень страшно и я чуть не повернул назад. Но я вспомнил то, что слышал на Рождество, и решил идти дальше.

— Что же ты вспомнил? — ласково спросил господин Гивет.

— Я вспомнил один стих из Библии, который бабушка Даника читала нам, — медленно начал Лука. — В нем говорится о том, что совершенная любовь изгоняет страх. И потом бабушка сказала, что любовь Иисуса совершенна. После этого мне больше не было страшно, и я пошел дальше. Я точно не помню, как там все происходило наверху, но я благополучно спустился вниз.

— Да, — сказал врач, — я тоже думаю, что только совершенная любовь Господа сохранила тебя в той пурге. Она помогла тебе преодолеть страх и повела тебя по правильному пути. Он был очень, очень добр к тебе, Лука. Давай сейчас поблагодарим Его за это.

Лука спрятал лицо в подушку, а господин Гивет опустил на колени и начал молиться. Он поблагодарил Спасителя за Его совершенную любовь, которая сильнее пурги и бури, которая вела Луку в темноте и избавила его от страха и смерти. Затем он помолился о маленьком Данике и попросил, чтобы Бог дал ему необходимую для лечения мальчика мудрость.

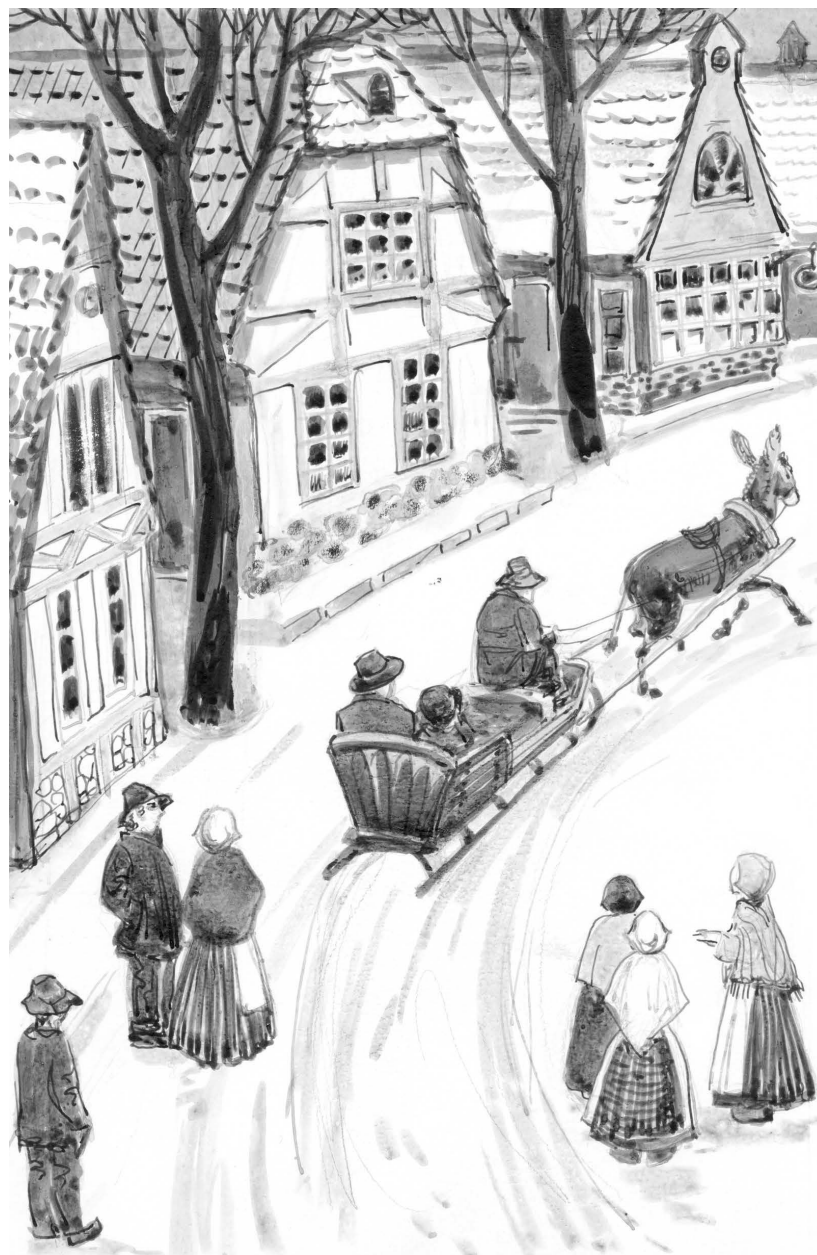
Лука, лежа в постели, тоже молился, но только про себя.

«Господь Иисус, — говорил он из глубины своего сердца, — Ты был так близок ко мне на горе, и я не боялся. Не уходи от меня больше. Я хочу открыть свою дверь, как Анита. Пожалуйста, войди».

* * *

Господин Бурни сам приехал на вокзал и повез Луку и врача Гивета к себе. Жители деревни высыпали из своих домов, чтобы посмотреть на знаменитого доктора. К этому времени все уже знали о происшедшем. Слава врача возрастала по мере того, как новость передавалась из уст в уста. Дети думали, что стоит ему только прикоснуться к больной ноге — и маленький Даник Бурни мгновенно исцелится. О Луке говорили как об отважном герое. Но он ничего не слышал — ослик шагал быстро, и его колокольчики громко звенели. Лука сидел в санях, прислонившись спиной к господину Гивету. Он и шага не мог сделать, и из вагона его вынесли на руках. Его мускулы до того онемели, что отказывались работать. Но, несмотря на усталость, мальчика переполняли радость и надежда. По мере приближения к дому Бурни струны его сердца, подобно колокольчику, позванивали все веселее и веселее.

Господин Бурни ехал молча. Он чувствовал ответственность за такого важного человека и немного побаивался, как бы резвый ослик не перевернул повозку на каком-нибудь крутом повороте. Это с ним случалось довольно-таки часто. Сани были большими, а дорога — очень узкой. Он беспокоился и о деньгах. Конечно, он отдаст последний грош на лечение Даника, но всех его сбережений было явно недостаточно

для такого знаменитого врача. Может быть, этот доктор примет от него в качестве платы молодого вола?

К счастью, они доехали до дома без всяких приключений. Господин Бурни помог врачу сойти с саней. Затем он поднял Луку на руки, отнес его в дом и посадил на диван в общей комнате. Он был очень рад видеть Луку живым после беспокойной ночи, проведенной в поисках мальчика. Бабушку, Аниту и Даника он увидел около печки на стульях. Они выглядели немного странно, будто собрались фотографироваться. Одежда на них была праздничная, и они замерли в чинных позах. Казалось, что они сидят вот так уже очень долго, ожидая редкую в здешних местах знаменитость.

Когда господин Гивет вошел, Анита и Даник разом посмотрели на бабушку и быстро встали. Бабушка из-за своего ревматизма осталась сидеть и просто кивнула головой вместо приветствия. Данику врач совсем не понравился. Он думал, что знаменитый человек будет одет в красный кафтан, подобно добрым волшебникам из Анитиной книжки, и приедет на белом коне. Господин же, который вошел в комнату, ничем не отличался от всех остальных людей. Даник очень разочаровался и обиженно выставил вперед нижнюю губу.

Врач присел на стул подальше от этой чопорной группы, а потом улыбнулся всем. У него была такая добрая и широкая улыбка, что Даник тут же забыл о своем разочаровании и улыбнулся ему в ответ. Господин Гивет засунул руку в карман, вытащил оттуда конфету и протянул ее мальчику.

— Хочешь конфетку, Даник? — спросил он.

Даник засиял и тотчас кивнул своей белокурой головкой. Конфета была намного лучше красного кафтана и белого коня.

— Иди ко мне и возьми ее, — сказал врач, внимательно наблюдая за тем, как Даник ковыляет к нему через комнату.

Он посадил его к себе на колени и протянул конфету. Врачу сразу же понравилась эта семья. Ему понравилась бабушка, которая теперь, подавшись вперед, следила за ним проницательным взглядом. Ее взгляд как бы говорил: это мой ребенок, смотри не обижай его, а то придется иметь дело со мной. Ему нравился отец с его честным, открытым лицом и сутулой от работы спиной. Ему нравилась эта аккуратная девочка с длинными белокурыми косами. Но больше всех ему нравился синеглазый малыш, сидевший у него на коленях и громко сосавший конфету. Он заметил также, что в этой семье нет матери, и недоумевал, старая ли женщина или маленькая девочка содержали дом в таком порядке.

— Нога болит? — спросил врач у Даника.

— Нет, — ответил Даник, — только иногда, когда я хожу без костылей. На моих костылях есть медвежьей головы, — похвастал он. — Хотите посмотреть?

— Очень даже хочу, — ответил врач.

И снова он внимательно наблюдал за движениями Даника.

— Я могу делать большие прыжки на своих костылях, — снова похвалился Даник. — Хотите, чтобы я сделал большущий прыжок?

— Да, сделай, пожалуйста, — попросил врач.

— Осторожно, Даник, не наткнись на стулья, — предупредила бабушка, которая обычно запрещала ему прыгать дома.

Анита быстро убрала с пола двух котят. Никто не мог предвидеть, где Даник приземлится. Прыжок получился очень удачным, и врач захлопал в ладоши.

— Отлично, — сказал он, — ты прыгаешь, совсем как кенгуру в зоопарке. Ну а теперь иди ко мне без костылей.

Даник поковылял к нему, улыбаясь и приволакивая хромую ногу. Врач улыбнулся ему в ответ и, снова усадив к себе на колени, сунул еще одну конфету.

Только теперь наблюдавшая за всем бабушка повернулась к Аните.

— Анита, — попросила она, — завари чай и принеси сюда тарелку с пряниками.

Казалось, что бабушка, прежде чем пригласить гостя к столу, должна была удостовериться, заслуживает ли он этого. Пока Анита готовила чай, врач положил Даника на стол. Он долго крутил и поворачивал в разные стороны ногу мальчика. Когда он закончил осмотр, чай уже был готов, и бабушка пригласила его к столу. Он принял приглашение, сел вместе со всеми за стол и, казалось, совсем погрузился в свои мысли.

— Ну, — сказала наконец бабушка с надеждой в голосе, — сможете ли вы помочь ему?

В ожидании ответа глаза всех присутствовавших устремились на врача. Один только Даник жадно смотрел на тарелку. Старшие забыли дать ему пряник, а протянуть руку и взять он боялся — это рассер-

дило бы бабушку. Это были очень вкусные пряники, а бабушка пекла их только раз в месяц.

Господин Гивет не сразу ответил на вопрос. Он повернулся к Данику.

— Даник, — сказал он, — ты бы хотел бегать, как другие мальчики?

Даник немного замешкался с ответом. Ведь он был единственным мальчиком в деревне, у которого имелись медвежьи костыли, и это придавало ему важности и выделяло среди других. Но потом он вспомнил, что скоро наступит весна и в горы погонят скот. Он сможет пойти вместе со всеми только в том случае, если будет бегать, как другие дети. Гонять коз было так интересно и весело, что Даник подумал: возможно, было бы неплохо снова стать нормальным мальчиком. Поэтому он сказал:

— Да, я бы хотел. Бабушка, а теперь можно мне взять пряник?

Но ему никто не ответил. Лука и Анита сидели бледные, держа свои чашки в руках и совершенно забыв про чай. Все, не отрывая глаз, смотрели на врача.

— Даник, — снова обратился врач к мальчику. — А где твоя красивая кошка?

— Она в сарае, — ответил Даник. — Хотите посмотреть? У нее теперь три котенка.

— Да, пожалуйста, — ответил врач, и Даник поковылял искать Белоснежку.

Проходя мимо стола, он взял с тарелки два пряника, но никто, казалось, не заметил этого. Как только за Даником закрылась дверь, врач повернулся к отцу.

— Я думаю, что смогу помочь вам, — очень серьезно сказал он. — Точно я смогу ответить позже, когда

увиджу рентгеновский снимок. Мне кажется, кость срослась неправильно, и поэтому одна нога короче другой. Мне придется снова сломать ее и вытянуть в правильное положение. Но для этого потребуются операция и продолжительное лечение в больнице. Отдадите ли вы его в больницу?

Отец нервно потер руки и беспомощно посмотрел сначала на бабушку, потом на Аниту. Уже одно это слово — «операция» — звучало ужасно, кроме того, он слышал, что серьезные операции очень дороги. В таком случае он не сможет заплатить за нее.

— Сколько же это будет стоить? — спросил он наконец.

— Операция вам ничего не будет стоить, — ответил врач. — Лука уже за все заплатил. Мне некогда объяснять, потому что ваш маленький сынишка сейчас вернется. Отдадите ли вы его в больницу? Мы должны решить это немедленно.

— Да, — ответила бабушка за отца.

— А когда? — поинтересовалась Анита.

— Завтра утром, — ответил врач. — Я уезжаю первым поездом и возьму Даника с собой.

— Куда это я поеду на поезде? — раздался внезапно тонкий голосок.

Даник так тихо вошел через заднюю дверь, что никто и не заметил. Теперь он, сияя, стоял возле врача — он притащил всех своих котят. В поезде он был всего лишь один раз в жизни, да и то десять минут, но запомнил это событие надолго. Никто не ответил на его вопрос, все продолжали смотреть на врача.

— Куда, бабушка? — еще раз спросил Даник.

Врач повернулся к мальчику.

— Даник, ты поедешь со мной к озеру. Ты побудешь у меня некоторое время, и я думаю, что вылечу твою ногу. Поедешь со мной?

Даник подозрительно посмотрел на врача.

— И Анита, и бабушка, и папа, и Белоснежка, и котята? Они все тоже хотят поехать со мной.

— Нет, Даник, — ответила Анита, — мы не можем поехать. На этот раз ты должен поехать один. Господин врач будет заботиться о тебе, и ты скоро вернешься домой.

Но проговорив это, Анита сама чуть не расплакалась. Результат ее слов был потрясающим. Даник бросился вместе с котятами в объятья Аниты и разразился громкими воплями. Никогда дом Бурни не видел такого отчаяния! Анита обнимала и целовала его, бабушка хлопала в ладоши и трясла мальчика, а отец совал в его сжатые кулачки пряники. Но все было напрасно. Члены семьи беспомощно смотрели друг на друга. Врач понял, что если он немедленно что-нибудь не придумает, все усилия пропадут даром. Он повернулся к бабушке.

— Умеет ли девочка присматривать за детьми? — громко спросил он.

— Она вырастила Даника, — так же громко ответила бабушка.

— Тогда пусть она едет вместе с братом, — предложил врач, стараясь перекричать вопли Даника. — Она сможет помогать моей жене.

— Даник, — закричала Анита, тряся его изо всей силы, чтобы он услышал, — я тоже еду с тобой!

Даник мгновенно перестал кричать, три раза всхлипнул и улыбнулся.

На этот раз врач не улыбнулся в ответ. Он поднял мальчика к себе на колени и серьезно сказал ему:

— Ты очень избалован, Даник. Если ты приедешь ко мне в больницу, тебе придется делать то, что тебе скажут, без всяких капризов и криков.

Даник радостно захлопал в ладоши.

— И Анита тоже, — и снова улыбнулся. Он знал, что выиграл и на этот раз.

Врач опустил Даника на пол.

— Я хотел бы отвезти домой Луку, если вы одолжите мне свои сани, — сказал он. — А теперь я говорю вам всем до свидания! Анита и Даник встретят меня завтра на вокзале в половине девятого. Пусть возьмут вещей на два-три месяца. Анита по утрам будет помогать моей жене, а по вечерам — ходить в школу. Послеобеденное время она сможет проводить со своим братом.

Отец благодарно пожал руку врачу и потер лоб. События развивались с такой быстротой, что он, казалось, не поспевал за ними и только сейчас начал осознавать, что целых два месяца, начиная с завтрашнего дня, ему придется жить без Аниты и Даника в непривычно пустом доме. Спотыкаясь, он пошел в коровник доить коров. Ему нужно было заняться привычным делом, чтобы прийти в себя.

Бабушка распрощалась с врачом у двери. Она несколько мгновений держала его руку в своей.

— Вы хороший человек, — сказала она внезапно. — Бог воздаст вам за вашу доброту.

Врач посмотрел на эту старую мужественную женщину, и глаза его вдруг затуманились. Он уже оценил ее, увидев в окружении двух внучат в чистом и мирном доме, — она была здесь словно ангел-хранитель. Он видел ее любовь и стойкость, которые вдохновляли ее на непосильный труд. Он понял ту скромную жертвенность, с которой она отпускала детей, — отпускала, потому что это было им во благо. И осознал вдруг, что стоит лицом к лицу с одной из святых Бога.

— Вы тоже, — добавил он, — добрая и любящая женщина. И вам обязательно будет за это воздаяние.

Господин Гивет сам повез Луку домой и на руках внес его к матери. Она выглядела очень расстроенной и сердитой.

— Ты непослушный мальчишка, Лука! — возмущенно сказала она. — Ушел, ничего не сказав, и заставил нас так волноваться! Как ты мог так поступить? Ты у меня еще получишь!

Она приняла его из рук врача, помогла ему подняться наверх и уложила в постель. Потом вернулась, села за стол и, закрыв лицо фартуком, разрыдалась.

— Успокойтесь. У вас очень храбрый сын, — сказал господин Гивет.

— Он очень непослушный, — возразила госпожа Марель, но внутренне она так гордилась им и была так рада, что он вернулся домой невредимым, что заплакала еще сильнее.

Они с Марией все утро пекли любимые пряники Луки. Весь дом был наполнен их ароматом. Они пригласили врача отобедать вместе с ними, но он отказался,

объяснив, что у него есть еще одно очень важное дело, а времени в обрез.

— Я слышал, — начал он немного неуверенно, — Лука знает здесь одного старика. Не подскажете ли вы мне, где он живет?

— Старика? — переспросила Мария. — А, это, наверное, тот горный старик, который учит Луку вырезать по дереву. Они проводят вместе много времени. Что Лука нашел в этом старике — не знаю. Люди говорят, он очень странный.

— Не объясните ли вы мне, как добраться до его дома? — спросил врач.

— О, конечно, — ответила Мария удивленно. — Тропинка ведет через лес прямо к нему наверх, в гору. Но я бы на вашем месте не ходила сейчас. После такой пурги тропинку наверняка занесло снегом.

— У меня к нему дело, — коротко сказал господин Гивет. — Может, вы могли бы указать мне эту тропинку? На обратном пути я зайду попрощаться с Лукой.

Господин Гивет взбирался по тропинке, и ему казалось, что он никогда не видел такого красивого леса. Ветви деревьев склонялись под тяжестью снега, а шишки сверкали льдом и тихо звенели.

«Непостижимо, — думал он, — этот человек живет здесь, в тиши и безмолвии леса, наблюдая, как осень сменяет лето, а весна — зиму, постигая тайны гор и лесов...»

Его сердце учащенно забилося, когда он подумал о встрече с этим стариком. Выйдя из леса, он увидел на заснеженной опушке небольшой домик. Он был завален снегом почти до самой крыши. Но старик рас-

чистил дорожку к двери. Казалось, он ожидал гостя. Господин Гивет тихо постучал в дверь и, не дождав-шись ответа, отворил ее.

Старик сидел к нему спиной у печки и, низко нагнувшись, строгал дерево. Коза и кошка устроились рядом. Господин Гивет приблизился к нему и сел на стул по другую сторону печки.

— Ну что? — спросил старик, не поднимая глаз. — Все обошлось благополучно, Лука?

— Это не Лука, — тихо ответил господин Гивет.

Старик встрепнулся и поднял глаза. Несколько минут они так и сидели, глядя друг на друга. Складывалось впечатление, будто каждый из них видит в другом призрака, сознавая в то же время, что это происходит на самом деле.

— Я пришел, чтобы вернуть вам деньги, — сказал наконец господин Гивет. — Мне не нужны деньги за помощь тому ребенку.

— Лука не сдержал своего обещания, — промолвил старик и, опершись подбородком о палку, уставился в огонь.

— Лука сдержал свое обещание, — отозвался господин Гивет. — Он сказал только, что деньги дал ему один старик и что это — уплата долга. Но я не принимаю такие крупные суммы от крестьянских детей без того, чтобы не удостовериться, что они заработаны честным путем. Мне нетрудно было узнать, кто вы и где живете.

Снова последовало долгое молчание.

— Это все, что вы пришли мне сказать? — спросил наконец старик.

И в голосе его вдруг слышались нотки старости, усталости и безнадежности.

Господин Гивет внезапно встал и, подойдя к старику, опустил у его ног на колени.

— Нам нет нужды больше притворяться, — заговорил он. — Мы ведь узнали друг друга. Отец, я пришел забрать тебя домой. Я пришел сказать, как нам всем доставало тебя все эти годы и как мы ждем тебя.

Глава 26

ПОСЛЕДНИЙ ВЕЧЕР ДОМА

Несколько часов спустя Анита в шерстяной шапочке и теплой кофте сидела в большом кресле-качалке в комнате Луки. Сам Лука полулежал в постели. Лицо его было бледным и усталым, однако он был весел и счастлив.

— Расскажи мне обо всем, — попросила Анита. В ее голосе было удивление и восхищение. — Все говорят, что ты совершил геройский поступок. Лука, расскажи мне все с самого начала, как там было на перевале?

Лука радостно вздохнул. Его назвали смельчаком! Как приятно было это слышать! Ему не терпелось рассказать все по порядку. Но почему-то события минувшей ночи вдруг показались ему очень далекими и было трудно рассказывать о них. Все представлялось каким-то сном. Лука не понимал, что из-за непомерного напряжения, пытки холодом и усталостью его разум не запечатлел многого из этого рискованного путешествия.

— Ну, — начал он, — сначала я пошел к старику и попросил у него денег. Потом надел лыжи и поехал вниз в долину. Затем перебрался через речку и прошел лесом до самого верха. Там был сильный ветер. Оттуда я съехал вниз на другую сторону.

— Это я все понимаю, — нетерпеливо перебила его Анита. — Иначе ты бы никогда туда не добрался. Расскажи мне все по-настоящему, Лука. Были ли у тебя какие-нибудь приключения? Было ли тебе страшно? Приходила ли тебе в голову мысль, что ты сейчас погибнешь? И как там, наверху, все выглядело?

Несколько мгновений Лука сидел молча. Все послеобеденное время он мечтал поговорить с Анитой. Теперь же, когда она сидела рядом, не знал, как начать.

— Да, — заговорил он медленно, барабня пальцами по одеялу. — Мне было очень страшно наверху. Я уже почти решил вернуться назад. Анита, помнишь, ты рассказывала, как сильно ненавидела меня, а потом просила Иисуса войти в твое сердце, и Он заменил твою ненависть любовью?

— Да, — быстро ответила Анита, — конечно, я это помню. Но почему ты сейчас об этом спрашиваешь, Лука?

— Видишь ли, — продолжал Лука, немного смущенно, — что-то подобное случилось со мной, когда мне стало очень страшно. Я вспомнил стих, которому твоя бабушка научила нас: «...совершенная любовь изгоняет страх...» И попросил Иисуса изгнать страх. А потом почти сразу же перестал бояться.

— Правда? — спросила Анита, глубоко заинтересованная. — Тогда я думаю, что Иисус вошел в твое

сердце точно так же, как в мое. И ты перестал бояться точно так же, как я перестала ненавидеть. Наверное, это все одно и то же, Лука: боимся ли мы, ненавидим других людей или обманываем — что бы ни было, — но если Иисус входит в наше сердце, там больше не остается места для всего такого.

— Да, — согласился Лука, — я думаю, что в том стихе слово «страх» можно заменить любым другим: ложь, эгоизм, ненависть, лень. В общем, можно сказать, что совершенная любовь изгоняет все злое. Когда Иисус входит в сердце, Его совершенная любовь тоже входит вместе с Ним, ведь так?

— Да, я думаю, это так, — подтвердила Анита.

Так они сидели и тихо разговаривали, не замечая сгустившихся сумерек. Никто из них не догадался включить свет — так хорошо им было говорить в этих сумерках!

* * *

Анита шла домой по освещенному луной снегу. Ей казалось, будто могучие горы заключали ее в свои объятия. Вдруг до ее сознания дошло, что это ее последний вечер дома. От этой мысли комок подкатил к горлу и глаза затуманились слезами. Она быстро побежала домой и, тяжело дыша, влетела в кухню. Отец все еще был в коровнике, но бабушка сидела у стола, пришивая пуговицы к Анитиному фартуку. На столе лежали две стопки одежды, приготовленной им на утро. Даник крепко спал, а котята устроились поверх одеяла. Поскольку это была его последняя ночь дома, ему разрешили взять их к себе.

— Бабушка! — Анита со слезами бросилась в ее объятия.

Бабушка дала ей возможность выплакаться. Потом она пододвинула небольшой стульчик, Анита села, облокотившись о колени бабушки, и попыталась вслушаться в то, что та говорила ей. А бабушка говорила о доме, в котором Анита будет жить, о работе, которую ей придется делать, и о радости, которая придет к ней после, когда Даник снова станет здоровым. Бабушка говорила с такой уверенностью и восторгом, что Анита прониклась теми же чувствами. Она даже не догадывалась о том, что испытывает сама бабушка, говорившая себе: «Что я буду делать завтра вечером и во все последующие вечера, когда стульчик у моих ног будет пуст и в той постели в углу никто не будет спать?»

Было уже поздно. Утром придется рано вставать. Анита поднялась и взяла с полки большую Библию. Вечером, перед сном, она обычно читала ее бабушке вслух.

— Сегодня мы прочтем тринадцатую главу Первого послания коринфянам, — сказала бабушка, когда Анита положила большую книгу ей на колени. — Я бы хотела, чтобы ты запомнила эти слова.

Анита начала читать, а когда закончила, бабушка сказала:

— Я бы хотела, чтобы четвертый стих этой главы ты запомнила и увезла с собой. Прочитай его еще раз, Анита.

Анита еще раз медленно и вдумчиво прочитала этот стих: «Любовь терпелива, любовь добра, не завистлива, не хвастлива, любовь не превозносится».

Бабушка сложила руки на раскрытой Библии и посмотрела на Аниту через очки.

— Послушай меня, — начала она. — Ты попросила Спасителя войти в твое сердце, и Он вошел в него и принес Свою любовь, ту любовь, о которой мы только что читали. Тебе придется смотреть за маленькими детьми. Но ты ведь сама еще ребенок. Они не всегда будут хорошо относиться к тебе. Часто ты будешь злиться, у тебя не будет хватать терпения. Но любовь Иисуса терпелива и милосердна. Приноси к Иисусу все плохие мысли и чувства, и ты заметишь, что они быстро оставят тебя. И еще. Ты будешь жить в большом доме, Анита. Ты увидишь там много красивых вещей, которых сама никогда не сможешь иметь. Иногда ты будешь испытывать неприязнь и зависть. Но запомни, что любовь Иисуса в твоем сердце никогда не завидует. И если твое сердце наполнено Его любовью, там не будет места недовольству. Ты будешь маленькой служанкой детям семьи Гивет. Я не думаю, что они будут внимательны к тебе. Иногда тебе захочется, чтобы они увидели твою работу и похвалили тебя за нее. Но запомни, что любовь Иисуса не превозносится и не гордится. Его любовь поможет тебе делать свою работу молча и честно, независимо от того, замечает ее кто-нибудь или нет. Храни свое сердце наполненным любовью Иисуса. Читай о ней и думай о ней. А когда плохие мысли постучатся к тебе, не пытайся изгонять их сама. Попроси Спасителя действовать вместо тебя и сказать злым мыслям, что для них нет места в твоем сердце — ведь оно наполнено любовью Христа. И тогда этим мыслям придется уйти.

Анита внимательно слушала бабушку, перебирая пальцами свои косы. Затем она встала, поцеловала ее и побежала в коровник, чтобы провести с отцом последние полчаса перед сном.

Ранним утром, когда долина еще покоилась в туманной дымке, а вершины гор уже засеребрились, вся семья поехала на вокзал. Они приехали пораньше, боясь опоздать, и стояли на перроне, ожидая господина Гивета, который появился только через двадцать минут. Анита в одной руке держала большую коричневую сумку, а другой крепко сжимала руку отца. Даник притих и казался каким-то стеснительным. Он все время прятался за спинами и не хотел, чтобы его обнимали, когда наступило время прощаться.

Поезд отошел уже слишком далеко, когда Анита поняла наконец причину такого поведения. Она вдруг заметила, что под пальто у Даника что-то шевелится.

— Даник, что у тебя там, под пальто? — спросила она в изумлении, видя, как толстая ткань пальто поднимается. Даник покраснел.

— Я... только одного, Анита, — смущенно пролепетал он.

— Кого одного? — спросила Анита, бросив тревожный взгляд на врача.

Но господин Гивет, углубившись в книгу, не прислушивался к их разговору.

— Только вот этого, — объяснил Даник и расстегнул пуговицы пальто.

На мгновение оттуда показались усы и мордочка белого котенка. Он высунулся и тут же снова укрылся в своем убежище.

— Даник, — громко сказала Анита, — ты очень непослушный мальчик. Бабушка же сказала тебе, что в больницу не принимают котят. Я не знаю, что мы теперь будем с ним делать.

Даник отвернулся к окну и ничего не ответил. Он не мог придумать никакого оправдания своему непослушанию и только нежно прижимал к себе котенка, а тот, свернувшись в клубок, запыхтел, как маленький паровоз. И ни Даник, ни котенок не чувствовали себя виновными в совершенном преступлении.

Глава 27

ДАНИК В БОЛЬНИЦЕ

Когда они приехали в город, Даника сразу же положили в больницу. Его повели в большую палату, полную хромых детей, таких же, как он. Медсестра в отделении выглядела очень усталой. Даник посмотрел вокруг и решил, что не мешало бы всех развеселить. Он прошелся по палатам, предлагая продемонстрировать на своих костылях прыжки кенгуру. Его старания оправдались. Данику понадобилось меньше часа, чтобы подружиться буквально с каждым. Белого котенка поместили в корзинке на кухне. Ему разрешалось находиться вместе с Даником только во время посещений.

Первый вечер Аниты в городе был не таким веселым. Госпожа Гивет приняла ее ласково. Это была молодая, красивая и веселая женщина. Но когда Анита осталась одна в приготовленной ей комнате на верхнем этаже, она подошла к окну и посмотрела на улицу. За окном были серые дома, растаявший снег и темное, хмурое небо. Она немного постояла там, потом бросилась на постель и горько зарыдала,

вспомнив большие сугробы снега, белые вершины гор и ясное небо у себя дома. В таком состоянии госпожа Гивет нашла ее полчаса спустя, когда пришла узнать, как Анита устроилась. Ничего не сказав, она снова незаметно вышла и вернулась с малышкой Кларой на руках, которую положила на кровать возле Аниты. Это было самое лучшее, что она могла сделать в такой ситуации. Минут через пять Анита уже сидела, улыбаясь девочке, гугукающей на ее коленях. А еще через минуту она и сама весело смеялась.

Постепенно Анита освоилась в доме госпожи Гивет. Утром она помогала ей присматривать за детьми, после обеда проводила время с Даником, а вечером делала уроки. Дети, правда, не всегда слушались ее, и приходилось иногда звать на помощь госпожу Гивет. Когда Анита сердилась или бывала нетерпеливой, она вспоминала бабушкино напутствие. «Любовь терпелива, любовь добра», — повторяла она про себя, когда Марк отказывался завязывать ботинки, Эльза разливала молоко по всему полу, а Павел толкался и падал в грязь. Постепенно любовь Иисуса начала делать ее терпеливее, добрее, покладистее. Она все чаще могла говорить ласково и сдерживать свое раздражение.

Даник пролежал в больнице неделю, дожидаясь операции. И когда его повезли в операционную, он был в радостном и бодром настроении, и даже наркоз не пугал его. Но, проснувшись на следующее утро, он очень расстроился, обнаружив, что конец его кровати поднят вверх, а к больной ноге подвешен железный груз. Нога очень болела, у него была высокая температура, его тошнило. Он громко заплакал, зовя Аниту. Когда же к нему подошла медсестра, от расстройства

он даже ударил ее своей ручонкой — ведь это была совсем не Анита. Всю эту неделю Даник должен был лежать на спине с грузом на ноге. Анита приходила к нему каждый день — читала книжки или рассказывала о белых парусниках на озере за большими стеклянными окнами палаты. Разговорами она пыталась отвлечь его внимание от сильной боли в ноге. Но Даник был несчастен всю эту неделю. Темные тучи низко висели над озером. Дни казались ужасно длинными. Только одно утешало Даника в это время — картина, висевшая на противоположной стене комнаты. И когда он уставал от боли в ноге, уставал от рассказов, уставал от хмурого озера и других детей — тогда он просто смотрел на картину, и она никогда не надоедала ему. На этой картине был изображен Иисус Христос. Он сидел на большом камне посреди луга. Вокруг Него стояли дети со всего мира. Они смотрели Ему прямо в лицо. На траве у Его ног сидел чернокожий мальчик, а на Его коленях — маленький индус. Рука Иисуса лежала на плече белокурой девочки в синем платье. А вокруг толпились дети из Китая, Африки, России и других стран. Под картиной было что-то написано, но Даник еще не умел читать.

Только через неделю после операции Даник и Анита по-настоящему смогли поговорить об этой картине. День был хмурый. Темные тучи висели над озером, и сумерки спустились очень рано. В палате горел свет, другие дети уже спали, а Анита все еще сидела возле Даника. Она оставалась у него теперь немного дольше, потому что Даник очень скучал по ней. Он лежал, закинув руки за голову. Его светлые волосы

были зачесаны назад, подальше от горячего лба. Он выглядел таким несчастным, ему очень сильно хотелось спать, но боль в ноге мешала заснуть.

Даник снова посмотрел на картину и на надпись внизу.

— Что там написано, Анита? — спросил он.

— Там написано: «Пусть приходят ко Мне дети, не мешайте им»*, — ответила Анита.

— Я знаю эту историю, — прозвучал усталый слабенький голосок. — Бабушка рассказывала мне ее. Это дети из Библии? Какая у них смешная одежда!

— Нет, — ответила Анита. — Это дети не из Библии. Это дети со всего мира: из Индии, из Африки, а маленькая девочка в синем платье, наверное, из Швейцарии.

— Почему? — спросил Даник.

— Я думаю, потому, что к Иисусу могут приходиться все дети мира, а не только те, о которых упоминает Библия.

— А как это? — снова спросил Даник.

— Я точно и не знаю, как это тебе объяснить. Ты просто говоришь Иисусу, что хочешь к Нему прийти, Даник. И ты — там. Я думаю, что Иисус тогда берет тебя на руки, точно так же, как Он брал детей на руки, когда жил на земле. Ты и сейчас можешь видеть Его.

— Да, это так хорошо, — ответил Даник и тут же добавил: — Ой, Анита, моя нога очень болит и мне так хочется спать!

* Евангелие от Луки 18:16.

Он начал плакать и метаться по подушке. Анита расправила его подушку, дала воды, и он снова лег, устало всхлипывая.

— Спой мне что-нибудь, — попросил он.

Анита начала петь очень тихо, боясь кого-нибудь разбудить:

Я устал, ищущу покоя,
Боже, очи мне закрой
И с любовью будь со мною,
Будь Хранитель верный мой.
И сегодня, без сомненья,
Я виновен пред тобой:
Дай мне всех грехов прощенье,
Телу — сон, душе — покой.

Даник закрыл глаза. Через несколько минут, уже в полусне, ему показалось, что он снова видит ту картину. Но на коленях Иисуса сидел теперь не индийский ребенок, а маленький худой мальчик с загорелым лицом и выгоревшими на солнце волосами, смотревший прямо в глаза Иисусу. На траве у Его ног лежала пара костылей с вырезанными на них головами медвежат.

— Это я, — прошептал Даник и заснул с улыбкой на лице.

Пока Даник спал, произошли некоторые важные события. Во-первых, пришел врач Гивет и снял с его ноги один из грузов. Во-вторых, у Даника снизилась температура. А в-третьих, подул теплый южный ветер. Он разогнал тучи, и небо прояснилось.

Даник все спал, и спал, и спал. А когда проснулся, ему показалось, что он вошел в новый мир. Он долго лежал молча, все обдумывая. Он чувствовал себя хорошо и комфортно, а нога перестала болеть. Большие стеклянные окна палаты были открыты, и Даник впервые смог увидеть сверкающие в лучах солнца синие воды озера, высокую гору по другую его сторону и лазурное небо с маленькими белыми облачками, которые плыли, подгоняемые южным ветром. Они напомнили Данику маленьких козлят, скачущих по полю, на котором уже растаял снег и начали цвести нарциссы.

— Я скоро выздоровею, — сказал Даник сам себе, вдыхая свежий весенний воздух.

С улицы доносился запах земли, влажной после теплого дождя. Даник закрыл глаза, осознав в глубоком приливе радости, что скоро весна. Лежа вот так и прислушиваясь, он вдруг услышал пение птички. Она пела так звонко, как будто возвещала о большом пробуждении. «Идет, идет, идет, — пела птичка. — Тебе скоро станет лучше, лучше, лучше».

Дверь палаты открылась, и вошла Анита с покрасневшимися от быстрой ходьбы щеками. Она обычно забегала на минутку после завтрака, чтобы узнать о самочувствии брата.

— Даник! Какой сегодня прекрасный день! — воскликнула она. — Посмотри на озеро с парусниками и на гору по ту его сторону.

Даник поднял голову.

— Анита, а где мои медвежьи костыли?

— Здесь, Даник, в твоём шкафчике. Зачем они тебе?

— Видишь вон того маленького мальчика в углу, — сказал Даник. — Я думаю, что ему они понравятся. Отдай их.

— Но зачем? Ведь тебе самому хочется иметь их, не так ли?

— Да, но они мне больше никогда не понадобятся. Я поправлюсь и буду бегать без всяких костылей!

Он был прав.

Глава 28

БЛАГОПОЛУЧНОЕ ЗАВЕРШЕНИЕ

И в долине у озера, и наверху в горах время шло и неделя сменялась неделей. Снег начал таять. Маленькие ручьи переполнялись водой и превращались в бурные потоки. На полях появились первые цветы. Скот в хлевах стал беспокойно топтаться и проситься на свободу. Южные ветры проносились над долинами и разносили пряный запах хвои.

Весна поднималась в горы!

Бабушка была занята весенней уборкой дома, отец — новорожденными телятами. Погруженные в дела, они не так сильно скучали по детям. Но каждый новорожденный теленок с розовым носиком очень напоминал отцу о Данике. Бабушка часто присаживалась и погружалась в грезы. Ей казалось, как наяву, что по ступенькам крыльца раздается стук маленьких костылей. Потом она слышала веселый голосок внука. Но, очнувшись, она снова оказывалась одна в пустом молчаливом доме. И тогда, в который

раз, она спрашивала себя: когда же они наконец вернутся?!

Лука скучал не меньше. Каждый раз по дороге домой он думал о том, как было бы здорово, если бы рядом с ним шла Анита. В школе он больше не чувствовал себя одиноким и несчастным. Благодаря его переходу через перевал все узнали, как сильно он страдал от случившегося. И дети снова приняли его в свою компанию. Да и сам Лука стал совсем другим. В ту ночь, когда он попросил Спасителя войти в свое сердце, он понял, что жизнь его должна измениться. Прежние чувства раздражительности, подавленности и отчужденности не могли больше оставаться в сердце, открытом для любви Иисуса.

Лука заметил, что, если он держался близко к Господу — молился, читал Библию каждый день, — любовь была сильнее раздражительности и лени. Он становился новым человеком, который мог сдерживать гнев, когда его дразнили, и который не отказывался делать грязную работу.

Часто после школы он заходил к бабушке Бурни и помогал ей по дому. Они стали друзьями. И бабушка не знала, что бы она делала без него. Он колот дрова, ходил в магазин и приносил почту из деревни. Последнее он особенно любил, потому что письма обычно были от Аниты и бабушка всегда просила его прочитывать их вслух. Иногда в них бывали картинки от Даника. Бабушка бережно хранила их в своей Библии, часто раскладывала на столе и рассматривала. К концу февраля у нее уже была целая коллекция картинок под названиями: «Я в постели», «Я не в постели», «Я гоняюсь за козами», «Я принимаю ле-

карство», «Я и медсестра», «Я и Анита», «Я и белый котенок». Бабушке они казались одна лучше другой, хотя на последней трудно было разобрать, кто «я», а кто — «белый котенок».

У Луки было еще одно переживание. Его друг, горный старик, собирался покинуть горы и переехать вниз, к озеру, чтобы жить вместе со своим сыном, господином Гиветом. Об этом отец с сыном договорились в тот день, когда впервые встретились и узнали друг друга. Старик собирался уехать в начале марта. За день до отъезда Лука пришел к нему, чтобы помочь упаковать вещи.

Старик отдал козу, кошку и кур другим крестьянам и продал почти все свои маленькие деревянные фигурки. Но домик он решил не продавать, чтобы время от времени возвращаться сюда.

— Я часто буду приезжать сюда, Лука, — объяснил он. — Я не могу расстаться с горами надолго. Я проживу немного там, а когда услышу зов гор, вернусь.

Он молча посмотрел вокруг, и его взгляд остановился на голых полках хибарки.

— Несколько своих фигурок я везу в подарок детям, — заметил он. — Думаю, они им понравятся. Но одну, Лука, я хочу подарить тебе. Я думал, что не смогу с ней расстаться, но все же решился. Обращайся с ней бережно.

Лука в ожидании посмотрел на старика.

— Дедушка, я был бы очень рад получить одну вашу фигурку на память, — отозвался он. — Она напоминала бы мне о вас. Кроме того, я, может быть, смогу скопировать ее.

Старик подошел к тумбочке и достал оттуда подарок для Луки. Он вложил его в руки мальчика и стал наблюдать за тем, как тот изучал его. На первый взгляд это был простой деревянный крест, сделанный из двух кусков дерева. Но перекладина была привязана к столбу искусно вырезанными веревками. Во многих местах они были завязаны в узлы. Это была изысканно тонкая работа. Пальцы Луки осторожно, почти с благоговением, прошлись по мастерски сделанному кресту. Затем он сияющими глазами посмотрел на своего старого учителя:

— Какой чудесный подарок! — воскликнул он. — Я не могу себе представить, как вы вырезали веревку, не поломав дерева?

Потом он немного смущенно добавил:

— На таком вот кресте был распят Иисус, да?

— Да, — просто ответил старик. — Я вырезал его в ночь, когда умер крестьянин, у которого я работал. В ту ночь он говорил мне о любви и милости Божьей, и в ту ночь я тоже поверил в Его прощение. Однажды мы с тобой тоже разговаривали об этом. Крест — это место, на котором родилась совершенная любовь.

Тут Лука вспомнил:

— Совершенная любовь? — повторил он. — О ней как раз и говорит бабушкин стих. Об этом мы с Анитой говорили в последний вечер перед ее отъездом.

— Это правда, — согласился старик. — Ты часто будешь слышать об этой любви. Совершенная любовь — это любовь, которая продолжает делать добро до тех пор, пока не будет исполнено все. Любовь, которая продолжает страдать до тех пор, пока не иссякнет страдание. Поэтому Иисус, умирая на кресте, сказал:

«Свершилось!»* Не осталось больше ни одного греха, который не мог бы быть прощенным, ни одного грешника, который не смог бы быть спасенным. И это все благодаря искупительной смерти Иисуса Христа. Его любовь была совершенной.

Старик, казалось, забыл о присутствии Луки и говорил сам с собой, но Лука все равно продолжал слушать.

Вскоре он попрощался со стариком и пообещал прийти утром, чтобы по дороге в школу помочь отнести чемодан на вокзал.

Теплый южный ветер гулял между деревьями, и капли тающего снега, весело стуча, падали с веток. Лука спешил домой, чтобы написать письмо Аните и передать с горным стариком. Первым делом он осторожно повесил свой маленький крест над кроватью, затем побежал на кухню за ручкой и бумагой.

Кухня была в полном беспорядке. Мама возилась с коровами, и у нее не было времени помыть посуду и вынести мусор. Обычно Лука помогал ей. Но сегодня ему было не до посуды — он очень спешил. Поэтому он решил отправиться в свою спальню, чтобы без всяких помех написать письмо. «Мама позже сама все уберет», — решил он. Лука быстро поднялся в свою комнату и, устроившись на полу, только было собрался писать, как вдруг его взгляд скользнул вверх и остановился на маленьком деревянном крестике на стене. Он задержался на нем на одно-два мгновения, и в памяти мальчика вновь всплыло то, о чем говорил старик. «Совершенная любовь...» Почему же в нем снова звучали

* Евангелие от Иоанна 19:30.

слова: «Совершенная любовь продолжает делать добро до тех пор, пока не будет исполнено все»?

Луке захотелось хотя бы немножко быть похожим на Спасителя и тоже любить совершенной любовью. Мальчик покраснел, медленно поднялся и стал спускаться на кухню. Когда полчаса спустя его мать вошла в дом, кухня выглядела чистой и убранной, а счастливый Лука сидел за столом и писал.

На следующее утро, еще затемно, он встал и отправился наверх, к дому старика. Они ушли вместе, оставив одинокую хибарку ожидать возвращения хозяина. Когда они вышли из леса, туман рассеялся, запели петухи и солнце осветило самые высокие вершины.

Старик уезжал поездом, который зимой увез Аниту и Даника.

— Я вернусь, когда начнут цвести нарциссы, — напомнил он Луке, с тоской глядя на горы. — Ты напиши мне, когда они станут распускаться здесь, в долине. Тогда у меня будет достаточно времени, чтобы поспеть к их цветению в горах. Не забудь, Лука!

Ответ Луки потонул в шуме колес отходящего состава. Через несколько минут поезд скрылся за изгибом дороги.

Вскоре после этого Лука принес бабушке письмо с почты. Он знал, что письмо от Аниты, и поэтому спешил скорее передать его. С громким топотом он взбежал по ступенькам на веранду, возвещая хорошую новость. Бабушка поспешила ему навстречу.

— Прочитай мне его, Лука, — попросила она, устраиваясь на солнышке.

Бабушка сложила руки и закрыла глаза, чтобы не пропустить ни одного слова. Это было совсем короткое письмо, и Лука прочитал его на одном дыхании:

«Дорогие папа и бабушка! Даник и я послезавтра приезжаем домой. Даник уже совсем здоров. Мы никак не можем дождаться, чтобы снова увидеть вас. Даник просит, чтобы вы непременно принесли Белоснежку на вокзал. Любящая вас Анита».

Вместе с письмом была небольшая записка от госпожи Гивет. В ней было указано точное время прибытия поезда. В конверте также был рисунок Даника под названием: «Я еду домой в поезде».

Бабушка всплакнула, но только совсем немножко. Она тут же вытерла слезы и решила быть сильной бабушкой, потому что впереди было много хлопот.

— Лука, сходи и отдай это письмо господину Бурни, — сказала она. — А потом помоги мне немного. Нам нужно порядком поработать, чтобы приготовить к приезду детей.

Отец, прочитав письмо, издал какое-то непонятное восклицание, машинально почесал затылок и — первый раз в своей жизни — опрокинул ведро с молоком.

Этот воскресный день выдался ясным и теплым. Лука проснулся с восходом солнца и пошел собирать весенние цветы. Он красиво расставил их в небольшой вазочке на столе, а затем отправился на вокзал. Мальчик шел медленно, потому что у него в запасе было много времени и ему хотелось о многом еще подумать.

Бабушка, господин Бурни и Белоснежка поехали упряжкой. Казалось, такого красивого весеннего утра они не видели еще никогда. Зеленые поля вокруг были усыпаны цветами. Повсюду слышался звон колокольчиков — животные только недавно вышли из зимних загонов на свободу. Маленькие козлята прыгали на лугах. Лес был полон запахов, и белые вершины гор ярко сверкали на фоне голубого неба.

«Этот день совсем не похож на позапрошлогодний», — подумал про себя Лука. Охапка цветов напомнила ему о том кошмарном дне. Одно только воспоминание о нем омрачило его радостное настроение. Ведь это его вина, что им вообще пришлось уезжать. Может быть, они не так уж и рады будут снова увидеть его? Анита написала, что Даник здоров, но Луке не верилось. Он стоял в стороне, засунув руки в карманы, и боялся этой долгожданной встречи. Он даже подумал, что лучше было бы ему вовсе не приходиться сюда.

На перроне собралась довольно большая толпа народа. Отец молча ждал, устремив взгляд туда, откуда из-за поворота должен был показаться поезд. Бабушка возилась с Белоснежкой: кошка с розовым бантиком на шее, казалось, хотела вырваться и побежать навстречу поезду.

— Идет, идет! — воскликнул отец.

И все двинулись вперед, все, кроме Луки. Он чувствовал себя все более напряженным и подавленным.

Поезд подошел к перрону, и Анита с Даником, возбужденные и радостные, показались в окне: им не терпелось выйти. Даник устремил взгляд на любимые лица и заметил Луку, стоявшего отдельно. Его маленькое любящее сердце хотело поскорее обнять всех. Он спрыгнул с поезда и, пробравшись сквозь толпу, побежал прямо к Луке.

— Посмотри, Лука! — закричал он. — Я могу ходить. Твой врач, которого ты нашел, вылечил меня, и я могу бегать, как будто никогда и не ломал ногу. Смотри, бабушка! Смотри, папа! Я бегаю без костылей. Посмотри, Белоснежка, вот твой котенок. Разве он не большой, бабушка? Почти такой, как Белоснежка.

Белоснежка и котенок просто возненавидели друг друга. Они шипели, прыгали и царапали друг друга. Данику и бабушке едва удалось разнять их. Люди смеялись. Поезд отходил от перрона. Анита крепко ухватилась за папу: ей больше ни за что не хотелось покидать его.

Только Лука отвернулся, чтобы скрыть навернувшиеся слезы. Его почтили больше всех: его грех был прощен и забыт навсегда. Даник мог снова ходить, как будто бы никогда и не падал.

И вдруг Лука заметил, что орешник у перрона расцвел. Только вчера на нем были лишь голые ветки, но весна предъявила свои права и голое дерево вспыхнуло ярко-розовыми цветами.

Пора метелей миновала,
Земля цветами убралась
И птичьих песен дождалась.

Содержание

Ольга Колесова. Записки бабушки	3
Глава 1. Рождественский вечер	9
Глава 2. Бабушка	17
Глава 3. Рождественский подарок	24
Глава 4. Ссора	32
Глава 5. Несчастный случай	40
Глава 6. Поиски	49
Глава 7. Не могу простить	59
Глава 8. Всеми покинутый	67
Глава 9. На приеме у врача	76
Глава 10. Новый друг	86
Глава 11. Завоевание любви	94
Глава 12. На пастбище	99
Глава 13. Злая выходка	107
Глава 14. Рассказ старика	115
Глава 15. Главный приз	129
Глава 16. День рождения Иисуса Христа	139

Глава 17.	«Вот, Я стою у двери и стучу»	147
Глава 18.	Открытые двери сердца	154
Глава 19.	Первый шаг к прощению	161
Глава 20.	Полное примирение	168
Глава 21.	Решительный поступок Аниты	175
Глава 22.	Серьезное решение	185
Глава 23.	Необычное приключение	191
Глава 24.	Встреча с врачом	204
Глава 25.	Две встречи	211
Глава 26.	Последний вечер дома	227
Глава 27.	Даник в больнице	234
Глава 28.	Благополучное завершение	241

Патриция Сент-Джон
СЛЕДЫ НА СНЕГУ

Главный редактор — И. Воробьева
Переводчик — Г. Мехонцева
Редактор — Т. Смирнова
Корректоры — А. Лобанова, Н. Баталова
Художник — М. Кудрявцева
Компьютерная верстка — А. Кодак

ЛП № 000315 от 30.11.99. Подписано в печать 10.07.03.
Формат 60×88/16. Гарнитура «SchoolBookС». Бумага
офсетная. Объем 16 п. л. Тираж 5000 экз. Заказ №

МРО «Христианская миссия “Свет на Востоке”»
а/я 201, г. Санкт-Петербург, 190020
Тел./факс: (812) 147-2548
E-mail: post@lio.ru
<http://www.lio.ru>

Отпечатано с готовых диапозитивов
В Академической типографии «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

Издательство
«СВЕТ НА ВОСТОКЕ»
для детей

Элинон Портер
ПОЛЛИАННА

Это новое прекрасно иллюстрированное издание детской повести американской писательницы Элинон Портер. Образ ее маленькой героини, именем которой названа эта книга, согревает и ободряет читателей, побуждает их к размышлениям о смысле жизни своим неиссякающим оптимизмом. Эта «вечно радостная» девочка убеждена: поскольку Бог повелел нам в Своем Слове радоваться и веселиться, «Он, без сомнения, хочет, чтобы мы делали это... хоть чуть-чуть».

Издательство
«СВЕТ НА ВОСТОКЕ»
для детей

Елена Микула
**ПОЧЕМУ НЕ ЛЕТАЮТ
ЛЯГУШКИ?**

Это книга рассказов о животных. В ней написано о котах и собаках, о гусеницах, бабочках и хомячках. Даже о невиданном звере камелопарде написано, а о лягушках — ни слова.

Почему же в названии книги есть лягушки, которые не летают? Просто Елена Микула хотела сказать своим маленьким читателям о том, что не нужно ждать от Божьих творений того, для чего они не предназначены. Господь поселил лягушек в болоте и не дал им крыльев — поэтому они и не летают.

СВЕТ НА
ВОСТОКЕ

Уважаемые читатели!

В издательстве

«Свет на Востоке» работает отдел
«КНИГА — ПОЧТОЙ»

- Пожалуйста, обратите внимание на то, что книги рассылаются только в пределах России!
- Заказы можно оформить по телефону, письменно или на нашем сайте www.lio.ru. На сайте же можно увидеть обложки книг и познакомиться с аннотациями.
- На заказы свыше 500 руб. предоставляется 5-процентная скидка.

Получить подробную информацию о работе отдела «Книга — почтой», а также заказать прайс-лист с аннотациями вы можете по адресу:

ХМ «Свет на Востоке»
а/я 201, г. Санкт-Петербург, 190020
Тел./факс: (812) 147-2548
E-mail: post@lio.ru
<http://www.lio.ru>

Будем рады выполнить ваши заказы!

